

Адам Кирш

**БЕНДЖАМИН
ДИЗРАЭЛИ**

ПОРТРЕТ
ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

УДК 821.111.(73)

ББК 83.3+91

К43

Оформление серии А. Бондаренко

ISBN 978-5-9953-0428-9

© Copyright 2008 by Adam Kirsch

© В. И. Генкин, перевод, 2016

© «Книжники», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Бенджамин Дизраэли	29
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	297
КОРОТКО ОБ АВТОРЕ	315

Моему отцу Джонатану
и моему сыну Чарльзу

ВВЕДЕНИЕ

В 1876 году, когда Бенджамин Дизраэли во второй раз занимал пост премьер-министра Великобритании, двое из лучших английских романистов издали книги, главными персонажами которых были евреи. При этом ни Джордж Элиот, ни Энтони Троллоп имени Дизраэли в этих романах не упоминают. Однако к этому времени именно Дизраэли уже в течение сорока лет оставался самым известным евреем в Англии. В своих книгах и речах Дизраэли пытался привить соотечественникам свой особый взгляд на евреев и иудаизм. В политической карьере он сумел обратить свое еврейство, скрыть которое не позволяло само его имя, в определенное преимущество. Еврейские герои Элиот и Троллопа, хотели того авторы или нет, означали некое поветрие, и его возникновению помог Дизраэли.

Даниэль Деронда, герой замечательного протосионистского* романа Джордж Элиот,

* Протосионизм — мировоззрение предшественников политического сионизма, чьи идеи не были еще окончательно сформулированы и не получили практического воплощения. — *Здесь и далее примеч. перев.*

известен гораздо больше, чем персонаж Троллопа. Даниэль, когда мы встречаем его впервые, это гордый представитель гордого класса — английской аристократии. Однако он всегда знал, что его рождение окружено какой-то тайной. Даниэль рос под опекой сэра Хьюго Моллингера, богатого и доброго сквайра, всей душой привязанного к воспитаннику. Ничего не зная о своих родителях, Деронда подозревает, что, возможно, приходится сэру Хьюго незаконнорожденным сыном. С годами, как показывает нам автор, Даниэлю все сильнее хочется раскрыть тайну своего происхождения.

К иудаизму мысли Даниэля обращаются впервые при встрече с Мирой Лапидус — эту красивую еврейскую девушку он уберег от попытки покончить с собой. Желая больше узнать о народе, к которому принадлежит Мира, он отправляется в старое еврейское гетто во Франкфурте, на Югендгассе, и заходит в синагогу во время службы. Вид молящихся евреев вызывает в нем самые противоречивые чувства. Он глубоко тронут «великолепным распевом кантора с его переходами от монотонности к внезапным выкрикам» и, похоже, ощущает «некий божественный прилив во тьме». Однако английское воспитание Даниэля восстает против «вульгарности фигур» окружающих его евреев, против «хитроватых иудеев с диковинной внешностью», которые тут же совершают сделки и громко переговариваются на «еврейском жаргоне». Поэтому не удивительно, что Деронда потрясен, когда некий старик в синагоге берет его за руку:

...он увидел рядом седобородого старика, который обратился к нему по-немецки: «Извините, молодой человек, позвольте... кто

ваши родители?.. из какой семьи ваша матушка?.. ее девичье имя?» Деронда возмутился, ему захотелось тут же стряхнуть эту чужую руку, но он сумел сдержаться, убрал свою и холодно ответил: «Я англичанин».

Мысль о том, что этот немецкий еврей мог его знать, мог знать даже то, чего не знает он сам — имя его матери, ужасает Даниэля, и ответ его имеет целью поставить незнакомца на место. Быть англичанином, английским джентльменом, — значит принадлежать к совершенно иному миру, отличному от мира Юденгассе, и нарушать границу между этими мирами не позволено никому. Прикосновение руки этого незнакомца еврея Даниэль ощущает как насилие, притязание на близость, которое он отвергает. Он цепляется за свою принадлежность к английскому миру как за талисман, как за спасательный круг.

Разумеется, в романе Элиот, словно в волшебной сказке, этот незнакомец оказывается неким вестником, так как по прошествии времени Даниэль обнаруживает, что и сам он — еврей. Старик, как выясняется, был другом его деда, а настоящая мать Даниэля — знаменитая еврейская актриса, которая отдала своего младенца на воспитание сэру Хьюго. Когда в одной из самых сильных и даже пугающих сцен романа Даниэль наконец встречается с матерью, та рассказывает, что хотела избавить его от этого проклятья — быть евреем и поэтому отдала. «Я хотела уберечь тебя от ненавистного бремени, которое несла сама, — говорит она. — Могла ли безмерно любящая мать поступить лучше? Ты был рожден евреем, и я освободила тебя от этого ярма». Лучше быть мнимым англичанином, убеждает она Даниэля, чем настоящим евреем.

Однако автор «Даниэля Деронды» в своем романе утверждает, что еврейство — отнюдь не «бремя» или, по крайней мере, не должно быть таковым. Роман предлагает Даниэлю иную модель еврейства, чем у его матери, которая ненавидела самое себя, или у франкфуртских евреев с их чуждой вульгарностью. Это модель Мордехая, брата Миры, чей иудаизм принимает форму пылкого сионизма. Мордехай убежден, что все изъяны еврейской жизни можно устранить, вернув евреям политическую самостоятельность: «Стремясь к обретению земли и своего государственного устройства, наш рассеянный по миру народ сможет занять достойное место среди других народов Востока и Запада как нация со своим голосом».

Пройдет много лет, прежде чем сионизм станет политической реальностью, и в романе Элиот он выступает в виде некоей нравственной перспективы. Мордехай лишен всех отрицательных черт, которые Даниэль и автор связывают с евреями, благодаря своей идее восстановления еврейского государства в Палестине. Пример Мордехая позволяет Даниэлю заявить о своей принадлежности к еврейству, скрывать которую его убеждала собственная мать. «Нет ничего позорного в том, что твои родители — евреи, — говорит он ей, — позорно отрекаться от них». К концу романа Даниэль открыто признается в том, что он еврей, женится на Мире и намеревается ехать на Восток, чтобы трудиться ради осуществления мечты Мордехая. Пусть он теперь не английский аристократ, зато облагораживающая сила сионизма поможет ему возродиться заново как аристократу еврейскому: «Найдя своих предков, он словно обрел вторую душу». Элиот утверждает, что, вопреки расхожему мнению, еврейство и благородство вовсе не исключают друг друга.

Пока читатели Джордж Элиот следили за судьбой героев ее романа (он издавался частями), любителей прозы Энтони Троллопа волновали интриги, которые плел еврей совсем другого склада. Фердинанд Лопес, отрицательный герой пятого из серии романов о Плантагенете Паллисере, вначале представляется читателю таким же джентльменом, как Даниэль Деронда. Он вполне импозантен, и ему удастся покорить сердце Эмили Уортон, молодой женщины, чистокровной англичанки. «Она искренне поверила, что Фердинанд Лопес станет ей хорошим мужем. Этот человек обладал воистину удивительным даром внушать доверие», — предрекая беду, пишет Троллоп.

Однако отец Эмили, богатый адвокат мистер Уортон, не допускает мысли, что кровь его потомков может смешаться с кровью детей Лопеса. Лопес никогда не говорит о своей семье, своих корнях — вот что прежде всего вызывает его подозрения. Лопес признает, что он наполовину португалец, но своего еврейства, для всех очевидного, — никогда. Как и отец Дездемоны в «Отелло», мистер Уортон испытывает безотчетную брезгливость, представляя свою дочь в объятиях чужака. Вместе с тем он понимает, что в девятнадцатом веке, веке прогресса, такое инстинктивное отвращение недопустимо. «Вполне возможно, это всего лишь предубеждение, — размышляет он. — Другим человек отнюдь не противен лишь потому, что он чуждого происхождения и носит иностранное имя. Другим не пришло бы в голову, что в человеке течет еврейская кровь, потому что у него смуглая кожа, да и вообще отталкивать его, даже если среди его предков есть евреи». В результате либеральные угрызания совести возобладали над дурными предчувствиями, и мистер Уортон разрешает дочери выйти замуж за Лопеса.

И чуть не сразу убеждается, что, проявив терпимость по отношению к еврею, совершил роковую ошибку. Выясняется, что Лопес скорее похож на мальтийского еврея* Кристофера Марло, чем на Даниэля Деронду. Жадный, мстительный, бесчестный, он решает выдоить из богатого тестя деньги, чтобы спастись от финансового краха из-за неудачных операций на бирже. По мере того как мистер Уортон осознает глубину своей ошибки, Троллоп наделяет Лопеса все более отвратительными чертами: «безотцовщина, чужак, чернявый португальский еврей без роду без племени», «язык у него без костей», «горящие глаза, крючковатый нос». Скаредность его безгранична: «Боже мой, — говорит мистер Уортон дочери, — да он убил бы тебя без малейших колебаний, если бы это принесло ему деньги». И Лопес, подобно Шейлоку, сторицей платит англичанам и христианам за их ненависть. «Ты ведь знаешь, что евреи обобрали египтян, и это ставится им в заслугу, — говорит он жене. — Так вот, твой отец для меня — египтянин, и я его разорю».

Однако Троллоп клеймит Фердинанда Лопеса не за то, что он бесчестный кровожадный еврей, а за то, что Лопес — не джентльмен. Если нравственный посыл романа Элиот — еврей может быть благородным человеком, то Троллоп утверждает, что еврей, даже внешне похожий на джентльмена, никогда не станет таковым по сути. «В каком-то смысле [Лопес] был одним из тех, кого принято называть

* Мальтийский еврей — герой одноименной пьесы Кристофера Марло (1589). Еврей Варавва, жадный, мстительный и жестокий, завязывает сложную интригу, чтобы его враги, мальтийские рыцари и турки, уничтожили друг друга. Однако эти злодейские планы оборачиваются против него самого, и он погибает в чане с кипящим маслом.

джентльменами, — пишет Троллоп. — Он знает, как следует говорить, как надлежит выглядеть, как пользоваться ножом и вилкой, как одеваться и как ходить. Но в нем нет и малой толики чувств, присущих джентльмену». Этого благородного английского титула Лопес, по мнению мистера Уортона, никак не заслуживает, называть его следует иначе: «И теперь ему стало ясно, что этот человек <...> просто-напросто авантюрист!»

Роман, в котором появляется этот авантюрист, этот еврей, пользующийся добрым расположением англичан для того только, чтобы их обмануть и обокрасть, называется «Премьер-министр». Имя Фердинанда Лопеса не вынесено в заглавие: премьер-министр в романе — герцог Омниум, чей путь в политике Троллоп прослеживает во всей серии произведений о Паллисере. Однако в 1876 году любой читатель Троллопа без труда улавливал сходство героя романа «Премьер-министр» с премьер-министром Великобритании Бенджамином Дизраэли. Те же вопросы, которые автор ставит в романе — может ли еврей быть англичанином? может ли англичанин доверять еврею? — задавали относительно Дизраэли с того самого времени, как он вышел на общественно-политическую арену, а тому минуло почти полвека.

Вдобавок недоброжелатели называли Дизраэли не иначе как авантюристом, а именно так мистер Уортон определил Лопеса. В 1859 году, когда Дизраэли был лидером Палаты общин, один из оппонентов выступил с резким осуждением его парламентской тактики: «Было время, когда подобный образ действий вызвал бы единодушное возмущение и был бы признан недопустимым, и Палата общин никогда не согласилась бы пойти на поводу у еврейского

авантюриста». Ему вторил маркиз Солсбери, консерватор, — он стал премьер-министром через некоторое время после Дизраэли: «Он авантюрист, и у меня есть две весомые причины считать его человеком беспринципным и бесчестным». Дизраэли иллюзий не питал, он знал, как к нему относятся коллеги. «Я Дизраэли-авантюрист, — с горечью сказал он как-то, когда партия разрабатывала какую-то стратегию, — и я не примирюсь с положением, при котором партия сможет использовать меня в дебатах, а затем задвинуть в угол».

На самом деле Дизраэли все-таки появляется в романе Троллопа: его легко узнать в образе мистера Добени, лидера консерваторов в Палате общин. (Парламентская схватка между мистером Добени и мистером Грешемом — под этим именем Троллоп вывел Уильяма Юарта Гладстона, главного соперника Дизраэли, — повторяющийся сюжет в серии романов о Паллисере.) Хотя Добени внешне не похож на еврея, автор наделяет его теми же двусмысленными характеристиками, которые были присущи прототипу этого персонажа. «Я всегда чувствовал, что мы ошибаемся в оценке мистера Добени, — говорит один из многочисленных политиков-интриганов, населяющих роман. — Многие считают его государственным деятелем, а для меня он всегда оставался политическим Калиостро». — То есть английским вариантом жившего в восемнадцатом веке итальянского мошенника и мага-самозванца. — «Я полагаю, что иметь в своей среде иллюзиониста весьма приятно, если нам известно, что он действительно иллюзионист, но иллюзионист, трюки которого основаны не на ловкости рук, — человек опасный».

Слово «иллюзионист» как и «авантюрист» — еще одно вошедшее в обиход оскорбительное

определение Дизраэли. Томас Карлейль* называл его «величайшим еврейским иллюзионистом». Дизраэли и впрямь преодолел так много препятствий на пути к власти, что его триумф казался невозможным, и объяснить его можно было только чудом. Однако Дизраэли вышел отнюдь не из низов английского общества, его дед был богатым коммерсантом, отец — своим человеком в писательской среде. Вместе с тем за весь девятнадцатый век ни один английский премьер-министр не прошел более длинный и трудный путь к власти.

В то же время множество препятствий на этом пути Дизраэли воздвиг сам. Впервые он стал известен в двадцать один год как автор скандального романа «Вивиан Грей», и необдуманные признания его героя в безграничном честолюбии преследовали Дизраэли всю оставшуюся жизнь. Молодым человеком Дизраэли наделал огромные долги, не имея ни малейшей надежды их выплатить, и едва не попал в тюрьму. Он заводил любовные связи с замужними дамами и, по слухам, даже уступил одну из своих любовниц видному члену консервативной партии в обмен на политическое покровительство. Исповедуя культ Байрона, Дизраэли был подчеркнута экстравагантен в одежде и манере говорить. Все эти качества выделяли его на общем фоне как человека, чуждого условностям, непредсказуемого — и в силу этого ненадежного. То, что такому человеку удалось стать премьер-министром, да еще в атмосфере сугубой строгости нравов викторианской эпохи, действительно кажется трюком иллюзиониста. Пусть так, но шел он к цели очень долго. Прежде

* Томас Карлейль (1795—1881) — английский писатель, историк и философ.

чем стать премьер-министром впервые, причем на довольно короткий период, Дизраэли тридцать лет оставался членом парламента, а занять этот пост на полный срок он смог, когда ему было почти семьдесят.

Надо сказать, что то, как именно противники Дизраэли нападали на него, странным образом свидетельствует и об уважении, которое он им внушал. Кто такой, в конце концов, авантюрист, если не человек, идущий к успеху, несмотря на все препятствия? Кто такой иллюзионист, если не человек, столь блестяще одаренный, что обычный разум не способен понять, как ему удастся добиваться желаемого результата? Гладстон уловил эту двойственность, когда не без восхищения говорил о «дьявольском уме» Дизраэли. В то же время на взгляд благожелательного человека успешную политическую карьеру Дизраэли можно было счесть подтверждением английской меритократии*, которая даже еврею давала шанс достигнуть вершин власти. В 1868 году, когда Дизраэли впервые стал премьер-министром, королева Виктория поздравила его именно в таком духе: «Он может гордиться, что занял столь высокий и ответственный пост благодаря собственному таланту и успешному служению своему суверену и своей стране». Или, как сказал Дизраэли французский политик Гизо: «То, что именно вы возглавили консервативную партию, представляется мне величайшим триумфом либерализма».

Тем не менее Дизраэли, живший в эпоху расцвета английского либерализма, сам был

* Меритократия — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди независимо от их происхождения и имущественного положения.

убежденным противником либеральных идей. Он не верил в то, что называл «сомнительным принципом религиозной свободы», и был рьяным защитником англиканской церкви, имевшей государственный статус. Землевладельцев, своих политических союзников, Дизраэли с особой приязнью называл «английскими джентльменами» и противостоял любым посягательствам на их привилегии. Он завоевал политическую репутацию, противодействуя свободной торговле, и на протяжении десятилетий выступал против всеобщего избирательного права. Когда либералы приветствовали борцов за независимость в Италии и Польше, Дизраэли неизменно оставался враждебен к охватившему Европу движению за национальное освобождение, полагая его следствием злокозненной деятельности «тайных обществ». В своих романах он даже мечтал о возвращении в Англию феодализма — политического устройства, при котором власть парламента будет урезана, власть монарха восстановлена, а умиротворенное простонародье покорно своим естественным правителям.

Если бы успех политического деятеля измерялся его способностью претворять свои идеи в реальность, то следовало бы признать, что Дизраэли как политик потерпел фиаско. В качестве критика викторианских материализма и утилитаризма Дизраэли не уступает таким пророкам и мудрецам своего времени, как Карлейль, Арнолд, Рескин* и другие великие

* Мэтью Арнолд (1822—1888) — английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Джон Рескин (1819—1900) — английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт, оказал большое влияние на развитие эстетики второй половины XIX — начала XX века.

мыслители, которые писали о том, сколь пагубные последствия для духовной и общественной жизни Англии несет прогресс. Однако как их, так и его идеализм не мог остановить движущие силы эпохи. Гладстон, который начал свою карьеру как тори, а закончил ее как радикальный либерал, оказался прав, когда, обращаясь со страстной речью к Дизраэли и другим консерваторам, утверждал: «Вам не под силу бороться с будущим. Время на нашей стороне. Огромные общественные силы пришли в движение во всей своей мощи, во всем своем величии, и шум ваших дискуссий ни на миг не сможет им помешать <...> — эти силы против вас».

Различие, естественно, имеется, и состоит оно в том, что Дизраэли был не просто критиком викторианской эпохи, но и одним из ее ведущих политических деятелей. Как лидер консервативной партии он был вынужден соотносить свои идеалы с реальными возможностями, а как человек весьма честолобивый — почти всегда проявлял готовность к компромиссу для достижения власти. Важнейшим достижением Дизраэли в области законотворчества стал Второй билль о реформе 1867 года, согласно которому право голоса получило большинство глав хозяйств мужского пола, то есть введена норма еще более либеральная, чем та, которую были готовы рассматривать сами либералы. Именно этот успех привел Дизраэли в кресло премьер-министра, однако для твердолобых консерваторов типа Солсбери одобрение Второго билля стало «политической изменой, не имеющей себе равных в истории британского парламента». В результате на Дизраэли обрушились обвинения в оппортунизме и лицемерии, а он и без того уже внушал недоверие как автор романов, денди, авантюрист и, разумеется, как еврей.

О еврействе Дизраэли никто не забывал, оно неизменно оставалось в центре внимания. «Любой англичанин, столкнувшийся с Дизраэли, — писал один его современник, — мгновенно чувствовал, что перед ним иностранец». Не имело значения, что Дизраэли, как и его отец, родился в Лондоне и изъяснялся исключительно на английском языке. Не имело значения даже то, что он был христианин, крещенный в двенадцать лет, и с тех пор пребывал в лоне англиканской церкви. Будучи евреем, Дизраэли принадлежал к чужой расе, а потому отличался от представителей нации, которой руководил, и своим обликом, и, по мнению многих, приверженностью иным ценностям и иным мировосприятием. «Он так и не принял полностью английский образ жизни», — писал Уинстон Черчилль, полагая, что Дизраэли всегда оставался иммигрантом в стране, где родился.

Отличие внешнего облика Дизраэли, как казалось, отражало и его духовное своеобразие, что отчетливо видно из описания визита Дизраэли в Шотландию в 1867 году, которое оставил его очевидец сэр Джон Скелтон: «Всесильный маг с оливковой кожей, угольно-черными глазами и высоким куполом лба (купол отнюдь не христианского храма), он не похож ни на одно знакомое нам живое существо. <...> Лицо как никогда напоминает маску, в глаза бросается разительное отличие от простых смертных. Я мог бы с той же легкостью представить, что сижу за одним столом с Гамлетом, или Лиром, или Вечным Жидом».

Любопытно, что далее в своем описании Скелтон порицает тех, кто считает Дизраэли «чужаком», и задает вопрос: «Что такое для него Англия, или что значит он для Англии?» По его мнению, Дизраэли без сомнения принимает интересы Англии близко к сердцу: «Англия — это

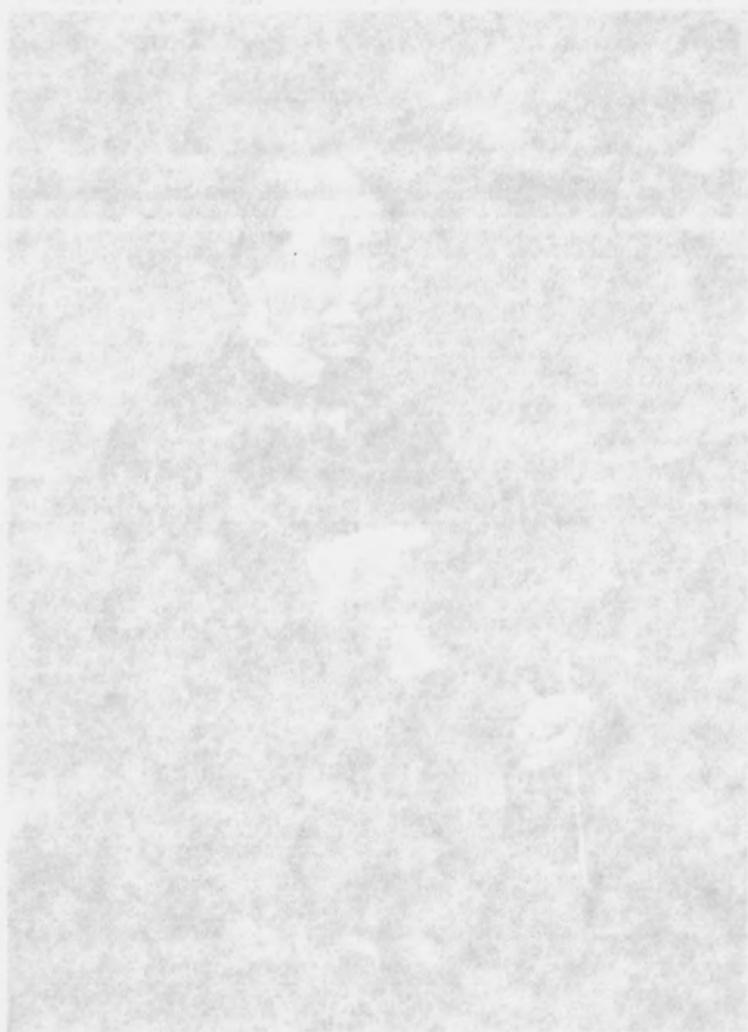
Израиль его воображения». Эта фраза, по-видимому, обобщает все противоречивые моменты в жизни и карьере Дизраэли и предлагает способ решения этих противоречий. Понимая, что еврейство навсегда отпечаталось в его имени и на его лице, Дизраэли никогда не пытался его скрыть. Он знал, что это было бы не только тщетно в глазах английской аристократии, к которой и он принадлежал, но и с ее точки зрения постыдно. Ведь и Фердинанд Лопес прежде всего был виновен в том, что скрыл свое происхождение. Человек, способный на такое, мог совершить любую подлость. И Дизраэли выбрал путь Даниэля Деронды, который утверждал, что быть евреем не позорно — позорно отрекаться от своего еврейства.

Однако в отличие от героя Элиот Дизраэли не пожелал отказаться от привычной жизни англичанина и стать исключительно еврейским лидером. (Он даже постоянно подчеркивал, что не знаком с этим произведением Джордж Элиот, и шутил: «Когда мне хочется прочитать какой-нибудь роман, я его пишу».) Мечта о том, что еще не получило названия «сионизм», таила для Дизраэли великое искушение, и два его романа, «Алрой» и «Танкред», можно наряду с «Даниэлем Дерондой» отнести к протосионистским. Однако, когда Дизраэли предавался фантазиям о возрождении еврейского государства в Палестине, ни условия жизни европейских евреев, ни личные качества не позволили Дизраэли сыграть ту роль, которую позже взял на себя Теодор Герцль*. Англия предлагала Дизраэли то,

* Теодор Герцль (1860—1904) — еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, основоположник идеологии политического сионизма.

Дизраэли на посту премьер-министра, 1875 г.
«Всесильный маг...»

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1950

чего он не мог ожидать от Палестины: сцену для немедленных действий, которые позволили бы добиться власти.

Впрочем, для достижения этой цели Дизраэли требовалось нечто большее, чем всего лишь терпимость со стороны соотечественников. Подобное лишенное теплоты уважение могло бы удовлетворить видных английских евреев того времени, представителей таких богатых семейств, как Ротшильды и Монтефиоре*, которые методично добивались узаконенного равенства и в конце концов получили желаемое. Дизраэли — а честолюбие не давало ему покоя даже в юности — не хотел быть просто равным. Он хотел, чтобы им восхищались, ему подчинялись, хотел управлять людьми и судьбами империй. А значит, ему надлежало превратить свое еврейство из помехи на пути к власти в некую мистическую силу. Ему следовало убедить мир и самого себя, что евреи — благородная нация со славным прошлым и великим будущим. Даже антисемитские мифы он должен был обратить себе на пользу, заставив людей поверить, что как маг и иллюзионист он по меньшей мере сможет использовать свое могущество на благо Англии. В результате Дизраэли стал одной из главных фигур девятнадцатого века, по которым судили о евреях и иудаизме. Глядя на него, свои представления о том, на что способны евреи, в равной степени основывали и они сами, и антисемиты.

История жизни Дизраэли рассказана и пересказана множество раз — прежде всего им

* Самым видным представителем этого семейства был Мозес Монтефиоре (1784—1885), финансист, общественный деятель и филантроп. С конца 1830-х годов — признанный лидер английского еврейства.

самим в автобиографических, лишь слегка замуфлированных романах, но также и длинной чередой биографов и историков. По понятным причинам, эти работы, как правило, поданы в чисто английском историческом контексте. Дизраэли оставил след в истории как британский государственный деятель, и его достижения лежат прежде всего в области политики. Однако, чтобы по достоинству оценить значительность его достижений, необходимо понять жизненный путь Дизраэли именно как историю еврейскую.

Дело в том, что еврейство Дизраэли служило одновременно и огромным препятствием к достижению его целей, и столь же мощным генератором. Именно своему еврейству он обязан самыми оригинальными идеями в области политики и истории, и оно же служило причиной того, что эта оригинальность неизбежно делала его чужаком в стране, которой он стал управлять. Как писала Ханна Арендт, Дизраэли служил превосходным примером такого свойственного девятнадцатому веку явления, как «исключительные евреи» — то есть ассимилированные евреи, заставившие Европу принять себя силою своей необычной одаренности, но которым не позволяли забыть, кто они, и занять в обществе обычное, не связанное с их исключительностью место. В этом смысле карьера Дизраэли была типичной: она свидетельствовала как о возможности эмансипации для европейских евреев, так и о ее подспудных сложностях.

Проследивая его жизненный путь и останавливаясь на некоторых важных эпизодах этого пути, я уделяю больше внимания Дизраэли как еврейскому писателю и мыслителю, чем как политику. В наше время, когда события, связанные с его профессиональной деятельностью, ушли в

Бенджамин Дизраэли

прошлое и стали достоянием истории, неугасающий интерес к фигуре Дизраэли связан прежде всего с его представлением о власти. В этой книге я надеюсь показать, почему до сих пор верны слова, обращенные к Дизраэли одним из его соперников: «В представлении младшего поколения ваша жизнь всегда будет исполнена особой привлекательности. Ибо для него вы расширили горизонт будущих возможностей».

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

I

Предшественником Бенджамина Дизраэли на посту лидера британских консерваторов был Эдвард Стэнли, 14-й граф Дерби. Этот титул был дарован Томасу Стэнли в 1485 году после того, как во время битвы при Босворте* он перешел на сторону Генриха VII и помог ему разбить войска Ричарда III, и с тех пор переходил к его потомкам. У Шекспира именно отказ Стэнли прийти на выручку Ричарду решил судьбу этого короля. «Что Стэнли говорит? Ведет полки он?» — вопрошает Ричард как раз перед тем, как воскликнуть: «Венец мой за коня!» И тот же Стэнли возлагает корону на голову первого монарха династии Тюдоров: «Вот он, давно похищенный венец. / Я с мертвой головы кровавой твари / Сорвал его, чтоб увенчать тебя: / Носи его на радость и на благо»**.

Для таких людей, как граф Дерби, правивших Англией на протяжении всего девятнадцатого

* Битва при Босворте, или битва на Босвортском поле — финальный эпизод войны Алой и Белой розы между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов — Йорков и Ланкастеров. В результате битвы английский престол перешел к Генриху Тюдору из дома Ланкастеров.

** Цитаты из пьесы Шекспира «Ричард III» даны в переводе А. Радловой.

столетия, Шекспир был не просто великим национальным поэтом, но и летописцем их родов, описавшим события, в которых их предки играли решающие роли. У Дизраэли, разумеется, Шекспир вызывал совершенно другие мысли и переживания. В детстве он ходил в школу, во главе которой стоял священник Независимой английской церкви*, где царил весьма либеральная атмосфера. Там Дизраэли и еще один еврейский мальчик были освобождены от необходимости читать христианские молитвы и их еженедельно наставлял в древнееврейском раввин. Но даже этот весьма либеральный директор ничтоже сумняшеся дал юному Бену роль Грациано в школьной постановке «Венецианского купца». По всей видимости, Дизраэли не проявил особого актерского дарования — не исключено, из-за некоторых речей, которые ему пришлось произносить. В сцене суда, например, Грациано набрасывается на Шейлока с такими словами:

О, будь ты проклят, пес неумолимый!
 Вся жизнь твоя — закону злой укор.
 Во мне почти поколебал ты веру;
 И я почти поверить с Пифагором
 Готов в переселенье душ животных
 В тела людей. Твой гнусный дух жил в волке,
 Повешенном за то, что грыз людей:
 Свирепый дух, освободясь из петли,
 В утробе подлой матери твоей
 В тебя вселился; да, таков твой дух:
 Несытый, волчий, кровожадный, хищный!**

* Приверженцы Независимой английской церкви (индепенденты) отвергают государственную церковь и церковную организацию и выступают за автономию каждой общины.

** Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Что чувствовал Дизраэли, когда декламировал эти строки, в которых великий английский поэт описал его предков? С уверенностью ответить на этот вопрос невозможно; позже Дизраэли почти никогда напрямую не писал о своих детских годах. Однако в романе «Танкред», где еврейской теме уделено значительное место, еврейка Ева произносит на удивление проникновенную речь о детстве: «Говорят, что еврейские дети самые красивые в мире, но, когда они вырастают, их младенческая прелесть исчезает. Чувство стыда ставит печать на их облик и затмевает его сияние. Вместо чистой радости и безоблачного веселья на лицах юных евреев отражаются тревога, осторожность и скрытность. <...> И вот уже им — по крайней мере тем, кто беден, — открывается страшная тайна их принадлежности к нации гонимых и преследуемых».

Далее, однако, Ева говорит, что в ее доме «дети воспитываются на идеалах благородства, им прививают чувство собственного достоинства. И облик этих детей не изменится». Вот и Дизраэли с того момента, как в двадцать один год стал публичной фигурой, обретает острое чувство собственного достоинства, которое он сохранял, несмотря на самые яростные личные и политические нападки. Одним из источников такой стойкости служила уверенность в собственной одаренности. Но не менее важным было и то, как Дизраэли представлял себе евреев и еврейство, противопоставляя мифу о еврейской вульгарности и скаредности воодушевляющий миф о еврейском влиянии и еврейских талантах.

Англичане оказались весьма восприимчивыми к таким мифам, поскольку их представление о евреях давным-давно перестало опираться

на какие-либо реальные сведения. Еще в 1290 году король Эдуард I изгнал евреев из Англии, выдворил за пределы страны общину, которую долгие годы преследовало население и чье имущество то и дело изымала королевская казна. После чего в Англии три с половиной столетия евреев, если не считать редких путешественников или купцов, не было. В результате образы евреев в классической английской литературе (от жуткой истории ритуального убийства из «Рассказа аббатисы» Чосера до кровожадного «Мальтийского еврея» Марло и безжалостного шекспировского Шейлока) создавались авторами в полном вакууме, причем опирались они исключительно на фантастические представления и укоренившиеся предрассудки.

И опять же полное непонимание того, что собой представляют евреи, питало английскую разновидность филосемитизма, необычную, но упорную, которая заставила некоторых пуританских богословов уверовать, что возвращение евреев в Англию ускорит приход мессии. Эти настроения в известной степени повлияли на решение Оливера Кромвеля в 1656 году позволить евреям вернуться в Англию. В соответствии с прагматичной английской манерой вести государственные дела Кромвель не стал издавать официальный указ, определяющий статус евреев; вместо этого он просто позволил Менаше бен Исраэлю, сефардскому еврею из Амстердама, заново основать в Лондоне еврейскую общину. Поскольку в рамках английского законодательства дела в отношении евреев никогда официально не рассматривались, то никакой юридически обоснованной дискриминации евреев как бы не существовало, а потому им не приходилось ее преодолевать. В результате к началу девятнадцатого века английские

евреи имели почти все те права, которые евреи на континенте получили лишь недавно и с некоторыми изъятиями: они могли владеть землей, свидетельствовать в суде и заниматься почти любой профессиональной деятельностью. Евреям в Англии оставались недоступны лишь несколько привилегий, и прежде всего — право быть членами парламента: от них по-прежнему требовалась присяга со словами «верою истинного христианина».

Однако главная причина отсутствия в Англии «еврейского вопроса» заключалась в том, что евреев там было меньше, чем в любой другой крупной европейской стране. За первой волной сефардских иммигрантов из Испании и Португалии через Голландию, в восемнадцатом веке последовал постоянный поток ашкеназов из Германии и Польши. Тем не менее к началу девятнадцатого столетия еврейская община Британии насчитывала лишь около пятнадцати тысяч человек при населении в двенадцать миллионов. (В тот же период во Франции жили около сорока тысяч, а в Германии — двести тысяч евреев.) Большинство англичан, особенно за пределами Лондона, где проживало около двух третей английских евреев, могли за всю жизнь не встретить ни одного еврея.

Открыто выражать религиозные предрассудки стало не так принято, как во времена Кромвеля, когда противники возвращения евреев заявляли, будто те намереваются купить собор Св. Павла и превратить его в синагогу. Однако и во времена Дизраэли господствовало не слишком лестное, хотя и не столь отвратительное представление о евреях. С одной стороны, в Англии было несколько очень богатых еврейских семей — Ротшильды, Саломоны и Голдсмиты, — роль которых в международных

финансовых делах будоражила воображение и вызывала подозрения. С другой стороны, большое количество еврейских бедняков зарабатывало на скудную жизнь мелочной торговлей дешевыми товарами и подержанной одеждой. Pamфлет 1795 года отражал неприязнь широких слоев английского населения к такого рода еврейским торговцам: «Мы видим, как они бродят по улицам, в особенности лондонским, не чураясь самой черной работы, — перетаскивают на спине тяжести, надрывая горло, предлагают купить старое платье, навлекая на себя всеобщее глумление и презрение. <...> Даже дети презирают их и осыпают насмешками».

Дизраэли, отличавшийся обостренным чувством самоуважения, считал абсолютно невозможными для себя те единственные модели еврейства, которые предлагались английской культурой: «несытый, волчий, кровожадный» Шейлок и нелепый, презираемый старьевщик. Взамен он преисполнился решимости сотворить собственный образ еврейства, наделив род Дизраэли древностью и общественным положением рода Стэнли. Дизраэли утверждал, что родословная семьи сефардских евреев, к которой он принадлежал, древнее родословной нормандских баронов, прибывших в Англию в 1066 году, и восходит к античным временам. «Изыскания современных историков античности подтверждают теорию, что евреи появились в Испании как финикийские колонисты», — писал он. Более того, испанские евреи были не просто торговцами, но и землевладельцами, точь-в-точь как английская знать: «Согласно закону Константина, евреи владели землей и обрабатывали ее, и уже это обстоятельство доказывает их древность и знатность, поскольку роду, пришедшему в упадок, владеть землей не дозволялось».

Семья Дизраэли принадлежала именно к такому древнему роду землевладельцев, писал Бенджамин в воспоминаниях об отце. Вынужденные покинуть Испанию после изгнания оттуда евреев в 1492 году, Дизраэли нашли прибежище в Венеции. Именно тогда «его предки, поселившись на Terra Firma*, утратили свое готское прозвание и в знак благодарности Богу Иакова, сохранившему их во времена тяжелейших испытаний и защитившему от неслыханных опасностей, приняли имя ДИЗРАЭЛИ**, никогда не принадлежавшее ни прежде, ни в дальнейшем ни одной другой семье, дабы их род оставался навечно узнаваемым по этому имени».

Таким мифом о происхождении рода мог бы гордиться и английский аристократ. Сцена, в которой этот предок Бенджамина венчает себя именем Дизраэли, может служить еврейской версией коронавания Генриха VII Томасом Стэнли или даже эпизода, в котором Наполеон берет императорскую корону из рук Папы и возлагает ее на собственную голову. Дизраэли использует этот миф, чтобы обосновать свой герб. Он пишет, что «башня кастильского замка в верхней части герба взята из одной из четвертей родового щита», и поместил ее туда еще в шестнадцатом веке один из его предков.

Для Дизраэли важна была цель, а то, что эта семейная история была вымыслом от начала до

* Твердая земля (*лат.*) — здесь: венецианские владения на Апеннинском полуострове.

** Согласно Библии, праотец Яков (Иаков) после борьбы с ангелом Бога получил имя Израэль (Израиль): «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь». (Бытие, 32:28.) Существуют разные толкования значения этого имени, одно из них — «Боровшийся с Богом», еще одно — «Бог властвует».

конца, не имело значения. На самом деле, как впоследствии выяснили биографы, не существует никаких свидетельств пребывания предков Дизраэли в Испании, да и в Венеции они никогда не жили. Удалось лишь проследить, что его семья обитала в городе Ченто на территории Папской области. Фамилию Дизраэли они тоже не носили. Только дед Бенджамин, переехав в Англию, обзавелся указывающим на знатное происхождение родовым именем «Д'Израэли». До той поры они назывались просто Израэли — весьма распространенное в арабских странах еврейское имя. Скорее всего, предки Дизраэли были родом из Ближнего Востока.

Вместе с тем, если на кастильский замок на гербе Дизраэли и не имел права, то выбранный им латинский девиз оказался вполне уместным: *Forti nihil difficile* — «нет трудностей для отважных». Желание Дизраэли сочинить себе родословную стало ярким проявлением свойственного ему отказа смириться с унижениями. Он сознавал, что гордость за свой род была одним из источников силы, которая позволяла английской знати столь уверенно управлять страной даже в эпоху стремительно развивающейся демократии. «Когда человек поднимает глаза и устремляет взгляд на гобелен с изображением своего предка, — пишет Дизраэли в одном из своих ранних романов, — он начинает понимать, что такое — гордиться своей кровью».

Приукрашивание своей родословной он не считал чем-то бесчестным — ведь для англичан это было обычным делом. Редкие родословные знатных семей викторианской эпохи можно было проследить до Тюдоров*, а в девятнадцатом

* Династия Тюдоров занимала английский престол с 1485 до 1604 года.

веке многие лорды просто-напросто купили свои титулы, разбогатев на строительстве железных дорог и банковских операциях. Такие титулы украсили «впечатляющим ореолом», как выразился Дизраэли, «многих выходцев из нижнего сословия или людей сомнительного происхождения». Расхожая шутка из его романа «Сибилла» заключается в том, что молодой лорд Фиц-Варен, «аристократичнейший из всех живых», который «целиком и полностью уверовал в свою родословную», на самом деле сын Джона Уоррена, бывшего официанта, который поехал в Индию в качестве камердинера некоего господина и мошеннически выманил у местных жителей столько денег, что сумел купить себе титул.

Дизраэли мог насмеяться над весьма удобным провалом памяти, который позволял английскому обществу считать любого богача джентльменом. Однако при этом он отдавал себе отчет, что именно возможность преодолевать границы между классами позволила английской аристократии — в отличие от знати других стран Европы — функционировать как определенного рода меритократии. «Нельзя утверждать, что Англией управляет аристократия в общепринятом значении этого слова, — полагал Дизраэли. — На самом деле страна управляется в соответствии с принципами аристократии. Английская аристократия вбирает в себя все аристократии и принимает любого человека, независимо от происхождения и положения, если он согласен с главным принципом нашего общества: дерзать и стремиться к большему».

Семья самого Дизраэли являет превосходный пример действия такого принципа. Его дед Бенджамин Д'Израэли приехал в Англию в 1748 году в возрасте восемнадцати лет. Он был

женат дважды, оба раза на девушках из богатой сефардской семьи, и полученное приданое и обретенные деловые связи позволили ему стать биржевым маклером и сколотить небольшой капитал. По мнению внука, прояви дед большее упорство, он мог бы настолько увеличить свое состояние, что семейство Дизраэли сравнялось бы с Ротшильдами, которые построили финансовую империю, используя возможности, предоставленные наполеоновскими войнами. «Этого, впрочем, не случилось», — с сожалением писал Дизраэли. Тем не менее Бенджамин Д'Израэли оставил после себя достаточно денег, чтобы ни его сыну, ни его внуку не приходилось зарабатывать на жизнь.

Для Исаака Д'Израэли, сына и отца Бенджаминов, эта возможность оказалась неоценимой, поскольку позволила ему целиком посвятить себя литературной деятельности. Исаак отдавал столько времени чтению и сочинительству, что, по замечанию сына, казался почти бесплотным. Тем не менее эта одержимость книжного червя сослужила ему добрую службу, он даже добился кое-какой литературной славы, когда в двадцать пять лет опубликовал свой самый успешный труд «Литературные курьезы». Чтобы составить этот сборник литературных анекдотов и любопытных исторических фактов, Исаак прочесал чуть не всю библиотеку Британского музея, выискивая самые лакомые, самые пикантные сведения, а затем писал о них миниатюрные очерки на разные темы — от «Литературных фальшивок» до «Обычай целовать руки». Книга выдержала двенадцать изданий, при этом каждое последующее выходило с добавлениями, а кроме того, Исаак давал разрешения на выпуск отдельных изданий по таким темам, как «Несчастья писателей», «Ссоры писателей» и другие. Эти

сочинения обеспечили ему почетное место в литературном мире и, среди прочих, вызвали восхищение лорда Байрона. «Не знаю ни одной книги другого здравствующего автора, которую я открывал бы так же часто и закрывал так же неохотно, как книги Израэли», — признался Байрон их общему издателю Джону Мюррею.

Однако то, как Байрон написал фамилию Исаака, указывает, что присутствие еврея в английской литературной среде все еще своего рода аномалия. Байрон вряд ли умышленно пренебрег частицей, облагораживающей эту фамилию. Но сын Исаака оказался весьма чувствительным к такого рода нюансам. В 1832 году, когда слава Бенджамина Дизраэли только начала соперничать со славой его отца, журнал «Омнибус» опубликовал алфавитный перечень известных писателей. В письме старшей сестре Саре Бенджамин пишет об именах на букву «И»: «Там есть Израэли, он парень сметливый, а “Д” потеряли, так это не диво».

К тому времени уже было известно, что Бенджамин Дизраэли не любил, когда его называли просто Израэли. Именно он в восемнадцать лет изменил написание фамилии с Д'Израэли на Дизраэли. Новый вариант, разумеется, не мог скрыть еврейского происхождения имени, но замена прописной буквы «И» на строчную и слитное, без апострофа, написание частицы «Д» с именем безусловно выглядят попыткой лишить слово «Израэл» доминирующего положения. Появление во «Фрейзерс мэгэзин» статьи об Исааке, где его называли «Израэл Д'Израэли», могло бы показаться не стоящим внимания эпизодом, если бы не реакция Дизраэли, который заметил своей сестре, что «это наводит на некоторые размышления». Подобная ошибка, по сути дела, подчеркивала

еврейское происхождение носителя имени, точно так же как усилия Бенджамина преследовали противоположную цель — приглушить еврейское звучание. Действительно, если ошибка была неумышленной, то она становится еще более показательной, свидетельствуя о том, как прочно англичане связывали семью Д'Израэли с именем Израэл (Израэль) и еврейским народом.

Даже в написании, выбранном Бенджамином, имя Дизраэли просто кричало о его чужестранном происхождении. Это не изменилось и тогда, когда он стал одним из самых знаменитых людей Англии. В 1867 году в разгар дебатов вокруг Второго билля о реформе его секретарь, находившийся вдали от Лондона, писал Дизраэли: «Ваше имя на устах каждого рабочего, который, не ведая, что означает слово “реформа”, да и не интересуясь этим, слышит, что мистер _____ одержал великую победу. Я оставил пробел на месте имени, мною глубоко почитаемого, потому что отразить все многообразие, всю изменчивость его звучания в здешних местах совершенно невозможно». Население страны, которой управлял Дизраэли, не могло правильно произнести его имя. Отчасти именно по этой причине, а отчасти как признание его ошеломляющих способностей, он получил прозвище Диззи*, которое широко распространилось в Англии.

* Dizzy (англ.) — среди значений этого слова есть такие, как головокружительный, ошеломляющий.

Помимо еврейского имени Исаак Д'Израэли оставил сыну мучительно двойственное отношение к иудаизму. «Я не только воспитывался вне своего народа, — писал уже взрослый Дизраэли, — мне к тому же прививали стойкое предубеждение против него». Исаак родился в 1766 году и принадлежал к первому поколению эмансипированных евреев. Он восхищался Мозесом Мендельсоном, немецко-еврейским проповедником Просвещения*, и глубоко впитал антиклерикальный рационализм Вольтера. Влияние этих философов, которое отвращало Исаака от традиционного еврейского образа жизни, не встретило сопротивления в доме, где прошло его детство. Надо признать, что среди еврейских общин Европы английские евреи в наименьшей степени соблюдали традиции, что объясняется их малочисленностью, удаленностью от главных еврейских центров и относительной легкостью ассимиляции, вследствие чего уровень набожности и религиозной

* Мозес Мендельсон (1729—1786) — философ, переводчик библейских текстов, критик, основоположник движения Гаскала (еврейского просвещения).

учености английских евреев был весьма и весьма низок. В конце восемнадцатого века раввин главной ашкеназской синагоги в Лондоне сетовал, что в стране нет ни одного человека, с которым он мог бы обсуждать талмудические тексты.

Показательным примером такой неосведомленности в еврейской традиции был сам Дизраэли. Однако со свойственной ему находчивостью он сумел и это неведение обратить в источник высвобождения. Своеобразное представление о еврействе, оставленное Дизраэли миру, в значительной мере было продуктом его вымысла, и евреев в своих романах он нередко описывал самым фантастическим образом. Создаваемая его воображением еврейская история, включая предвидение будущего политического сионизма, оказалась бы менее дерзновенной, будь автор скован реальными фактами.

Дизраэли и не мог унаследовать еврейскую традицию от своей семьи. Отец Исаака, как писал Дизраэли, «вряд ли ощущал духовную близость и жил в тесной связи со своей общиной». Что касается матери Исаака, Сары, то она относилась к иудаизму с нескрываемой враждебностью. Дизраэли объяснял это так: «Моя бабушка — красавица, рожденная в семье, подвергаемой преследованиям, — прониклась такой неприязнью к своему народу, какой легко заражаются тщеславные люди, когда открывают для себя, что своим происхождением обречены на всеобщее презрение». Брак с женщиной, носившим фамилию Д'Израэли, только ухудшил дело, и она «так и не простила» мужу эту фамилию. Из-за такого ожесточения Сару в семье не любили, она была «настолько подавлена и унижена своим положением, что прожила до восьмидесяти лет, так и не смягчившись». Юный Бен не любил

бывать в ее доме, где его не ждали «ни ласка, ни чашка чая, ни пара монет — ничего». Это был убедительный урок, он показал, во что обходится ненависть еврея к собственному народу, и Дизраэли запомнил его навсегда.

Ну а как обстояли дела с матерью самого Дизраэли, Марией? О ее отношении к иудаизму, о том, совершала ли она какие-либо обряды, предписанные традицией матери в еврейском доме, нам ничего не известно. Мы вообще почти ничего не знаем о матери Дизраэли по той простой причине, что он никогда о ней не упоминал. Мария Басеви, на которой Исаак женился в 1802 году, принадлежала к более почтенному роду, чем ее муж. Семейство Басеви в самом деле имело древние испанские корни, которые Бенджамин придумал для рода Дизраэли. По материнской линии Мария вела свое происхождение от Исаака Абоаба, последнего гаона Кастилии, который помог переправиться в Португалию тысячам испанских евреев, изгнанных Фердинандом и Изабеллой. Кроме того, род Басеви был через браки связан со многими влиятельными англо-еврейскими семьями, принадлежавшими к высшему обществу, в том числе с семейством Монтефиоре.

Причина, по которой Дизраэли оставил в тени материнскую линию своей семьи, могла быть связана с твердым желанием стереть след матери из своей биографии. Он часто говорил об отце, которого искренно любил и которым восхищался, а о матери не оставил ни слова — доброго или худого. Он ни разу не упомянул о ней даже в большом эссе о жизни отца, написанном как предисловие к посмертному изданию произведений Исаака. Сара, сестра Бенджамина, возражала против такого отношения: «Мне очень жаль, что наша милая матушка не удостоилась

ни единого нежного слова, ни одного штриха, чтобы оставить о ней память».

Какие обиды кроются за этим подчеркнутым умолчанием? Мы не можем судить об этом наверняка, но в прозе Дизраэли есть несколько портретов черстных, равнодушных матерей. «Заметьте, какие грубые ошибки постоянно совершают родители, оценивая характер своих отпрысков, которые выросли на их глазах и ежечасно проявляли себя, — с сожалением пишет Дизраэли в романе “Конингсби”. — Как часто в раннем возрасте гения принимают за тупицу потому только, что он молчалив и задумчив, а не закрывающего рот непоседу считают носителем чуть ли не сверхъестественных способностей, потому что животная натура делает его дерзким и беспечным!» Не отражается ли в этих словах огорчение самого Дизраэли, оттого что его мать не распознала, не смогла распознать необычайную одаренность сына? Одно обстоятельство, по крайней мере, не вызывает сомнения: всю свою взрослую жизнь Дизраэли искал женщину, которая заменила бы ему мать. Самые близкие отношения, включая любовные, неизменно связывали его с женщинами, которые были старше, баловали его словно ребенка, не чаяли в нем души.

Итак, именно сложное отношение Исаака к иудаизму во многом определило и отношение к нему его сына. Подобной двойственностью, разделяемой жившими в Западной Европе евреями его поколения, пронизана единственная книга Исаака на еврейскую тему — «Гений иудаизма», вышедшая в 1833 году. Это документ особой ценности, так как в нем содержатся противоречивые идеи, воспринятые юным Дизраэли от своего отца. С одной стороны, как видно из названия, автор «Гения иудаизма» защищает свою

религию и пытается просветить англичан в неведомых им областях — еврейских истории и теологии. «Гений иудаизма, — пишет Исаак, — остается скрытым для христиан, как если бы шехина* все еще не покинула “святая святых”».

Однако одновременно эта книга служит и наставлением по ассимиляции. «В период наивысшего расцвета цивилизации евреи, отделившиеся от христиан, занимают в обществе положение, которое нельзя назвать нормальным», — пишет Исаак на первой странице книги, и его мучительное переживание этой аномалии отражается в полном сарказма описании традиционной еврейской учености и обычаев. Впрочем, кое-что в библейском иудаизме — национальном вероисповедании независимого государства — его восхищает. Он даже предполагает, что древнееврейское государство может служить образцом управления страной: «В эпоху теократии в этом грубом и воинственном народе сохранялось политическое равенство, которое тщетно пытаются обеспечить общественные институты при различных формах демократического правления». Протосионизм Исаака и утверждение, что подлинная свобода заключена только в подчинении божественному порядку, оказали сильнейшее влияние на политические взгляды его сына.

Однако, по мнению Исаака, победа Рима лишила евреев основы для достойного существования как нации, и для иудаизма наступил темный период: «Выстроенная мощно и искусно, но при этом бесчеловечная, основанная на слабостях нашей натуры, эта система суеверий и предрассудков погрузила евреев в океан ритуальных

* Шехина, или шхина («присутствие», *ивр.*) — в иудаизме термин, обозначающий присутствие Бога в мире.

правил, казуистических толкований и деспотических предписаний, несравнимых даже с теми, что позднее в подражание им возникли в католицизме». Сравнение раввинистического иудаизма с «казуистическим» католицизмом — искусный риторический прием, который позволил Исааку привлечь на свою сторону как вольтеррианский антиклерикализм, так и традиционное для английских протестантов недоверие к Папе. Неприязнь к Талмуду, заявляет при этом Исаак, не означает неприязни к самому иудаизму, но только к обскурантизму. В другой своей книге он называет Талмуд «завершенной системой варварской еврейской учености».

Возникает вопрос: как в современном мире евреям следует поступать с этим варварским наследием? Исаак дает прямой ответ: они должны «слиться» с современным европейским обществом. Не существует причин, уверяет он своих читателей, по которым евреи не могут стать добрыми англичанами: «Через несколько поколений евреи обретают характер народа, частью которого стали, и их поступками движут общие с этим народом чувства». Однако в обмен на эту возможность ассимилироваться Исаак требует от евреев отказа от устаревших традиций. «Я закликаю евреев, — пишет он, — начать обучение их молодежи по-европейски, а не так, как ее учат в Палестине. Пусть их Талмуд займет место на самой верхней полке, чтобы молодые люди обращались к нему как к антикварной диковине, а не как к учебнику жизни».

Возможно, наиболее красноречивая деталь этого призыва заключается в местоимениях: Д'Израэли пишет «их», а не «нашей» и «наш», словно сам уже не один из этих евреев. Еще более уклончив Исаак, когда пишет: «Пусть те, кто имел счастье родиться в христианской вере, с

состраданием отнесутся к еврею, ибо помочь ему не в наших силах». В то же время в другом месте книги его язык отчетливо двусмыслен. «В иудаизме мы прослеживаем наше христианство, а христианство возрождает в памяти наш иудаизм», — пишет Исаак так, будто он одновременно и христианин, и еврей. Это настойчивое утверждение, что христианство и иудаизм связаны неразрывными узами и что христианин не может быть таковым в полном смысле слова, не осознав еврейских корней христианства, станет еще одним важным аспектом воззрений Бенджамина Дизраэли на иудаизм. В 1847 году, выступая за предоставление евреям права быть членами парламента, Дизраэли вторит своему отцу: «Кто эти люди, исповедующие иудаизм? Они признают того же Бога, что и христиане нашей страны. Они признают то же Божественное откровение, что и вы. Они, говоря по-человечески, — создатели вашей религии».

Казалось бы, свободомыслие Исаака и его взгляды на «слияние» евреев с европейским обществом должны были устранить все преграды к тому, чтобы он просто-напросто принял христианство. Тем не менее, как это ни странно, на страницах «Гения иудаизма» он пишет об иудеях, обратившихся в христианскую веру, с нескрываемым презрением. Исаак с удовлетворением отмечает, что Обществу по распространению христианства среди евреев* «удавалось заполучить не более шести прозелитов в год». Хотя он и сожалеет об упорном желании евреев оставаться «особенным народом», что, по его

* Общество по распространению христианства среди евреев — миссионерское общество, организованное в 1808 году по инициативе принявшего христианство еврея Джозефа Сэмюэла Кристиана Фрея.

словам, служит «истинной причиной всеобщей ненависти, возбуждаемой евреями в любой нации и в любую эпоху», он же, в нарушение всякой логики, гордится этим свойством еврейского народа. «Иудаизм и христианство разделены лишь одним шагом, — пишет Исаак, — но, по воле Небес, “сын Завета” оказывается не в силах этот шаг сделать».

Трудно представить себе, что чувствовал Исаак, когда писал эти слова, притом что все его четверо детей этот «единственный шаг» все-таки сделали, поскольку настоял на этом он сам. Его старший сын Бенджамин, родившийся 21 декабря 1804 года, был обрезан в соответствии с еврейским законом. Однако летом 1817 года, еще до бар мицвы*, Бенджамин был крещен в англиканской церкви, как и его сестра Сара и два младших брата, Ральф и Джеймс. Таким образом, Бенджамин Дизраэли, самый известный еврей Англии, на самом деле всю свою взрослую жизнь был христианином. Надо признать, что, оставаясь иудеем, он никогда не получил бы такой известности — по крайней мере, как политический деятель: когда Дизраэли начинал свою политическую карьеру, закон запрещал евреям избираться в парламент.

В результате решение Исаака крестить своих детей стало поистине судьбоносным. Однако причина такого решения оказалась до странности банальной. Дело в том, что Исаак, как и все сефардские евреи Лондона, принадлежал к общине старейшей в Англии синагоги Бевис-Маркс**. В

* Бар мицва — праздник в честь достижения мальчиком совершеннолетия (тринадцати лет).

** Синагога Бевис-Маркс — лондонская синагога, основана в 1701 году. Название получила от улицы Лондона, где была построена.

1813 году он был избран *парнасом*, или старостой, этой синагоги. Отклоняя подобное предложение, человек подвергался штрафу. Однако Исаак отказался и от должности, и от уплаты штрафа, отправив руководителям общины сердитое письмо. В нем он писал, что является «человеком <...> который никогда не сможет участвовать в общем богослужении, поскольку в существующем виде оно не пробуждает религиозные чувства, а разрушает их, что общепризнано, и который терпимо, но не более относится к некоторым из ваших ритуалов, дабы проявить предельно возможную уступчивость в вопросах, ему безразличных». Но «такой человек, — продолжает Исаак, — никогда не согласится принять на себя официальные функции Старейшины вашей общины и связать свою жизнь <...> с постоянным исполнением обязанностей, которые всегда были противны его чувствам».

В этом письме отражена вся та двойственность, которая позже проявится и в «Гении иудаизма». Исаак словно предупреждает еврейскую общину, что согласен считаться евреем только в том случае, если от него не требуется участия в еврейских делах; почувствовав понуждение к действию, он может тут же принять решение разорвать всякую связь с общиной. Через четыре года, в 1817-м, когда синагога снова попыталась заставить Исаака заплатить штраф, он именно так и поступил. Покинув общину Бевис-Маркс, он, казалось, удовольствовался положением еврея, не соблюдающего религиозные предписания. Однако один из друзей убедил Исаака, что хотя бы своим детям он обязан открыть возможности, доступные только христианам. Вот для них-то, если не для себя, он решил протянуть руку за тем, что Генрих Гейне назвал «входным билетом в европейскую культуру».

Что чувствовал сам Дизраэли по поводу этого шага, изменившего всю его жизнь? Некоторые биографы отмечают, что Бенджамин был крещен только через несколько недель после младших братьев, и предполагают, что он, возможно, противился решению отца; действительно, ритуал, смысл которого вряд ли был понятен четырехлетнему Джеймсу, мог вызвать тревогу у не по годам развитого двенадцатилетнего Бена. Однако у нас нет возможности выяснить, что послужило причиной этой задержки, да и была ли вообще такая причина. Не вызывает сомнения лишь то, что в своей прозе Дизраэли пишет об обращении и обращенных евреях еще более презрительно, чем его отец. В романе «Алрой» герой отвергает совет своего беспринципного друга принять ислам ради достижения власти: «Неужто ты настолько презираешь наш несчастный народ, что призываешь меня прогневать Господа, сотворить низость из низостей, подлость из подлостей?»

Оценивал ли с той же строгостью Дизраэли самого себя? Читая приведенный выше и некоторые другие пассажи из его романов, трудно не заподозрить, что в определенные моменты так и было. Однако презрение к самому себе было чуждо его натуре, и у него имелось два весьма убедительных оправдания для того, чтобы его не испытывать. Во-первых, в двенадцать лет он не мог отвечать за решение отца окрестить его. Именно отец, а не Бенджамин, ответственен за позор крещения. Не исключено, что на самом деле это и побудило Исаака уйти из общины так, казалось бы, своенравно: в результате он смог крестить Бена накануне совершеннолетия, прежде чем такое решение легло психологическим и нравственным бременем на сына. Исаак мог испытывать те же чувства, что Теодор Герцль,

когда лет через сто тот писал в дневнике: «Хотя сам я никогда не поменял бы веру, я настроен в пользу обращения. <...> Крестить еврейских мальчиков следует до того, как они сами за себя отвечают, до того, как они смогут противодействовать этому, и прежде, чем крещение сможет быть истолковано как проявление слабости с их стороны».

Во-вторых, чтобы одолеть чувство стыда за отказ от иудаизма, Дизраэли призвал на помощь более изощренный способ, и этот способ имел большее значение. Зная, что он никогда не «сойдет» за обычного христианина, Дизраэли явил широкой публике придуманный им сложный образ, который позволял ему оставаться евреем и в то же время пользоваться всеми законными правами прихожанина англиканской церкви. Вот один из его наиболее известных афоризмов: «Я представляю собой пустую страницу между Ветхим Заветом и Новым». Этот образ, не будучи изобретением Дизраэли (он позаимствовал его из пьесы Ричарда Бринсли Шеридана), в точности отражал двойственность его положения в английском обществе. Подобно этой пустой странице, он мог служить мостиком между иудаизмом и христианством хотя бы потому, что в действительности не принадлежал ни к одной из этих религий, а умудрялся как-то учитывать их исключаящие друг друга требования, пользуясь неопределенностью статуса этой «пустой» страницы.

Но — не ее немотой. Напротив, Дизраэли много писал и говорил о своих своеобразных религиозных воззрениях, особенно в первую половину своей политической карьеры. Главная его идея неизменно заключалась в том, что иудаизм и христианство по существу являются одной верой и, подчеркивал Дизраэли, каждая из этих

религий должна признать свою зависимость от другой. Как заявляет некий англиканский священник в романе «Сибилла», «второй Завет, без сомнения, является лишь дополнением. Иегова-Иисус пришел, дабы дополнить “закон и пророков”. Христианство есть не что иное, как заверченный иудаизм. Без иудаизма оно непостижимо, так же как иудаизм не завершен без христианства». Эта неоднозначная в богословском отношении аргументация не привлекла последователей ни среди христиан, ни среди иудеев. Однако она оказалась психологически необходимой самому Дизраэли, коль скоро ему надлежало найти компромисс, требуемый от еврея, который хочет руководить христианской страной.

Формально Дизраэли был примерным христианином, принадлежащим англиканской церкви. Он посещал службы по воскресениям, хотя и не так ревностно, как его соперник Гладстон, и причащался. Это позволило ему принести присягу, обязательную для всех членов Палаты общин до 1858 года, в которой содержались слова «верою истинного христианина». Когда он произносил «наша вера» или «наша церковь», он всегда имел в виду протестантизм и англиканскую церковь. «Все благие и здравые законы, — сказал Дизраэли в одной из самых своих знаменитых речей, — зиждутся на нашем прियाии Божественного толкования, которым мы обязаны Церкви и в котором Церковь служит нам наставником».

В то же время христианство Дизраэли не мешало ему открыто признавать, что он еврей. Он примирил непримиримое, изменив образ еврейства: в его представлении оно из веры превратилось в национальную принадлежность. Когда Дизраэли говорил «мой народ», а не «наша вера», он имел в виду евреев, не англичан. Он

мог бы согласиться с Мозесом Гессом*, который писал в своем — одном из первых — сионистском эссе «Рим и Иерусалим»: «Иудаизм как национальность имеет под собой естественную основу, которой нельзя пренебречь, просто поменяв веру, как в случае с другими религиями. Еврей принадлежит своему народу, а следовательно и иудаизму, даже если он или его предки стали вероотступниками». Этот принцип помог Дизраэли преодолеть и свойственную его бабушке ненависть к своему роду, и стремление его отца к ассимиляции. Он позволил ему утверждать, что его христианство — никак не измена иудаизму, напротив — это свидетельство еврейской гордости: «Я считаю церковь единственным сохранившимся институтом еврейства и, вне зависимости от того, что она является хранилищем Божественной истины, испытываю постоянную необходимость припадать к ней как к реальному средству, которое не позволяет мне забыть о своем народе».

* Мозес Гесс (1812—1875) — немецкий еврейский философ, один из первых немецких социалистов и провозвестник сионизма.

Помимо крещения 1817 год принес еще два важных изменения в жизнь Дизраэли. Получив наследство от отца, Исаак смог переселиться со всей семьей в более просторный дом в Блумсбери, вблизи Британского музея. В этом доме Дизраэли безвыездно прожил еще двенадцать лет, пока его отец не перебрался из Лондона в загородное поместье. В то же время Бен уже достаточно вырос, чтобы идти в школу. Как христианин он теперь имел право посещать любую привилегированную частную школу; Ральф и Джеймс, когда придет их черед, поступят в Уинчестерский колледж, где окажутся среди отпрысков аристократических семей. Однако Исаак еще не чувствовал себя настолько уверенно, чтобы выбрать подобное учебное заведение для старшего сына. И Бенджамин отправился в Хайэм-Холл, ничем не примечательную школу, где обучалось около полусотни мальчиков, а директором был священник унитариянской церкви*, с которым Исаак познакомился в книжном магазине.

* Унитариянская церковь — одно из направлений протестантизма, основанное на неприятии догмата о Троице.

В результате такого выбора Дизраэли не смог с начала своей карьеры вступить на ту дорогу, которая обычно приводит англичанина к занятию политикой. В Хайэм-Холле он получил вполне приличное образование, но не первоклассное — уже взрослым он ощущал свою уязвимость из-за слабого знакомства с древнегреческим, владение которым было признаком образования истинного джентльмена. Кроме того — и это еще важнее — в юные годы Дизраэли не смог завязать полезные знакомства, которые для многих политиков были подспорьем на протяжении всей карьеры. По окончании школы он не пошел ни в Оксфорд, ни в Кембридж, где мог бы познакомиться со многими своими будущими коллегами и соперниками. Вместо этого, прочувшись в Хайэм-Холле неполных три года, в пятнадцать лет Дизраэли навсегда отказался от формального образования. Год он провел дома, читая все, что попадалось под руку в отцовской библиотеке. Затем, в 1821 году, он начал стажироваться в юридической конторе и три года готовился к тому, чтобы стать адвокатом. В областях наиболее важных для его дальнейшей карьеры — истории, политике, современной литературе — Дизраэли был самоучкой.

Что же заставило его так рано оставить школу? И снова ответы на этот вопрос нам дают только его автобиографические романы — «Вивиан Грей» и «Контарини Флеминг». В каждом из них герой начинает как одаренный и харизматичный юноша, наделенный всеми необходимыми качествами для успеха в насквозь политизированной атмосфере частной привилегированной школы. Вивиан Грей, пишет Дизраэли, был «подготовлен чуть ли не лучше любого из юных гениев, которых помнят спортивные площадки Итона или холмы Уинтона». Но, как и автору

романа, ему не позволили посещать какую-либо из этих знаменитых школ. Любопытно, что Дизраэли приписывает такое решение матери Вивиана, чрезмерно опекающей сына, «одной из тех женщин, которых ничто в мире не способно убедить, что частная школа отнюдь не то место, где детей поджаривают живьем». Возможно, это еще один пункт из перечня его обид на Марию.

Вивиана посылают в небольшую школу, которой руководил Его Преподобие Даллас, где начинается его блистательный взлет. Он получает единодушное признание одноклассников: «До чего ж лихой парень! Весельчак! И готов на все!» Однако превосходство Вивиана вызывает неприязнь и зависть учеников из знатных семей, для которых он «мерзкий щенок». И такое отношение аристократов приводит к поражению «выскочки». Вивиан предлагает ученикам поставить спектакль, что идет вразрез со школьными правилами. Узнав об этом, учитель мистер Маллетт убеждает учеников не идти на поводу у какого-то «смутьяна-чужака», и это слово, чужак, мгновенно подхватывается недоброжелателями Вивиана: «Долой чужака!» — кричал Сент-Леже Смит; «Долой чужака!» — горланила заранее подученная орава». Это необычное оскорбление побуждает Вивиана дать отпор обидчикам, и тут Дизраэли позволяет себе вдоволь потоптаться на своих оппонентах: «Как он бился! Точнейший прямой! Мгновенные блоки!» Но эта схватка кладет конец лидерству Вивиана, и через несколько страниц, после того, как он отомстил Маллетту, его изгоняют из школы.

Скудость сведений о детских годах Дизраэли не дает возможности сказать, имеет ли эта сцена какое-то отношение к действительности. Но когда мы видим, что она повторяется, причем в более жестком варианте, в «Контарини

Флеминге», то всякие сомнения, что в ней выражено некое сокровенное переживание из личного опыта автора, исчезают. В этом более позднем и более серьезном романе, опубликованном Дизраэли в двадцать семь лет, герой также начинается как популярный в школе ученик, чье остроумие вызывает общее восхищение: «Каждое его слово встречалось взрывом смеха, каждая веселая нелепица — рукоплесканиями». Контарини особенно близок с юношей, которого называет Мусеем* и с которым его связывает романтическая дружба. Однако постепенно наступает отрезвление: он приходит к пониманию, что Мусей и другие друзья недостойны его любви: они самые обычные мальчишки, тогда как он — настоящий гений. Когда вся школа замечает, как переменяется отношение Контарини к Мусею, ученики выступают против него, и их «вождь» бросает ему вызов: «Ты можешь считать себя великим, но мы не вполне понимаем, к чему ты стремишься».

Вскоре, как и в «Вивиане Грее», выяснение отношений на словах переходит в схватку. Однако на этот раз Дизраэли описывает бой не столь живо и не использует боксерских терминов; перед нами тревожная, безотчетная ярость. Контарини уже не владеет собой и избивает противника чуть ли не до смерти: «Я кричал ему как безумный: "Подойди!" <...> Как только он приближался, я каждый раз в бешеном прыжке пробивал его защиту и принимался молотить его по голове, пока мне не казалось, что кулак проникает в самый мозг; после десяти раундов он рухнул без чувств». Вскоре после этого Контарини навсегда покидает школу.

* Мусей — в древнегреческой мифологии поэт и певец, ученик Орфея.

Сопоставляя эти два эпизода, трудно избавиться от мысли, что такая схватка — это своего рода символическая сцена, действительного или воображаемого противоборства, которое стало определяющим для первого опыта существования Дизраэли в английском обществе вне отчего дома. Он твердо уверен в собственном превосходстве или своей способности подчинять себе сверстников. Опасность же состоит в том, что именно очевидность этого превосходства вызовет враждебность его товарищей, которые будут видеть в нем «чужака». Признание такой исключительности в условиях небольшого однородного коллектива (как школа или парламент) вовсе не обязательно приносит успех, в некоторых случаях все обстоит как раз наоборот, что и ввергло в отчаяние Вивиана и Контарини.

Ни в одном из этих эпизодов (как и вообще в романах) не появляется слово «еврей». Но только в еврейском контексте переживания героев Дизраэли обретают смысл. Особенно это относится к роману «Вивиан Грей», где восклицание «чужак», нечастое в разговорной речи, прочитывается как эвфемизм слова «еврей». Неприязнь знатных отпрысков к наделенному умом Вивиану, отношение директора, который подозревает в нем «смутьяна», — все это вполне соответствует обычной атмосфере антисемитизма. В «Контарине Флеминге» недовольство вызывает гордость героя, его претензия на исключительность — еврейский стереотип, восходящий к образу Шейлока, хотя на самом деле задумчивое одиночество Контарини скорее роднит его с Байроном. А его пугающая ярость во время схватки воспринимается как внезапный выброс долго сдерживаемого гнева, накопленного за долгий опыт безответных оскорблений.

Есть все основания полагать, что за этими эпизодами кроется собственный опыт Дизраэли, полученный им в антисемитской атмосфере школьного двора. Хотя у нас нет письменных свидетельств относительно того, что происходило в Хайэм-Холле, поэт Роберт Саути в 1807 году описал, как травили евреев — он наблюдал это сам — в другой школе: «В пасхальное воскресенье мальчишки выбегали из школьной часовни, распевая “Он воскрес! Иисусу слава! Всех евреев ждет расправа”. <...> А однажды кто-то из них перерезал лямки у лотка еврейского уличного торговца, и его коврижки рассыпались по земле. Получив жалобу, директор школы спросил виновников, что они могут сказать в свою защиту, и тогда один из них выступил вперед со словами: “Но, сэр, разве они не распяли нашего Господа?”» Радикальный журналист Ли Хант припоминает тот же стишок, который слышал в своей школе в 1790-е годы, а также другой: «Сделай с салом бутерброд и засунь еврею в рот». Такой народный антисемитизм переходил из поколения в поколение подобно детским стишкам и прибауткам и вряд ли имел отношение к невзгодам евреев в реальной жизни. Однако, ощутив эти издевательства на себе, Дизраэли не мог оставаться равнодушным и мгновенно на них отвечал.

Грубые антисемитские выпады, с которыми Дизраэли столкнулся еще ребенком, преследовали его и когда он уже стал политиком. Особенно отличался в этом отношении юмористический журнал «Панч», полуофициальная хроника политической жизни викторианской Англии. В 1849 году, когда Дизраэли уже занимал пост лидера консерваторов, «Панч» живописал его поющим такую балладу:

Еврейским бедным пареньком я был совсем недавно,
По Лондону ходил-бродил, старье скупал исправно.
Теперь в Палате я сижу, с речами выступаю,
Свое забросил ремесло, тряпье не покупаю.
А был курчавый паренек, который день за днем
Ходил-бродил, свистел и пел, кричал: «Старье берем!»

Дизраэли явно радовала возможность отомстить за подобные уколы, изображая победоносные схватки Вивиана и Контарини. Однако к тому времени, когда «Панч» опубликовал свою шуточную балладу, он уже давно усвоил, что проявление гнева в таких случаях только вредит. «Я никогда не мщу, — скажет он уже в старости, — но если человек наносит мне оскорбление, я пишу его имя на листке бумаги и запираю этот листок в ящик стола. Не перестаю удивляться, как люди, отмеченные мною таким образом, обретают необыкновенную способность куда-то исчезать». Только однажды, в начале своей карьеры, Дизраэли реально угрожал ответить насилием в духе Контарини, вызвав на дуэль одного политика, который допустил антисемитские высказывания. С годами он научился сдерживать пыл, укрощал себя, при этом демонстрируя полное иронии безразличие. Репутация Дизраэли как парламентского полемиста основывалась именно на такой издевательской невозмутимости, благодаря которой его более горячие оппоненты выглядели нелепо. В ходе дебатов по внешней политике в 1871 году, когда премьер-министр Гладстон выступал против Дизраэли как лидера оппозиции, один обозреватель заметил: «Премьер напоминал кошку на раскаленных кирпичках и являл собой разительный контраст Дизраэли; тот же буквально препарировал министров, как лягушек, с тем

sang-froid*, с которым анатом препарирует лягушку». И только из ранних романов Дизраэли мы можем увидеть, с каким трудом ему удалось обрести это sang-froid.

Впрочем, несмотря на все препятствия, которые ему пришлось преодолевать, нет сомнений, что юный Дизраэли был рожден, чтобы занять место в обществе, которому могут позавидовать большинство англичан. Пока Дизраэли был учеником, а затем стажером в юридической конторе, Британия переживала один из самых бурных периодов в своей истории нового времени. В 1815 году после более двадцати лет непрерывной войны с Францией страна праздновала окончательную победу над Наполеоном. Однако приспособление к мирным условиям принесло с собой немало новых проблем. В частности, из-за обрушения цен на сельскохозяйственную продукцию после того, как конкуренция со стороны континентальных фермеров долгое время отсутствовала, положение землевладельцев, которые составляли преобладающее большинство в парламенте, значительно ухудшилось. В ответ они ввели в действие Хлебные законы**, облагающие налогом ввозимое зерно, чтобы искусственно поддерживать высокие цены на внутреннем рынке. Такая протекционистская мера

* Хладнокровие (*фр.*).

** Хлебные законы — законы о пошлине на ввозимое зерно, действовавшие в Великобритании в период между 1815 и 1846 годами, защищали фермеров и землевладельцев от нежелательной конкуренции со стороны иностранцев, ввозивших дешевое зерно. Хлебные законы увеличивали прибыль крупных землевладельцев-аристократов, обеспечивали занятость населения в сельском хозяйстве, но ограничивали рост прибыли крупных торговых компаний.

была выгодна землевладельцам, но достигалась эта выгода за счет горожан, которым приходилось тратить на еду больше денег.

В течение трех десятилетий Хлебные законы (об их реальном влиянии на цены историки спорят до сих пор) сохраняли принципиальное значение, знаменуя собой определенный символ. Изымая средства у горожан в пользу сельского населения, они служили постоянным напоминанием о монополии землевладельцев на политическую власть и о несправедливости представителей среднего класса, промышленных рабочих и населения растущих городов на севере страны. Споры вокруг этих законов, а с ними — и вокруг традиционной для Англии классовой структуры общества стали одной из главных идеологических баталий ранневикторианской эпохи. И именно роль Дизраэли в этих спорах как сторонника наиболее консервативной и протекционистской парламентской фракции вознесла его на вершину британской политики.

Борьба вокруг Хлебных законов становилась все более ожесточенной по мере того, как Промышленная революция вкупе с невиданным ростом населения ухудшала условия жизни городской и сельской бедноты. Население Британии увеличилось с двенадцати миллионов в 1811 году до двадцати одного миллиона в 1851-м, и страна напряженно искала новые пути противостояния бедности, безработице, неграмотности, детскому труду и загрязнению среды обитания. Несмотря на то что Британия в целом богатела, заняв ведущие в мире позиции в промышленности, торговле, развитии железных дорог и судостроении, проблема беднейшего населения постоянно тревожила общественное сознание. Почти все знаменитые писатели викторианского периода от Карлейля

и Рескина до Диккенса и Джордж Элиот были, по существу, критиками викторианского общества, обращали внимание на вопиющую неравномерность в распределении богатства, грубейшее пренебрежение нуждами бедняков, филистерский материализм. Дизраэли и здесь играл ведущую роль: в романе «Сибилла» он предложил идею «двух наций», богачей и бедняков, которая, по замыслу автора, помогла бы викторианцам понять, как устранить социальную несправедливость.

Все эти неурядицы, экономические и общественные, приводили к серьезным политическим волнениям. Положение особенно обострилось в 1819 году, когда солдаты разогнали митинг протеста на Сент-Питерз-Филдс, под Манчестером, в результате чего одиннадцать человек погибли и сотни получили увечья. «Бойня Питерлоо» — издевательский намек на британский триумф при Ватерлоо — была воспринята английскими радикалами как призыв к революции. Это настроение уловил Перси Биши Шелли в своем стихотворении «Англия в 1819 году», одном из лучших образцов протестной поэзии:

Безумный, дряхлый и слепой король,
С ним рядом — подхалимы-болтуны,
Играющие царедворцев роль, —
Бездарных предков жалкие сыны,
Честь нашу пожирающая моль,
Пиявки, кровь сосущие страны;
Несчастный голодающий народ,
Перед бесстыдной властью павший ниц;
Солдаты, превращенные в убийц
Свободы, в мародерствующий сброд;
Ничтожный, гнусно блеющий Сенат,
Религия, чей идеал — Пилат...

Гроба, гроба... Ужель из них взлетит
Звезда победоносная — в зенит?*

«Ничтожный, гнусно блеющий» парламент в стихотворении Шелли, он предстает как главный политический повод для недовольства того времени. Несмотря на все изменения в демографии, избирательная система Британии практически не изменилась со времен революции 1688 года. В начале 1830-х годов из более чем шестнадцати миллионов человек, живших в Англии, право голоса имели лишь пятьсот тысяч мужчин. Хуже того, многие депутаты от округов на самом деле не представляли население, поскольку там процветала коррупция и избирателей либо подкупали, либо запугивали местные воротилы. Даже после того, как Билль о реформе 1832 года позволил исправить совсем уж вопиющие нарушения, расширение избирательного права оставалось одним из главных пунктов политики викторианской эпохи.

Таким образом, политические и социальные проблемы, отношение к которым и определило карьеру Дизраэли, были весьма острыми уже во времена его юности. Но и в подростковом возрасте Дизраэли не испытывал ни смиренной благодарности за свои классовые привилегии, ни беспокойства из-за возможности их потерять. Такого рода буржуазный консерватизм ему всегда претил, и ему никогда не были присущи добродетели и пороки буржуазии: бережливость и скромность, положительность и жестокосердие. Консервативные идеи Дизраэли были совсем другого сорта: романтические и в каком-то смысле радикальные, они не защищали статус-кво, а призывали к возрождению

* Перевод Г. Кружкова.

английского общества в соответствии с его лучшими традициями.

Это означало, что в представлении Дизраэли люди его происхождения изначально принадлежали к высшему классу и были рождены, чтобы стоять у власти. Все поразительные несоответствия в его жизни и карьере вырастают из этой главной аномалии. Рожденный в семье, принадлежащей к среднему классу, живя в эпоху, когда добродетели этого класса превозносились, Дизраэли в душе был аристократом. Его образ жизни, его произведения, его политику и взгляды на иудаизм — все это можно считать способами убедить мир и самого себя, что на самом деле он принадлежит к аристократии.

В сравнении с реальным выходцем из знатного рода, если не с типичным английским фермером или рабочим, положение Дизраэли было и впрямь невыгодным в начале жизни. Образование Дизраэли было и следствием, и признаком его происхождения из маргинального социального слоя, и это обстоятельство давало о себе знать на всем протяжении его карьеры. Он действительно сумел, вопреки всем преградам, достичь, как он выразился, «верхушки скользкого столба» политики. Но карабкаться пришлось долго, и год за годом Дизраэли мог лишь наблюдать, как его обгоняют господа с хорошими связями. Потребовалось пять попыток, чтобы победить на выборах в парламент, и только через пятнадцать лет после этого он занял кресло премьер-министра.

Чтобы понять, насколько легче мог быть путь к власти для молодого человека с хорошей родословной, достаточно посмотреть на Гладстона в юности, во многих отношениях полную противоположность Дизраэли. Формально Гладстон тоже происходит из среднего класса. Однако,

хотя его отец и не имел титула, у него было нечто ничуть не хуже — огромное состояние, полученное благодаря торговле с Вест-Индией, где он владел множеством рабов. Гладстон-старший, член парламента, определил своего сына Уильяма Юарта в лучшие учебные заведения Англии: сначала в Итон, потом в Крайст-Черч в Оксфорде. В двадцать один год Гладстон на заседании Оксфордского дискуссионного общества произнес речь, которая произвела сенсацию, да такую, что слух о ней дошел до герцога Ньюкаслского, крупнейшей политической фигуры того времени. По просьбе своего сына, одноклассника и друга Гладстона, герцог предложил восходящей звезде место в парламенте в любое время, когда Гладстон будет готов его занять. Уильям Юарт принял это предложение годом позже. Его отец и герцог поделили между собой расходы на выборную кампанию, и в 1832 году в возрасте двадцати двух лет Гладстон занял место в Палате общин. Будучи на пять лет моложе Дизраэли, он стал членом парламента пятью годами раньше. Последующие полвека соперничество между Гладстоном, истовым христианином, и Дизраэли, ненадежным евреем, будет во многом определять политическую жизнь викторианской Англии.

Предложи кто-то двадцатидвухлетнему Дизраэли место в парламенте, он без сомнения ухватился бы за эту возможность. Но поскольку он так рано стал автором романа, естественно предположить, что литература, а вовсе не политика была его первым призванием. Как писатель он, конечно же, стал известен значительно раньше, чем завоевал столь же широкое признание как политик. Однако на самом деле свой первый роман «Вивиян Грей» Дизраэли написал лишь только после того, как его первая попытка стать политиком потерпела фиаско, и лучшие страницы «Вививана Грея» напрямую связаны с этой неудачей. Хотя на протяжении всей жизни Дизраэли продолжит время от времени сочинять романы, он будет стремиться прославиться сам как личность, а не как писатель. Когда в одном из более поздних романов он вопрошает: «Кем бы ты предпочел стать — Гомером или Юлием Цезарем, Шекспиром или Наполеоном? В ответе я не сомневаюсь», — это означает, что, по мнению автора, никто не предпочтет человека мысли человеку действия. «Человек, у которого энергия бьет через край, — уверен Дизраэли, — жаждет, чтобы эта энергия

находила выход, чтобы постоянное осознание собственной непрестанно прибывающей силы со всею мощью оживляло и будоражило его существование». Поэтому неудивительно, что проза Дизраэли особенно хороша там, где он описывает мир власти, пользуясь средствами литературы для демонстрации своих политических идей и планов.

Когда накануне семнадцатого дня рождения Бенджамина отец определил его в лондонскую юридическую контору, политика уже занимала его мысли. «У меня были определенные сомнения [по поводу этого плана], — вспоминает Дизраэли, — потому что я уже в то время мечтал о парламенте». Последующие два с половиной года, продолжая жить в доме отца, он служил стажером, делая вид, что готовится к адвокатской карьере. Однако Дизраэли быстро понял, что наивысшая слава, которую он мог бы достигнуть на юридическом поприще (а он всегда считал, что именно такая предназначена ему судьбой), не сможет удовлетворить его честолюбия. «Карьера адвоката — фи! — размышляет Вивиан Грей. — Законоуложения и дурные шутки, пока тебе не стукнет сорок, а потом, если очень повезет, подагра и корона пэра. <...> Чтобы стать великим адвокатом, мне придется распрощаться с шансом стать великим человеком».

И чтобы сохранить этот шанс, Дизраэли предпочел распрощаться с карьерой адвоката. В июле 1824 года он оставил службу и отправился с отцом в поездку по Германии, а когда вернулся, у него уже были совсем другие планы. Незадолго до того Британия признала независимость новых латиноамериканских республик, и фондовая биржа ответила на это стремительным ростом цен на акции южноамериканских горнорудных компаний. Дизраэли,

как и многие другие, увидел для себя возможность разбогатеть и вместе с двумя друзьями вложил крупную сумму в эти акции. Когда правительство, осознав, что раздувается спекулятивный пузырь, стало призывать инвесторов к осторожности, один из крупных держателей акций заказал Дизраэли ряд памфлетов, осуждающих правительство и расхваливающих перспективы вложений в шахты и рудники Южной Америки.

Однако брошюра Дизраэли «О планах, развитии и политике американских горнорудных компаний» (пристойно звучащий эквивалент девятнадцатого века для современного спама, сопровождающего продажу акций) не могла изменить экономические законы. К середине 1825 года пузырь лопнул, принеся Дизраэли тысячи фунтов убытков. Это положило начало долгу, который со временем вырос до гигантских размеров, поскольку Дизраэли продолжал занимать деньги под высокий процент. К началу тридцатых годов ему уже приходилось постоянно скрываться от приставов, посылаемых кредиторами для его ареста. Сочинение романов превратилось для Дизраэли в тяжкую рутинную работу: чтобы как-то сводить концы с концами, он издавал одну книгу за другой. Угроза попасть за решетку миновала только к концу десятилетия, когда он стал членом парламента, что обеспечило ему иммунитет от судебного преследования, и сочетался браком с богатой женщиной.

Однако и после этого долги оставались серьезной помехой в политической карьере Дизраэли. В 1841 году, когда он повторно избирался в парламент, его противники вывесили в городке Шрусбери плакат, на котором были перечислены пятнадцать судебных решений по взысканию с Дизраэли долгов на

общую сумму — далее крупным шрифтом заглавными буквами — ДВАДЦАТЬ ДВЕ ТЫСЯЧИ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ФУНТОВ, ДВА ШИЛЛИНГА И ОДИННАДЦАТЬ ПЕНСОВ. «Честные избиратели Шрусбери! — вопиял плакат. — Вы хотите, чтобы вас представлял в парламенте такой человек? Можно ли доверять его обещаниям?»

Но если опрометчивость ввергла Дизраэли в долги, то его писательский гений использовал их как своего рода творческий инструмент. «Ведай молодые люди о неизбежных несчастьях, которые навлекают на себя, когда берут деньги в долг, не имея возможности вовремя расплатиться, разве они смогли бы начать собственное дело? Бледных от ужаса, их била бы дрожь, и, в отчаянии ломая руки, они застыли бы у края пропасти, где сейчас так весело проводят время!» Так писал Дизраэли в романе «Генриетта Темпл», где брачным планам главного героя, Фердинанда Армина, препятствуют его долги. Однако в этих сетованиях нетрудно почувствовать гиперболу, некую юмористическую ноту. Автор словно говорит нам: положение должника имеет пагубные последствия, но не следует относиться к этому серьезно.

В другом месте он пишет о долгах с явным одобрением и теплым чувством. «Если бы не долги, — иронизирует один из персонажей романа “Танкред”, — я бы ничего не достиг. По своей природе я так ленив, что, не вспомни я наутро, что разорен, никогда не смог бы прославиться». Похоже, что и самого Дизраэли сложное положение, в котором он оказался, побуждает к энергичным действиям. Но вот что еще важнее: быть в долгу — это так аристократично. Наследник, влезаящий в долги в расчете на наследство, был знакомой фигурой как в жизни, так и в литературе. Способность не позволить

презренным финансовым заботам ограничить себя в удовольствиях и правах (особенно в обществе, где расчетливость и другие буржуазные ценности становились господствующими) была отличительной характеристикой аристократа. Лорд Стэнли, сын коллеги Дизраэли графа Дерби, в своем увлекательном дневнике выражал тревогу по поводу такого умонастроения знати: «Надо признать, что светское общество осуждает и высмеивает тех, кто следит за своими финансовыми делами, и в то же время весьма сочувственно относится к тем, кто разоряется, пусть даже по собственной вине. Презрение к бережливости и осмотрительности всегда отличало аристократию».

Дизраэли, который был восприимчив к аристократическим ценностям с юности, по всей видимости, предпочитал погрязнуть в долгах, чем проявить щепетильность в денежных вопросах. Так в особенности обстоит дело с евреями, претендующими на место в обществе. Дизраэли, разумеется, знал, что заимодавцев, к которым обращаются расточительные молодые аристократы, считают евреями — таков стереотип. «Пойти к евреям» — это выражение было по сути синонимом «взять в долг»; одной из категорий кредиторов Дизраэли, перечисленных на упомянутом выше плакате наряду с «портными, галантерейщиками и обойщиками мебели», были «еврейские ростовщики».

Все это Дизраэли отразил в «Генриетте Темпл». В поисках заимодавца Фердинанд Армин в первую очередь отправился в контору «Моррис и Левизон» — фирма, судя по именам, еврейская. При этом Дизраэли не изображает Левизона злодеем, эдаким новоявленным Шейлоком. Он просто вульгарен, что видно по его одежде: «На нем был темно-фиолетовый

сюртук из ткани высочайшего качества, золотая цепь, способная вызвать зависть сразу всех членов совета небольшого городка под Лондоном, пересекала жилет зеленого бархата, на груди расшитой сорочки поблескивал огромный опал, а пальцы были унизаны отменными перстнями». Позже, когда Фердинанда арестовали и заперли в «доме должников» — нечто вроде гостиницы, которую держали заимодавцы, где должники могли попытаться договориться об отсрочке, прежде чем их отправят в тюрьму, — он приметил в гостиной «кое-какие возможности для развлечений литературного плана <...> в виде еврейской Библии и «Календаря скачек»».

Из подробного, вплоть до отделки интерьера, описания конторы Левизона можно сделать вывод, что Дизраэли был лично знаком кое с кем из такого рода заимодавцев. Не исключено, что и он побывал в доме должников, хотя достоверных свидетельств об этом не сохранилось. Подтверждает это лишь одно: если бы Дизраэли пришлось отождествлять себя либо с еврейским кредитором, либо с благородным должником, он бы выбрал последнее. Положение должника, как почти все в его жизни, было одновременно и демонстрацией творимого им аристократического образа, и способом его создания.

К созданию образа, который сделал Дизраэли одним из самых узнаваемых — и отраженных в карикатурах — людей Англии, он приступил, едва выйдя из подросткового возраста. Его имя навсегда связано с викторианской эпохой: он был впервые избран в парламент в год вступления Виктории на престол и до конца жизни не служил ни одному другому монарху. Однако важно иметь в виду, что присущий Дизраэли стиль сформировался под влиянием вольной

и склонной к эпатажу атмосферы Регентства*, времени, когда в английском обществе высоко ценились оригиналы, денди и гении. Главный гений эпохи, лорд Байрон, шокировал и дразнил соотечественников сексуальными похождениями и стихами, в которых творил свой собственный миф. Смерть поэта в 1824 году даже в то время, казалось, обозначила закат некоего яркого и полного жизни мира. Эдвард Бульвер-Литтон, писатель и политик, подружившийся с Дизраэли в конце двадцатых годов, сожалел о «столь сильном тяготении к практицизму, которое со всей очевидностью проявилось вскоре после смерти Байрона».

Однако Дизраэли хранил верность идеалам байронизма. Сам он никогда не встречался с Байроном лично в отличие от своего отца (Байрон, как мы уже видели, восхищался книгами Исаака), но еще подростком наслушался разнотолков о нем, распространяемых Мюрреем. После смерти поэта отношение к нему Дизраэли превратилось в настоящий культ: он разыскивал знавших его людей, посещал места, описанные в стихах Байрона, и даже сочинил роман «Венеция», основанный на жизни поэта. В какой-то момент он попытался снять квартиру в фешенебельном доме Олбани**, где когда-то жил Байрон, и ему удалось взять на службу и вернуть в Англию его итальянского камердинера.

Еще важнее отметить, что и свой образ Дизраэли выстраивал по байроновской модели, подражая его вызывающей манере одеваться и

* Регентство — период с 1811 по 1820 год, когда по причине безумия Георга III регентом был его сын, будущий Георг IV.

** Олбани — многоквартирный дом на улице Пиккадилли в Лондоне.

выражению лица надменного пресыщенного жизнью человека. Судя по описанию, сделанному очевидцем на предвыборном митинге в 1835 году, это ему вполне удалось: «Полуулыбка-полуусмешка играла на его красиво очерченных губах, причем верхняя кривилась, как это можно видеть на портретах Байрона. <...> На нем были весьма эффектный темно-зеленый сюртук, экстравагантной расцветки жилет, чуть ли не весь покрытый блестящими цепочками, и причудливого кроя панталоны. <...> В целом же он являл собой образец изысканного интеллектуала, какого мне еще не приходилось видеть».

Его «изысканность» в сочетании с ранней одаренностью и острым умом помогла Дизраэли найти путь в лондонское высшее общество. Она же сделала его исключительно привлекательным для женщин, особенно женщин в возрасте, замужних, но еще не поставивших на себе крест, которые играли важную закулисную роль в политической жизни Англии. До своего брака Дизраэли неоднократно вступал в связь с такого рода дамами, охотно погружаясь в распутный аристократический мир, где политика и адюльтер сочетались друг с другом. До конца жизни он воздавал должное своим любовницам и множеству других женщин, которых всего лишь обворожил, за помощь, благодаря которой стала возможной его карьера. «Лишь немногие из великих людей, достигших процветания, будь они откровенны, — писал он в «Генриетте Темпл», — откажутся признать, какую неоценимую помощь в начале карьеры они получили от расположенной к ним и воодушевляющей их женщины».

С такими союзниками, как молодость, талант и привлекательная внешность, Дизраэли не

мог допустить, чтобы превратности фондовой биржи его остановили. Он с энтузиазмом погрузился в работу над новым планом, который обещал обеспечить ему не только доход, но и политический вес. Дизраэли с детства был знаком с Джоном Мюрреем, издателем отца и владельцем влиятельного консервативного журнала «Куотерли ревью». Мюрреем на комисионной основе издавал памфлеты Дизраэли о горнорудных компаниях и к тому же сам покупал и продавал южноамериканские акции. Летом 1825 года Мюррей, Дизраэли и еще один их партнер по биржевому бизнесу сговорились начать новое значительное дело: издавать ежедневную газету либерального крыла тори — по замыслу, она должна была стать альтернативой «Таймс».

Не вполне ясно, каким образом Дизраэли собирался внести свою долю в это крайне дорогостоящее предприятие. Однако название новой газеты — «Репрезентатив»* — предложил именно он, и он же со всей энергией стал нанимать сотрудников и подыскивать иностранных корреспондентов. Мюррей послал его в Шотландию, чтобы он попытался уговорить Джона Гибсона Локкарта**, видного писателя и зятя Вальтера Скотта, возглавить газету. Локкарта смутила молодость гостя — похоже, он ожидал увидеть Исаака Дизраэли, а не Бенджамина, — и переговоры поначалу шли тяжело. Однако Дизраэли был в ударе и чувствовал себя великолепно: наконец-то сбылась его мечта поучаствовать в интриге такого рода. Он даже шифровал свои письма Мюррею, словно был тайным агентом, и

* Представитель (англ.).

** Джон Гибсон Локкарт (1794—1854) — автор первой биографии В. Скотта.

в них давал понять, что кое-кто из видных консерваторов у него в руках.

Впрочем, обещания и намеки на грандиозные перспективы на Локкарта не подействовали. А еще печальнее, что по мере того, как рушился фондовый рынок и лопались банки, становилась очевидной неспособность Дизраэли внести свою долю капитала в то, что его отец назвал «новой интеллектуальной паровой машиной». К январю 1826 года, когда вышел первый номер газеты, Дизраэли уже в этом предприятии не участвовал. И, как оказалось, ничего не потерял: газета не имела успеха и просуществовала всего полгода.

Активная общественная деятельность Дизраэли продолжалась менее года, а он уже дважды потерпел серьезную неудачу. Однако это его не обескуражило, и он тут же нашел способ обратить себе на пользу опыт совместной работы с Мюрреем. Дизраэли знал, что литературным событием 1825 года стал роман Роберта Пламера Уорда «Тремейн, или Светский человек». В этом произведении впервые была сделана попытка достоверно описать манеры и обычаи, принятые в высшем свете, как бы изнутри, и оно положило начало жанру так называемой «литературы серебряных вилок». То обстоятельство, что «Тремейн» был опубликован анонимно, только увеличивало его привлекательность: читатели верили, что некий соглядатай снабжает их сведениями, находясь в самом сердце аристократического общества.

Дизраэли решил заработать на этом привлекательном жанре и через считанные месяцы после расставания с «Репрезентативом», работая с невероятной скоростью, закончил первый том «Вивиана Грея». Рукопись он отправил Саре Остен, знакомой Исаака, литературному агенту

Уорда, и та согласилась предоставлять те же услуги Бенджамину. Сара, похоже, стала первой в ряду дам почтенного возраста, сраженных Дизраэли наповал. Возможно, они не были любовниками, но Сара целиком посвятила себя его литературной карьере; благодаря ее стараниям Колберн, издатель «Тремейна», согласился выпустить «Вивиана Грея» уже весной 1826 года. При этом имя автора держалось в тайне — оно было не известно даже издателю: он общался с Дизраэли только через Сару.

Знай Колберн, что автором был еврей двадцати одного года от роду, чье знакомство с высшим светом началось и закончилось за обеденным столом отца, он, возможно, не стал бы столь энергично рекламировать «Вивиана Грея» как произведение, полное скандальных откровений. В газетах сообщалось, что в романе даются «портреты ныне живущих персонажей, которые могли бы составить подобие Национальной галереи»*, а в обществе циркулировали намеки, позволяющие связать героев романа с их предполагаемыми прототипами. Эти домыслы помогли «Вивиану Грею» стать подлинной сенсацией.

Сюжет романа в известной мере основан на интригах вокруг газеты «Репрезентатив», перенесенных из мира журналистики в политику. Вивиан, дерзкий и честолюбивый двойник автора, стремится создать новую политическую партию, чтобы помочь не блещущему умом маркизу Карабасу занять место премьер-министра. Играя на тщеславии престарелого маркиза, Вивиан с помощью лести приобретает реальное, хоть и закулисное, влияние и убеждает

* Национальная галерея — крупнейшее в Великобритании собрание картин, открылось в 1824 году.

своего патрона заключить союз с Фредериком Кливлендом, его давним политическим соперником. Но после довольно нелепого романтического эпизода с участием некоей соблазнительницы и отравительницы по имени миссис Лоррейн созданная Вивианом политическая группировка распадается. Карабас теряет надежду заполучить место премьера, а Кливленд вызывает Вивиана на дуэль («С меня довольно льстивых слов и комплиментов! Я слишком долго позволял себя дурачить!») Наш герой пытается отделаться выстрелом в воздух, но Кливленд настаивает на реальной поединке, и Вивиан, не желая того, его убивает.

Только весьма осведомленные люди могли уловить зыбкую связь этой довольно нелепой истории с реальными фактами. Например, Мюррей тут же узнал себя в Карабасе, тщеславной жертве Вивиана, и обвинил своего бывшего протеже в «вопиющем обмане доверия и разрыве всех отношений, которые связывают людей». Но ни Карабас, ни Кливленд (под этим именем выведен Локкарт) не прорисованы так, чтобы можно было безошибочно определить их прототипы. Единственный, кто вполне раскрыт в романе, — это его автор, и изображен он настолько откровенно, что читать роман даже несколько неловко.

Вивиан в полной мере наделен привлекательностью, высокомерием и безудержным честолюбием своего создателя и при этом свободен от ненужного груза сомнений или политических принципов. Уже подростком Вивиан мечтает только о власти: «Он взволнованно мерял шагами комнату и страстно желал одного — попасть в Сенат». Но у Дизраэли не было ни жизненного опыта, ни знания человеческой природы, чтобы понять, чем является политика

на практике. Вивиан у него крайне уверен в себе и лишь притворяется, будто ему есть дело до людей, которых он намерен использовать в своих интересах. «Да, мы должны смешаться с этим стадом, — размышляет Вивиан, — проникнуться их чувствами, потворствовать их слабостям, печалиться их печалью, которая на самом деле нас не трогает, и участвовать в их дурацких забавах».

Нам кажется, что Вивиан, идя к своей цели, не остановится ни перед чем. Он даже шутит, что готов продать душу: «Какая жалость, мисс Мэнверс, что продать душу дьяволу уже не модно». Этот циничный тон пресыщенного человека наталкивает на мысль, что Дизраэли предвосхищает Оскара Уайльда, и оценить «Вивиана Грея» по достоинству можно, только разделив мальчишеское удовольствие, которое автор испытывает от поругания «святынь». Но Дизраэли не просто насмехается, изображая политическую карьеру Вивиана результатом сделки с дьяволом. «Разве ум не такой же товар, — говорит Вивиан, — как, скажем, великолепный парк или красивый замок?» Он решает продать знати свой талант в обмен на место в ее среде: «Сейчас множеству влиятельных аристократов не достает только ума, чтобы стать министрами. А чего для достижения той же цели не хватает Вивиану Грею? Как раз влияния, предоставляемого знатным происхождением. И если два человека могут оказать друг другу столь ощутимую помощь, почему бы им не сойтись? Неужели из-за того, что происхождение стоит на пути к моей мечте, я до конца дней проживу унылым мизантропом в каком-нибудь старом поместье?»

В этом пассаже особенно ясно слышен голос самого создателя Вивиана. В двадцать один год Дизраэли уже постиг, каково это, когда

происхождение стоит на пути к мечте. Он понял, что ему — еврею — дорога к власти практически закрыта. Но знал он и о своих необыкновенных дарованиях и помыслить не мог, что не получит шанса ими воспользоваться. И такие невыносимые муки из-за невозможности осуществить честолюбивые замыслы описаны в ранней прозе Дизраэли с наибольшей достоверностью. В «Молодом герцоге», его втором романе, отразились чувства, которые целиком и полностью владели им в те годы:

Представьте себе никому не известного Наполеона, умирающего от голода на парижских улицах. Что значит Святая Елена в сравнении с горечью подобной судьбы? Образы минувшей славы осветили бы даже этот мрак заточения, но сознавать, что его сверхъестественные силы могут истощиться, не воплотившись в великие дела, — да разве колесо или дыба сравнятся с пыткой, рождаемой таким предположением?

Перед Дизраэли стояла важная задача: сделать так, чтобы его исключительность не обернулась против него самого. Ему нужно было найти поддержку во влиятельных политических кругах, завоевав их доверие, но не потеряв при этом их уважения. Работа над «Вивианом Греем» позволила Дизраэли прояснить для себя самого и сгущенными красками обрисовать стоявшие перед проблемы. Однако публикация романа, как ему следовало бы предвидеть, только затруднила его путь к цели. Создав Вивиана, автор наводил на мысль, что он и сам беспринципный наемник, торгующий своим умом и готовый заключить сделку с любым, у кого достанет богатства или власти, чтобы служить его

целям. До самого конца политической карьеры Дизраэли враги называли его лицемером, а друзей не оставляла тревога, что это обвинение небезосновательно.

Вряд ли чтение «Вивиана Грея» вызывало бы такую неловкость, ощутимую даже сейчас, не будь последующий жизненный путь автора выстроен по рецептам Вивиана. Дизраэли поднялся к вершинам власти, отдав свой ум «дурацкой партии» (как обозвал консерваторов Джон Стюарт Милль*), точно так же, как Вивиан продал свой интеллект туповатому Карабасу. Он стал лидером консерваторов в Палате общин не потому, что те испытывали к нему любовь — на самом деле большинство из них ему не только не доверяли, его недолюбливали, — а потому, что Дизраэли, единственный человек столь блестящего дарования в их среде, был им необходим. Один член парламента от партии консерваторов прояснил ситуацию метафорой из крикета: «Мы знаем, что он не из нашей команды, но нам нужен профессиональный боулер**». Такова трагическая нота в карьере Дизраэли: даже на вершине власти, даже в среде ближайших сподвижников он оставался посторонним. И отчужденность эта оказалась непреодолимой именно из-за еврейского происхождения.

Впрочем, в 1826 году психологический подтекст «Вивиана Грея» для Дизраэли был не так важен, как вызванная романом гневная ответная реакция. Своей привлекательностью роман в значительной мере был обязан дерзкой претензии автора на близкое знакомство с высшим обществом — на страницах романа кишат

* Джон Стюарт Милль (1806—1873) — английский философ, экономист и политик.

** Боулер — в крикете игрок, подающий мяч.

аристократы и миллионеры. («Мистер Пафф, позвольте представить вас лорду Альгамбре» — вот типичная строчка диалога.) Но как только просочились сведения о том, кто в действительности автор, читатели почувствовали себя обманутыми и критики пустились во все тяжкие. «Блэквудз мэгэзин» писал, что анонимный автор на самом деле — «темная личность, ничего собой не представляющая», а «Мэгнет» назвал Дизраэли «мошенником, прохвостом и лжецом» и пригрозил, что «для него уже приготовлен хлыст, причем не один».

Менее чем за два года Дизраэли пережил две неудачи: ему не удалось ни сколотить состояние на бирже, ни добиться политического влияния с помощью газеты. А теперь и попытка завоевать литературную славу закончилась позором. Вот как через несколько лет он передает свои ощущения в романе «Контарини Флеминг»: «Неописуемый ужас, полное отчаяние, сильнейшее потрясение — все это я испытал впервые в жизни, оказавшись мишенью самых отчаянных, самых злых, самых изощренных насмешек. Я был повержен и раздавлен. <...> Я ощущал сердечную боль, какую мы обычно испытываем при первой встрече с серьезным ударом. Я был смешон. Я хотел умереть».

Но Дизраэли не умер. У него случился нервный срыв. Пока ажиотаж вокруг «Вивиана Грея» постепенно затихал, Дизраэли в обществе Сары Остен и ее мужа на два месяца отправился путешествовать по Европе. Они проехали Францию и Швейцарию, а затем, перевалив через Альпы, оказались в Северной Италии; все путешествие Дизраэли описал в ярких письмах домой. Осенью, вернувшись в Англию, он завершил работу над вторым томом «Вивиана Грея», малоприметной книгой, явно написанной исключительно ради заработка. Психологический автопортрет в первом томе здесь уступает место разрозненным надуманным эпизодам, в которых Вивиан выступает всего лишь бледной тенью бывшего героя. Контраст оказывается настолько сильным, что даже автор задает вопрос: «Неужели перед нами тот же самый дерзкий юноша, который в прежние времена ухитрялся спланировать в безумные союзы этих чванливых старых недоумков?»

Вивиан, как и его создатель, изменился. В течение последующих трех лет Дизраэли был полуинвалидом: он страдал от одного из не нашедших четкого определения недугов девятнадцатого века, которые современному взгляду

представляются психосоматическими расстройствами. Он замкнулся в отчем доме, отдав себя заботам родителей, пока его без видимого результата лечили сменявшие друг друга врачи. Лучшее из медицинских заключений гласило, что он поражен «хроническим воспалением оболочек головного мозга», но в наши дни его заболевание, скорее всего, назвали бы острой депрессией. Впрочем, Дизраэли не оставался совсем уж бездеятельным и даже сумел написать две небольшие вещи: в 1828 году появилась «Попанилла» — короткая сатира в духе «Путешествий Гулливера», а в 1830-м он закончил «Молодого герцога». Однако в сравнении с неустойчивой деятельностью и обширными планами Дизраэли 1824—1826 годов, период с 1827 по 1830 год, по словам Исаака, стал в жизни его сына «пустым». «Его недуг, — писал Исаак, — относится к тому виду расстройств, которые сбивают с толку врачей и остаются неразгаданными, пока больной в конце концов от них не избавится. А тем временем уделом его должны стать терпение и смирение — два снадобья, облегчающих жизнь, но весьма горьких для пылкого, не знающего покоя ума».

Исаак хорошо понимал мучительное состояние сына, поскольку сам в прошлом пережил нечто подобное. В возрасте двадцати девяти лет, пишет Дизраэли в своих воспоминаниях, «отца поразила тот загадочный недуг, которому часто подвержены молодые мужчины с обостренной чувствительностью, особенно писатели; он проявляется в нервном истощении, вызываемом малоподвижной работой за письменным столом, рано развившейся неотступной мечтательностью, тревогой и неясностью целей. Симптомы такой болезни, физические и нравственные, весьма неприятны: апатия и уныние». Без всякого сомнения, Дизраэли описывает здесь и

собственный «загадочный недуг», и упомянутые им причины депрессии, охватившей Исаака, в еще большей степени приложимы к его случаю: «Я думаю, что эта болезнь его молодости, растянувшаяся, пусть с промежутками, на много лет, рождена неспособностью отца направить в правильное русло умственные силы, которые он в себе ощущал».

Главная причина болезни Дизраэли, длившейся три года, крылась в крахе честолюбивых надежд. Как показано — и без каких бы то ни было экивоков — в «Вивиане Грее», в начале карьеры Дизраэли был полон порожденных нарциссизмом иллюзий. Убеденный в своей гениальности, он полагал, что и мир отнесется к нему соответственно и незамедлительно признает его безусловное превосходство, как он того и заслуживает. Когда же этого не случилось, собственный образ, творимый им в годы издевательств со стороны соучеников и уединенных мечтаний в отцовской библиотеке, разлетелся вдребезги. Впрочем, со временем Дизраэли сможет вновь обрести веру в себя и подвести под нее более прочное основание. В результате ему удастся достигнуть всего, о чем мечтал Вивиан, и даже более того.

И все же на протяжении всей карьеры Дизраэли не покидает чувство разочарования: власть и слава, пришедшие поздно и завоеванные с большим трудом, так и не оправдали его надежд. «Стать знаменитым в молодости — это воистину дар богов, — писал Дизраэли, подкрепляя это утверждение перечнем героев, прославившихся в юности. — Подумайте только, Италию завоевывали величайшие полководцы древности и нового времени в возрасте двадцати пяти лет! Персидское царство ниспровергли молодые, совсем молодые люди. <...> Кортесу было

едва за тридцать, когда он любовался золотыми куполами Мехико». Подобно Юлию Цезарю, который проливал слезы у статуи Александра Македонского, юного Бенджамина мучила мысль о том, как мало он успел совершить. Когда Дизраэли, уже в годах, обрел наконец реальную власть, он не мог избавиться от ощущения, что она пришла слишком поздно. «Когда-то, просыпаясь, я чувствовал, что у меня достанет сил сменить династии и правительства, — говорил он в 1878 году, — но это время прошло».

К 1830 году Дизраэли окреп, воспрял духом, и он захотел перемен. Одним из признаков улучшения (а может быть, и его причиной) стала первая зафиксированная биографами любовная связь Бенджамина — по иронии судьбы, с женой одного из его врачей Кларой Болтон. Как и Сара Остен, Клара была старше Дизраэли и замужем — оба эти качества он искал в своих любовницах. И уж конечно, ее привлекательности для честолюбивого молодого человека способствовало и то, что Клара была хозяйкой модного салона, среди гостей которого встречались и члены парламента. Дизраэли постепенно возвращался в общество, деля свое время между Лондоном, где щеголял в изысканном платье и скрывался от кредиторов, и Броденхемом, новым загородным домом отца в графстве Бакингемшир, куда семья переехала, чтобы жить в более здоровом климате.

Теперь Дизраэли овладела жажда путешествовать. Но он не собирался отправиться в обычный Гран-тур*, который совершают

* Гран-тур — длительное путешествие по Европе — составная часть образования молодого английского джентльмена.

молодые английские богачи по салонам Парижа и соборам Рима. Вместо этого он вознамерился поехать на Восток — в Грецию, Турцию, Египет и на Святую землю. Дизраэли и тут брал пример со своего кумира: Байрон умер в Греции, участвуя в войне за ее независимость, а некоторые из наиболее известных его произведений — это легенды с ярким восточным колоритом, полные первозданных необузданных страстей.

Однако для Дизраэли путешествие на Восток имело и некий символический смысл, неведомый Байрону: оно давало возможность воочию увидеть родину еврейского народа. Это не значит, что посещение Палестины превратилось бы для него в религиозное паломничество. Светское воспитание и крещение предполагали, что Дизраэли отнюдь не был погружен в еврейские обряды с их постоянными обращениями к Сиону и Иерусалиму. Однако именно потому, что Дизраэли не рассматривал Палестину в религиозном плане, то есть как сцену, где разыгрывается мессианская драма изгнания и искупления, он мог представлять ее в историческом и политическом аспекте как место зарождения еврейского национального суверенитета. Незадолго до путешествия, читая книги из отцовской библиотеки, он заинтересовался личностью Давида Алроя, курдского еврея, который в двенадцатом веке возглавил восстание против турок-сельджуков. Для Дизраэли Алрой демонстрировал немислимую ранее возможность: оказывается, еврей мог заявлять права на политическую власть, оставаясь евреем. Именно эта мечта, не получившая еще названия «сионизм», сильнее, чем обещание теплого климата, сильнее, чем пример Байрона, влекла Дизраэли на Восток.

В мае 1830 года, получив гонорар за «Молодого герцога», Дизраэли покинул Лондон.

Спутником Бенджамина был Уильям Мередит, жених его сестры Сары. Позже к ним присоединился Джеймс Клей, еще один их знакомый, путешествующий по Средиземному морю на своей яхте. Присутствие Клея наталкивало на мысль, что в их планы входил не только осмотр достопримечательностей: он был известным распутником и непревзойденным проводником для любителей секс-туризма из числа молодых европейцев, приехавших на Восток. В отличие от Гюстава Флобера, который посетил те же места двадцатью годами позже, Дизраэли не оставил скабрёзных записей о своих сексуальных приключениях. Однако то обстоятельство, что по возвращении в Англию он и Клей лечились от венерического заболевания, не оставляет сомнений в том, чем они занимались во время этого путешествия. И действительно, в подходящей компании Дизраэли охотно рассказывал о своих похождениях. В 1833 году художник Бенджамин Хейдон оставил в своем дневнике запись о званом обеде, за которым Дизраэли «распространился о Востоке и, похоже, был склонен оправдывать печально известные пороки тех мест».

Первую остановку Дизраэли сделал в Гибралтаре, где его байронические манеры и стиль в одежде ошеломили британский гарнизон. По крайней мере, так он описывает произведенное им впечатление в письме домой: «Я также заслужил славу первого, кто прибыл на континент с двумя тростями — утренней и вечерней. <...> Поразительно, какой эффект производят здесь эти волшебные палочки». Позже это щегольство приобрело восточный колорит: он нарядился в «костюм греческого пирата. Алая рубаха с серебряными запонками величинной с шиллинг, широченный шарф или кушак с заткнутыми за него пистолетами и кинжалами,

красный колпак, красные туфли без задников, просторный синий полосатый камзол и синие же шаровары. Все сверх меры — кошмар!»

Впрочем, манера одеваться была для Дизраэли не просто выражением любви к маскараду. Таким стилем — все сверх меры — он подтверждал, что не может смешаться с толпой. Как далеко он заходил в этих стараниях, можно понять из письма с Мальты, где он общался с британскими офицерами: «Претенциозность здесь значит больше, чем остроумие. Вчера на корте я сидел на трибуне среди незнакомых мне людей, когда залетевший мяч легонько ударил меня и упал к моим ногам. Я его поднял и, заметив молодого пехотного офицера, застывшего словно изваяние, со всем почтением попросил его бросить мяч на корт, поскольку сам я никогда в жизни не устраивал бала*». Эту шутку могли вполне оценить его друзья в Лондоне, где подобные дендизм и манерность речи были в моде.

Однако этот эпизод безусловно свидетельствует и о защитной реакции. Понимая, как далек он от образа идеального офицера или джентльмена, Дизраэли отнюдь не желает и даже не пытается к этому идеалу приблизиться. Что бы он ни писал, ему хорошо известно: подобная «претенциозность» не поможет ему заслужить признание офицеров мальтийского гарнизона и, как подтверждает Клей, не заслужила. Через несколько лет, вспоминая об этом путешествии, Клей называет «фатовство» Дизраэли совершенно «непереносимым» и отмечает, что офицеры вскоре вообще перестали приглашать «этого надутого еврейского мальчишку» на обеды в свою столовую. Но преувеличенный дендизм — как

* Смысл каламбура в том, что выражение *throw a ball* имеет два значения — бросить мяч и устроить бал.

на Мальте, так и в Англии — удовлетворял самую сокровенную потребность Дизраэли: позволял ему чувствовать, что его экстраординарность — следствие собственного выбора, а потому — своего рода достоинство, а не что-то врожденное и потому — проклятье. Как всегда, если он не мог приспособиться, решительно предпочитал выделиться.

Однако, если Дизраэли чувствовал, что в среде англичан вынужден фиглярствовать, то путешествия давали ему возможность окунуться в атмосферу, где, как ему казалось, он обретал свободу и чувство собственного достоинства. Когда пожилая дама, показывая ему Альгамбру, великолепный мусульманский дворец в Гранаде, понимала его вопросом, не мавр ли он, Дизраэли был счастлив. Мысль о том, что его средиземноморские черты, из-за которых он испытывал унижения в Англии, за границей воспринимались как признак благородного происхождения, будоражила воображение. Возможно, он уже выстраивал исторически сомнительную, но психологически убедительную теорию, будто евреи и арабы принадлежат одной расе и, стало быть, славными делами обоих народов вправе гордиться каждый из них — в «Танкреде» эту идею он выразил во фразе: «Арабы — это те же евреи, только верхом». Так или иначе, Дизраэли приходил в восторг от мысли, что может оказаться законным наследником властителей, построивших Альгамбру. Покидая дворец, он бормотал: *Es mi casa* — «Это мой дом».

Обаяние власти для тех, кто ее лишен, помогает объяснить, почему Дизраэли незамедлительно полюбил турок. Для последователя Байрона это было поразительной ересью. Ведь в конце-то концов поэт умер, сражаясь на стороне греков против Турции; для европейских

либералов Оттоманская империя вообще была символом упадка и реакции. Но когда Дизраэли приехал в Албанию, где бушевало восстание, он немедленно встал на сторону турок. «У меня были мысли, — писал он домой, — и вполне серьезные, вступить добровольцем в турецкую армию, чтобы принять участие в албанской войне». А уже в Испании он упивался мыслью о возможности более не чувствовать себя англичанином и слиться с могущественной семитической расой, какой она представляла в его воображении. Хотя турки в действительности не были семитами, Оттоманская империя стала домом для большой сефардской общины, то есть потомков тех же выходцев из Испании, от которых вел свое происхождение и Дизраэли. Легкий поворот колеса фортуны — и английский джентльмен мог бы превратиться в турецкого. Дизраэли был в восторге от слов встреченного им турка: «Он сказал, что не принял меня за англичанина, потому что я так медленно хожу, — я и правда считаю, что обычаи этих неторопливых, расточительных людей вполне совпадают с моим уже ранее сложившимся отношением к правилам приличия и развлечениям, а греков я недолюбиваю еще больше, чем прежде».

Греческое восстание, возможно, и не было той борьбой за свободу, какой оно представляло в идеализированных описаниях поэтов-романтиков. Но презрительное отношение Дизраэли к грекам и ко всем последующим движениям девятнадцатого века за национальное освобождение указывает на то, чему суждено будет стать чертой его представления о власти, которая причинила ему больше всего неприятностей. Дизраэли испытывал тяготение к мусульманскому государству, каким оно было в Испании и Турции, поскольку воспринимал его

как некое замещение еврейского государства. В его представлении пышное мавританское и турецкое величие было своего рода упреком высокомерию англичан, так как доказало, каких успехов мог достигнуть восточный, семитический народ. В своей прозе он вновь и вновь с подчеркнутым удовольствием противопоставляет древности семитов незрелость англосаксов — «плосконосых франков, суетливых и заносчивых, — так он пишет в “Танкреде”, — народа, зародившегося, как видно, в северных болотах и лесных дебрях, по сю пору не расчищенных».

И утверждаясь таким образом в своей еврейской гордости, Дизраэли упустил из виду, что в действительности у евреев гораздо больше общего с греками, чем с турками. В девятнадцатом веке евреи не имели государственности, они находились в подчинении, и особенно тяжелым было их положение в Османской империи. В 1840 году, всего через десять лет после путешествия Дизраэли, в Дамаске распространился кровавый навет: еврейского цирюльника обвинили в убийстве католического священника. Последовала волна террора, которая сопровождалась пытками наиболее известных в городе евреев, несколько человек умерли. Только вмешательство западных дипломатов, энергично поддержанное английским евреем, известным финансистом Мозесом Монтефиоре, заставило египетское правительство Мехмета Али положить конец «дамасскому делу».

По иронии судьбы одним из ярких эпизодов восточного путешествия Дизраэли оказалась его встреча именно с Мехметом Али. Он был поражен «двором паши, блестящим кругом придворных в роскошных одеяниях, а особенно чернокожими внухами в алом и золотом». Дизраэли даже утверждал, будто Мехмет Али

беседовал с ним о политике (что маловероятно). И все же восхищаться пашой как воплощением семитической власти он мог, только закрыв глаза на то, что власть эта использовалась в ущерб его народу, евреям. Дизраэли и в самом деле не поддержал кампанию Монтефиоре по спасению евреев Дамаска, хотя и был к тому времени членом парламента. Красноречивый пример того, как Дизраэли, представлявший себе еврейство источником вдохновения в психологическом плане, по сути дела оставался равнодушным к судьбе реально существующих евреев. То, что представления, рожденные его фантазией, никак не соотносились с современным ему реальным политическим положением евреев, объясняет, почему место Дизраэли не в истории сионизма как такового, а лишь в его предыстории.

Зная, насколько глубоко во время своего путешествия Дизраэли был погружен в размышления о еврейской истории, мы могли бы ожидать, что его письма из Палестины будут полны прозрений. На самом деле, хотя он и пишет, что посещение Иерусалима стало для него «самым восхитительным переживанием за все время путешествия», его описания этого города разочаровывают. Пейзаж Дизраэли передает, используя стандартный набор эпитетов: «Невозможно представить себе что-либо более дикое, ужасное и безлюдное, чем окружающие нас картины, более мрачное, беспокойное и суровое». Его письма не поднимаются над уровнем обычного праздного путешественника. Не исключено, что он так скупно писал о реальной Палестине, поскольку в то время она вовсе не являла собой впечатляющей картины еврейского величия. Из Яффы, портового города, до Иерусалима Дизраэли пришлось два дня добираться верхом

по дорогам, не проезжим для экипажей, то и дело откупаясь от местных вождей. В самом Иерусалиме жили всего тринадцать тысяч человек, в том числе тысяч пять евреев; он еще не распространился за пределы своих средневековых стен и выглядел скорее как захудалый провинциальный городишко, чем как древняя столица. Английский священник, побывавший в Иерусалиме в 1849 году, писал, что город произвел на него впечатление «неприглядного и отвратительно грязного <...> где путешественник <...> вынужден пробираться, нащупывая дорогу между разбросанных камней, нечистот и всякой гадости».

Возможно, Дизраэли именно потому и уделил описанию плачевного состояния Иерусалима так мало внимания, что в своих фантазиях уже представлял этот город будущей еврейской столицей. Еврейскую часть города он, по-видимому, посещать не стал да и в романах упоминает отнюдь не еврейские места Иерусалима — это Храм Гроба Господня и, особенно часто, Купол Скалы* («череда великолепных внутренних дворов и легкие воздушные ворота, помнящие триумф сарацинов»). Насколько важным для него оказалось время, проведенное в Палестине, станет понятным лишь позже, когда реально увиденное в Иерусалиме он превратит в еврейские фантазии «Алроя» и «Танкред».

После Палестины Дизраэли провел несколько месяцев в Египте, изучая страну. Первоначально он намеревался оставаться за границей еще дольше и возвращаться через Италию. Но в июле 1831 года, когда Дизраэли был в Каире, его спутник Мередит внезапно умер от оспы, и

* Купол Скалы — древнейшая мусульманская святыня, находится на Храмовой горе рядом с мечетью Аль-Акса.

он решил немедленно отправиться домой, чтобы утешить свою сестру, потерявшую жениха. Сообщая в письме Саре о случившейся трагедии, Дизраэли клянется восполнить эту утрату: «Живи, о сокровище моего сердца, живи ради того, кто всегда любил тебя безграничной любовью. <...> Будь моим гением, моим утешением, моим спутником, моей радостью». Сейчас эти слова звучат странно в устах брата, утешающего сестру, хотя бы из-за выраженной в них нескрываемой самовлюбленности. Однако Саре, которая в двадцать восемь лет встретила с реальной перспективой на всю жизнь остаться старой девой, они могли и не казаться такими уж странными.

На самом деле Дизраэли предлагал сестре точно такой же дар, которым он оделил на протяжении многих лет не одну женщину, — возможность принять участие (пусть и косвенное) в общественной и политической жизни, обычно для них закрытой. Положение «гения» и «спутника» набирающего силу политика стало для Сары определенного рода карьерой и главным источником радостных переживаний в последующие тридцать лет. Разумеется, это во всех отношениях устраивало и самого Дизраэли: к моменту возвращения домой в октябре он уже имел план дальнейших действий, для реализации которого ему бы понадобилась практическая и моральная поддержка сестры. Наконец, после долгих лет, Дизраэли твердо решил стать членом парламента.

Дизраэли вернулся в Англию в разгар конституционного кризиса. Через полтора года после того, как он отправился в свое путешествие, дебаты о парламентской реформе, долгое время вяло булькавшие на самой дальней конфорке британской политической кухни, дошли наконец до точки кипения. Французская революция 1830 года, сменившая старую династию Бурбонов на конституционную монархию, разбудила надежды реформаторов в Британии и показала правящим кругам, что их ждет, если не воспоследуют перемены. В ноябре к власти пришло первое за полвека правительство вигов, возглавляемое лордом Греем, которому и надлежало провести в жизнь Билль о реформе, чтобы раз и навсегда успокоить страну.

Когда по ходу путешествия Дизраэли выдавался случай получить какие-то сведения из дома или найти англоязычную газету, он следил за развернувшейся в Англии политической борьбой. В марте 1831 года Палата общин приняла Билль о реформе с перевесом в один голос, но вскоре это решение было заблокировано в комитете. Тогда виги назначили общие выборы, и в результате их перевес сторонников

реформы в Палате общин оказался более весомым. Однако в октябре Палата лордов вторично отклонила Билль, после чего по стране прокатилась волна протестов и беспорядков. Упрямство землевладельцев и партии тори, которая сохраняла сильные позиции в верхней палате, толкало страну к революционному взрыву. И только после того, как недавно вступивший на престол Вильгельм IV пообещал создать столько новых пэров, сколько потребуется для одобрения Билля о реформе, Палата лордов уступила. В июне 1832 года Билль о реформе стал наконец законом.

В наше время, когда всеобщее избирательное право считается само собой разумеющимся в любом свободном обществе, результат принятия Билля о реформе выглядит довольно скромным. Прежде право голоса имели около полумиллиона мужчин при общей численности населения в шестнадцать с половиной миллионов. Снизив имущественный ценз для избирателей, Билль дал право голоса еще примерно тремстам тысячам, в основном горожанам и представителям среднего класса. Не менее важно, что Билль упразднил десятки «гнилых местечек»*, передав их депутатские места новым промышленным городам на севере страны. Однако хроническая коррупция не исчезла, обновленный электорат все еще не превышал одной седьмой части взрослого мужского населения, а вопрос о предоставлении права голоса женщинам даже не поднимался.

В то же время символично, что Билль о реформе и его сторонниками, и его противниками воспринимался как революция. Впервые с 1688

* «Гнилое местечко» — так в Англии называли обезлюдевший избирательный округ.

года, когда Славная революция* установила закон, согласно которому верховная власть принадлежит не королю, а парламенту, Британия сделала решающий шаг к расширению демократии. Был закреплен определенный принцип, и последующие полвека заданному реформой направлению предстояло господствовать в британской политике. На вершине политической пирамиды по-прежнему оставались, в основном, аристократы (семь из десяти премьер-министров, занимавших этот пост после Грея, имели титул), но теперь средний класс получил голос в парламенте, и голос этот набирал силу. Главными достижениями в области законодательства средневикторианского периода стали модернизация, либерализация и рационализация общественных и государственных институтов страны. Суд, образование, колонии, армия, церковь — все они будут реформированы на протяжении последующих пятидесяти лет.

Следует отметить, что инициатива реформ почти всегда исходила от вигов и их преемников — либералов. Монополия либералов на реформаторство помогает объяснить, почему за сорок лет после принятия Билля о реформе тори находились у власти лишь десять лет. Уже в 1832 году, когда Дизраэли только готовил почву для своей первой избирательной кампании, было ясно, что вигам предстоит управлять страной довольно долго. Тем не менее Дизраэли, для которого самой желанной целью была власть, с самого начала своей политической деятельности объявил себя противником правящей

* Славная революция — государственный переворот, завершившийся свержением Якова II и утверждением на престоле Вильгельма III и его супруги Марии. Привел к установлению конституционной парламентской монархии.

партии. В одной из своих ранних речей он сказал: «Господа, будь я политическим авантюристом, мне оставалось бы только примкнуть к вигам; но, следуя искреннему убеждению в совершеннейшей пагубности их политики, я полагаю своим долгом им противостоять».

Однако летом 1832 года, когда Дизраэли намеревался избираться в парламент в Хай-Уикоме, округе отца, он вовсе не был уверен, что хочет примкнуть и к тори. Тори отвергали реформу и оттого выглядели архаичными и на избрание надеяться не могли; никто не сомневался, что первые выборы на основе нового закона приведут вигов к внушительной победе. В результате Дизраэли решил испытать судьбу, не опираясь на поддержку какой-либо партии в надежде, что непредсказуемые течения, возникшие на реформенной волне, принесут ему победу. «Я начинаю как крайний радикал, — писал он. — Консерватизм себя изжил, а до либералов я не могу снизойти». Мягко говоря, странное начало для политика, которому суждено в будущем стать иконой консерватизма. Это решение, подобно многим опрометчивым шагам молодого Дизраэли, со временем ему дорого обойдется. То обстоятельство, что он начал карьеру как «крайний радикал», положило на него клеймо ненадежного, даже беспринципного политика, которое сохранялось еще долго после того, как Дизраэли стал стойким приверженцем партии тори.

В действительности главную ставку Дизраэли делал не на принадлежность партии и не на свою позицию по определенным вопросам, а исключительно на силу своего характера. Несмотря на ранние неудачи, он не утратил присущего Вивиану Грегу ощущения своего великого предназначения. Дизраэли был увлечен

политикой задолго до того, как в его голове сложились хоть какие-то политические взгляды, и всегда верил в себя больше, чем в любую политическую платформу. Именно это он, по сути, и выразил в брошюре, выпущенной к избирательной кампании 1833 года под довольно нескромным заголовком «Кто же он?»: «Не будем забывать и о значении, которое в сильнейшей степени недооценено в наш век, век торжествующей посредственности, — о значении личных качеств. Сильные духом люди еще могут встать у скрипучего кормила, чтобы направлять судно сквозь бури этого мира, — это люди, чье гордое предназначение заключается одновременно в утверждении величия нашей страны и обеспечении счастливой жизни нашего народа».

Избиратели Хай-Уикома, как оказалось, не проявили желания, чтобы их интересы в парламенте представлял человек, сильный духом. Дизраэли проводил там свою первую кампанию в июне 1832 года, когда из-за отставки одного из членов парламента возникла необходимость в дополнительных выборах. Билль о реформе был только что принят, и Дизраэли уже собирался участвовать в намеченных на декабрь общих выборах на основе нового закона. Однако он не мог пропустить шанс побороться за освободившееся место, надеясь, что сторонники тори и радикалов проголосуют за него, чтобы не допустить победы вигов. Это была смелая попытка, и украсила ее легендарная речь перед зданием местной гостиницы «Красный лев». «Когда объявят результаты, я окажусь здесь, — сказал он, указывая на голову льва, — а мои соперники — там», — и Дизраэли показал на хвост.

Однако соперником Дизраэли был Чарлз Грей, сын премьер-министра, и громкое имя обеспечило ему победу. Грей получил

двадцать голосов против двенадцати, поданных за Дизраэли, — эти цифры показывают, сколь ничтожным было до реформы число избирателей в некоторых округах. Когда в декабре те же кандидаты участвовали в общих выборах, теперь уже с большим числом избирателей, Дизраэли, как и прежде, не пожелал навешивать на себя ярлык принадлежности к какой-либо партии, насмехаясь над обеими: «при всех своих разногласиях виг и тори — это два имени с одним значением», — но Грей снова вышел победителем, на этот раз с соотношением голосов 140 против 119.

Два поражения за полгода — подобное унижение прежде могло бы ввергнуть Дизраэли в глубокую депрессию. Но в двадцать восемь лет он был уже не тот, что в двадцать один год. Неудача (а их будет немало) никогда более не лишит его веры в себя. Через пару месяцев с галереи Палаты общин Дизраэли слушал речи депутатов, которые — в этом он не сомневался — станут его коллегами. «Между нами говоря, — делился он с сестрой, — я мог бы превзойти их всех. Скажу *entre nous*: я абсолютно уверен, что способен преодолеть любые препятствия в Палате. И это время придет».

Он доказал свое упорство, снова заявив о себе как кандидате, на сей раз от Марилебона*, где в начале 1833 года ожидалась вакансия. Выборы, впрочем, не состоялись, но настойчивость Дизраэли привела к тому, что его имя стало приобретать известность во все более широких политических кругах. Примерно в это же время одна газета поместила на своих страницах едкую шутку в его адрес, которую он

* Марилебон — фешенебельный район в северо-западной части Лондона.

процитировал в письме Саре: «Некто спросил Дизраэли, предложившего свою кандидатуру от Марилебона, на что тот предполагает опираться. “На свою голову”», — был ответ. Дизраэли не комментирует эту шутку, но она скорее всего доставила ему удовольствие. В ней отразился его бесшабашный юмор, который будет и впредь отличать Дизраэли от прочих английских политиков. (В последнем своем романе он язвил: «Островной стране, подверженной туманам, с влиятельным средним классом нужны государственные деятели с угрюмым характером».) Однако Дизраэли «опирался на свою голову» и в более серьезных вещах. Большинство кандидатов на места в парламент находили опору в своей родословной и в местных связях. Еврейское происхождение лишало Дизраэли этих немалых преимуществ. Заменить их он мог только своим интеллектом и твердым намерением пустить его в ход. Ведь прозвище «смекалистый еврей» неизбежно предполагало наличие острого ума.

Однако еще с детства Дизраэли усвоил, что удивить англичанина светлой головой недостаточно. Потребуется еще доказательство, что и чувства его отвечают ожиданиям, что его верность Англии не вызывает сомнений. Поэтому не удивительно, что, излагая свои политические взгляды в статьях, брошюрах и речах, Дизраэли никогда не забывал особо выделить идею величия нации. Уже в тридцатые годы он нашел принцип, которым ему следовало руководствоваться в своей политической карьере. В то время как виги были партией класса себялюбцев, утверждал он, тори представляли интересы всей нации. Они защищали не только английские традиционные институты, включая аристократию и церковь, но также рабочих и фермеров, для служения которым эти институты

предназначались. Придя к такому заключению, Дизраэли без колебаний стал членом партии консерваторов. Чтобы явить людям лелеемый им образ аристократа, а также продемонстрировать благонадежность, требовалось вступить в партию, как он ее называл, «английских джентльменов».

К такому решению его подталкивало и то обстоятельство, что карьера в качестве независимого депутата не сулила перспектив. В конце 1834 года в Хай-Уикоме состоялись новые выборы. Дизраэли в третий раз принял вызов и снова проиграл Чарлзу Грею. Немедленно вслед за этим он написал письмо лидеру консерваторов герцогу Веллингтону, в котором сообщал о своей приверженности тори. В сущности, он еще раньше приступил к решению нелегкой задачи публично примирить свое прошлое радикала с будущим консерватора.

Для большинства людей эти два названия означали нечто диаметрально противоположное; словосочетание «консервативный радикал» имело не больше смысла, чем «республиканский социалист» в современной Америке. Дизраэли, однако, утверждал, что тори и радикалы имеют общий взгляд на государствообразующую нацию. Тори традиционно отождествляли нацию с ее правящим классом и древними институтами, в то время как радикалы полагали, что Англия принадлежит всему народу, включая рабочих и бедноту. Однако теперь, когда Билль о реформе дал толчок к демократизации политической власти, у тори не оставалось иного выбора кроме как расширить свое понятие нации. Чтобы сохраниться в качестве политической силы, им надо было показать, что класс землевладельцев способен принимать во внимание не только свои интересы, но и служить всему обществу. «Если

тори действительно утрачивают надежду на восстановление аристократического начала, — писал Дизраэли, — то их долг объединиться с радикалами и позволить обоим политическим прозвищам слиться в общее вразумительное и гордое наименование — Национальная партия».

Подобное слияние дало бы тори моральное и политическое преимущество перед вигами, которых Дизраэли считал «не национальной партией, руководствующейся великими и общепризнанными принципами общественного поведения и государственной политики, а небольшой группой знатных родов, которые своей единственной целью полагают утверждение собственного величия и добиваются этого всеми доступными средствами». В жесткой полемике с вигами (в одной из статей он называет генерального прокурора, шотландца, «грубым, льстивым, вороватым детищем телячьего рубца и куриной похлебки с луком»*) Дизраэли постоянно обвинял вигов в извращении английских традиций иностранными идеями. В 1688 году, заменив на троне законного короля Якова II более уступчивым Вильгельмом III, знатные семьи из партии вигов навязали Англии «венецианскую конституцию», превратив некогда могущественного монарха в слабого дожа. Одновременно, поощряя дефицитное финансирование, они обрекли Англию на использование «голландской финансовой системы». Подобной риторикой Дизраэли с легкостью обратил родовитых вигов в чужеземцев, а себя, еврея, выставил истинным защитником британской чести. (Его наиболее объемный труд по политической теории был озаглавлен «Защита английской конституции».)

* Телячий рубец и куриная похлебка с луком — блюда шотландской кухни.

Определение консерватизма, данное Дизраэли, оказалось слишком оригинальным и не получило широкого признания, но оно помогло ему к середине 1830-х завоевать репутацию одного из многообещающих членов своей партии. В 1835 году Дизраэли отправился в Тонтон* в четвертый раз принять участие в парламентских выборах, но уже в качестве официального кандидата от партии тори. Как писал один очевидец, на трибуне Дизраэли обращал на себя внимание и щегольской одеждой, и своей «откровенно еврейской физиономией». «Ни одно лицо не поражало меня так, как лицо Дизраэли. Оно было мертвенно-бледным, а из-под тонко очерченных изогнутых бровей сверкали угольно-черные глаза. Никогда не встречал подобных в глазницах смертного — ни до, ни после».

Однако какое бы впечатление ни производил Дизраэли — слишком или недостаточно сильное, — своему сопернику он проиграл в четвертый раз. Впрочем, самый важный результат этих выборов был впереди. В предвыборной речи Дизраэли обрушился на вигов за их политический союз с Дэниелом О'Коннеллом, лидером ирландских католиков, «которого они прежде причисляли к изменникам». Газетные публикации, однако, представили это так, будто изменником О'Коннелла назвал сам Дизраэли, и О'Коннелл, чьей поддержки Дизраэли добивался в бытность свою радикалом, пришел в бешенство. В ответ он произнес речь в Дублине, в которой назвал Дизраэли «продажной душонкой» (и не только), а также обвинил в «вероломстве, себялюбии, порочности и беспринципности». Самое сильное оскорбление, впрочем, О'Коннелл приберет для конца речи, с пафосом произнеся:

* Тонтон — город на юго-западе Англии.

Его имя указывает на еврейское происхождение. Я не ставлю это ему в упрек; мы знаем много весьма достойных евреев. Но, как и в любом народе, среди них есть низкие, отвратительные личности, подлые и развращенные, и к наихудшим образцам такой породы я отношу мистера Дизраэли. Ему в высшей степени присущи качества нераскаявшегося разбойника на кресте*, и я воистину убежден, что, изучи мы семейную геральдику и проследи родословие мистера Дизраэли, то неминуемо обнаружили бы, что этот господин является законным наследником упомянутого мною достойнейшего персонажа.

Справедливо будет заметить, что О'Коннелл вовсе не был убежденным антисемитом. В ходе дебатов по вопросу об эмансипации евреев он с гордостью заявил, что, насколько ему известно, Ирландия является «единственной христианской страной, не запятнавшей себя каким-либо случаем гонения на евреев», и высказал мнение, что всеми правами, завоеванными его усилиями для католиков, должны в равной мере пользоваться и евреи. Однако в яростных нападках на Дизраэли О'Коннелл прибегает к антисемитским доводам самого отвратительного свойства. Травля евреев была Дизраэли не внове, и он приучил себя, как правило, не обращать внимания на подобные вещи. В 1841 году, снова избираясь в парламент, он не испытал страха, когда недоброжелатели совали ему в лицо куски свинины или когда какой-то мужчина, восседая на осле, кричал ему: «Я здесь, чтобы отвезти тебя обратно в Иерусалим!»

* Нераскаявшийся разбойник (Гестас) — один из двух злодеев, распятых вместе с Иисусом, упоминается в Евангелии от Луки (23:39) и в некоторых апокрифах.

Однако речь О'Коннелла явилась решающим испытанием для Дизраэли, и он сразу это понял. Обычно антисемитские выпады против него были либо выражением чванства, способом указать на его «низкое» происхождение, либо проявлением ксенофобии, игрой на широко распространенной неприязни к «чужакам». Слова О'Коннелла были куда более опасны, поскольку пробуждали древний религиозный антисемитизм, в особенности связанный с обвинением в богоубийстве. Если бы такие речи возымели действие, если бы оказалось, что считать его убийцей Иисуса не мешает даже то, что он христианин, политической карьере Дизраэли пришел бы конец.

Поэтому Дизраэли мгновенно нанес ответный и очень сильный удар. Он не только опубликовал открытое письмо, указывая на противоречие, таящееся в речи О'Коннелла — защитника прав католиков, который опирается на религиозный предрассудок: «Я вижу, что вы и сами вполне готовы перейти к гонениям». Кроме того, он хотел вызвать ирландца на дуэль, но, поскольку О'Коннелл, уже однажды убивший на дуэли своего противника, публично поклялся никогда более не драться, Дизраэли послал вызов его сыну. Когда тот вызов не принял, Дизраэли попытался заставить сына драться, пообещав «использовать любую возможность, чтобы предать публичному презрению» имя его отца. В конце концов в дело вмешалась полиция, и Дизраэли был вынужден предоставить поручительство своего благонамеренного поведения.

Подобный скандал, как естественно предположить, вряд ли мог принести пользу начинающему политику с еще нетвердой репутацией. Однако Дизраэли был определенно обрадован поворотом дела с О'Коннеллом. «Во всех партиях

сложилось одно мнение, — восторженно писал он Саре, — а именно, что я их стер в порошок». Превратив политическую полемику в вопрос о защите чести, Дизраэли успешно нейтрализовал нападки О'Коннелла: он показал миру, что так же ревностно оберегает собственную честь, как любой джентльмен, и потому в нем нет ни малейшего сходства с «нераскаявшимся разбойником на кресте». А его готовность драться на дуэли свидетельствовала о личной отваге, неприменном достоинстве в обществе, где все еще действовал аристократический кодекс мужской чести. Напоминание о том, что Дизраэли еврей, могло прийти тори не по вкусу, но им пришлось признать, что он не трус.

Если политическая карьера Дизраэли продвигалась очень медленно, его успехи на литературном поприще были впечатляющими. Из путешествия на Восток он вернулся с почти готовыми замыслами для еще двух романов. Работая с обычной для него скоростью, Дизраэли уже в 1832 году, за месяц до первой попытки избраться в парламент, опубликовал «Контарини Флеминга», а еще менее чем через год — роман «Алрой». Ни та ни другая книга не имела успеха «Вивиана Грея», но это были более серьезные произведения, чем все написанное Дизраэли ранее. В частности о «Контарини» (с претенциозным подзаголовком «Психологический роман») восторженно отзывались такие ценители, как Мэри Шелли и Уильям Бекфорд*.

Романы Дизраэли в совокупности составили его автопортрет. «Мои книги — воплощение моих чувств, — писал он. — В «Вивиане Грее»

* Мэри Шелли (1797—1851) — английская писательница, автор книги «Франкенштейн, или Современный Прометей», жена поэта Перси Биши Шелли. Уильям Томас Бекфорд (1760—1844) — член парламента, известный собиратель и ценитель искусства, автор готического романа «Ватек».

я изобразил свое полное энергии честолюбие, каким оно было на самом деле, в «Алрое» — честолюбие идеальное, а «Психологический роман» говорит о развитии поэтической стороны моей натуры. Вся трилогия — это тайная история моих чувств, и я не намерен писать о себе что-то еще». Недостатки этих романов обусловлены сосредоточенностью на собственном честолюбии и собственном характере, поэтому ни один из них не стал образцом великой прозы, и в наши дни к ним обращаются главным образом для того, чтобы проникнуть во внутренний мир автора. Тем же объясняется, почему создание этих произведений сыграло такую важную роль в развитии самого Дизраэли. Он довольно рано (еще когда впервые читал Шекспира) узнал, что представления англичан о евреях были настолько же ограниченными, насколько английские законы о евреях либеральными. Чтобы воплотить свои честолюбивые замыслы, ему первым делом требовалось освободиться от этих ограничений — разрушить отталкивающий английский стереотип еврея, проявив свои истинные качества: бьющую через край энергию, идеализм, чувство собственного достоинства. Неявно в «Контарини Флеминге» и открыто в «Алрое» Дизраэли уже дает волю своему воображению и описывает еврейство и себя как еврея так, как сам того хочет. В этом смысле можно сказать, что для него было необходимо сначала стать писателем и только потом политиком, и в качестве политика он продолжал творить себя, что начал еще как писатель.

«Контарини Флеминг» стал для Дизраэли самым любимым из его романов, возможно, потому, что он впервые потребовал от автора значительных усилий. «Я всегда буду считать свой «Психологический роман» совершенным

образцом английской прозы, подлинным шедевром», — писал он, причем не вполне в шутку. С такой оценкой не согласится ни один современный читатель, а такое восхищение собственным произведением может служить веским доказательством, что Дизраэли отнюдь не был прирожденным писателем. Как и в «Вивиане Грее», мысли у него иссякли задолго до конца романа, и он растягивал его, вставляя в последнюю треть длинные цитаты из писем, которые писал домой, путешествуя по Востоку. Возможно, пройди Дизраэли дисциплинирующую школу работы над романами, выходящими с продолжениями, как это делало большинство великих викторианских прозаиков, он научился бы выстраивать сюжет таким образом, чтобы поддерживать интерес читателя до конца. Вместо этого он писал романы быстро, одним рывком, и обычно к концу повествование становилось вялым.

Тем не менее, хотя «Контарини Флеминг» и нельзя назвать великим романом, он стал чрезвычайно важным документом, свидетельствующим об умонастроении автора. Перед нами классический образец романа воспитания, в котором впечатлительный молодой человек сознает, что не вписывается в обычное общество, поскольку сам он — гений. Контарини Флеминг, от имени которого ведется повествование, обладает всеми признаками такого героя. Он пугает близких вспышками гнева, ввязывается в драки в школе, влюбляется — вполне возвышенно — в целую череду женщин. Но поскольку творец Контарини не истинный художник, его герой, в отличие от большинства подобных персонажей, открывших в себе творческое призвание, в финале не обретает счастья. Правда, на мгновение он испытывает что-то вроде озарения:

«Неужели, — воскликнул я, глядя вокруг в изумлении и растерянности, — неужели я все-таки поэт?» Но к такому ходу у Дизраэли не лежала душа, и эпизоды, в которых Контарини витийствует подобно поэту, оказались в романе наименее убедительными.

Когда отец Контарини говорит ему, что лучше быть человеком действия, чем поэтом или писателем, мы словно слышим голос самого автора: «Мы — деятельные существа и превыше всего ценим великие дела». К счастью, мистер Флеминг оказывается премьер-министром небольшой скандинавской страны и может обеспечить сыну высокую правительственную должность. Такой поворот сюжета позволяет Дизраэли снова погрузиться в любимую игру воображения — игру в политику. Контарини оказывается более успешным, чем Вивиан Грей, и проводит удачную дипломатическую операцию. Его политические успехи Дизраэли изображает с гораздо большей убедительностью, чем поэтические восторги: «Мне кажется, что нет на свете великой цели, которую я не желал и не мог бы достигнуть. В своем воображении я ниспровергаю монархов и становлюсь во главе империй». Если судить по роману «Контарини Флеминг», литература для Дизраэли всегда оставалась лишь временной заменой политики.

Однако даже политический успех не приносит Контарини счастья, поскольку он всегда, с самого детства, ощущает свое глубокое отличие от скандинавов, в окружении которых живет. Отец Контарини — «потомок знатного и древнего английского рода», но его покойная мать была итальянкой — смуглой, с необычной внешностью, страстной. В результате Контарини казалось, что даже его единокровные братья принадлежат к другой породе: «Их называли моими

братьями, но природа указывала на ложность этого постоянно повторяемого утверждения. Между нами не было никакого сходства. При моей венецианской внешности их голубые глаза, белокурые волосы, светлая кожа отнюдь не указывали на родство со мной. Где бы я ни оказался, вокруг себя я видел людей, принадлежащих другой, отличной от моей расе. <...> Уж не знаю почему, но я чувствовал себя несчастным».

Контарини мог не знать, почему он несчастен, но читатель понимал, что Дизраэли нашел способ наделить своего героя вымышленным эквивалентом собственного еврейства. Контарини — тоже дитя Средиземноморья, перенесенный в северную страну. «Между мной и суровым краем, куда меня забросила судьба, нет приязни», — сожалеет герой. Однако в молодые годы Контарини делает спасительное открытие (такое же сделал Дизраэли во время путешествия в Испанию и Палестину): пусть он изгой на Севере, но зато на Юге он — принц. Читая историю Венеции, Контарини встречает свое собственное имя: «Но когда я прочитал, что было еще четыре семейства предков настолько знатных, что, считаясь потомками римских консулов, занимали положение выше венецианских вельмож, и что из всех этих семейств род Контарини был главным и не имел себе равных, я так разволновался, что отбросил книгу и сломя голову побежал к лесу».

Возвращая Контарини его венецианское родословие, Дизраэли как бы являет собственное вновь обретенное отношение к еврейству: наконец-то он нашел способ превратить свою отчужденность в источник гордости. Такова его версия великой романтической сказки о гадком утенке (Ханс Кристиан Андерсен, кстати, был практически его современником). Но

постоянная поглощенность Дизраэли своим еврейством и политическими амбициями заставляет его придать истории Контарини национальную и политическую окраску. Именно историческое величие Венеции и его венецианских предков побуждает Контарини добиваться успеха в политике и поэзии. Он совершает паломничество в Венецию и, подобно Дизраэли в Альгамбре, осознает себя наследником правителей этих мест: «Мраморные дворцы моих предков возвышались по обе стороны как огромные торжественные храмы. <...> С какой радостью я бы отдал жизнь, чтобы снова наполнить их величественные залы гордыми вассалами свободных и победоносных властителей!» В конце романа, после многих исполненных романтики тяжких трудов, Контарини продолжает мечтать о возвращении в политику, на этот раз в качестве спасителя своего народа: «Возможно, не так уж далеко и государственное возрождение страны, которой я предан, и я принял твердое решение участвовать в этой великой работе».

Когда Дизраэли писал эти слова, до революции 1848 года, которая ненадолго освободила Венецию от австрийцев, оставалось целых шестнадцать лет. (Глава Венецианской республики Даниэле Манин был евреем, о чем Дизраэли писал с гордостью, поскольку, возможно, видел в нем *alter ego*, как и в Контарини.) Но если Дизраэли верил или хотя бы убеждал себя, что его предки некогда жили в Венеции, то после путешествия на Восток он обратил свои мысли к Палестине — изначальной родине еврейского народа. При этом в 1833 году идея «государственного возрождения» еврейского народа в Палестине казалась невероятно далекой. Но романтическое воображение, жажда славы и во многом мифологическое восприятие еврейской

истории сложились для Дизраэли — задолго до его более трезвомыслящих современников — в некое провидческое представление о возможностях сионизма. За шестьдесят с лишним лет до «Еврейского государства» Теодора Герцля и почти за тридцать лет до «Рима и Иерусалима» Мозеса Гесса Дизраэли уже мечтал о еврейском государстве в Палестине.

В «Удивительной истории Алроя» эта мечта была открыто явлена автором впервые в литературе нового времени. В предисловии к более позднему изданию романа Дизраэли писал, что «удивительная история жизни» Давида Алроя «пленила» его уже в детстве. Но Алрой в изображении Дизраэли совсем не похож на малозначительную фигуру, упомянутую Вениамином Тудельским, испанским евреем, чьи «Путешествия» стали классикой средневековой еврейской литературы*. Согласно Вениамину, Алрой, курдский еврей, около 1160 года поднял восстание против турок-сельджуков на территории Азербайджана. Сподвижники наделяли Алроя магической силой и провозгласили его мессией, однако подобные притязания настроили против него видных евреев в Багдаде, которые умоляли Алроя не выступать против турок. В конце концов он был предан своим тестем и убит, так и не одержав ни одной победы.

Алрой, созданный Дизраэли, представляет собой гораздо более значительную фигуру, что-то вроде еврейского Александра Македонского.

* Вениамин Тудельский — раввин из наваррского города Тудела, предпринявший в 1165—1173 гг. путешествие, маршрут которого пролегал вдоль всего северного побережья Средиземного моря, через Палестину, Междуречье, вокруг Аравийского полуострова и далее до Фаюмского оазиса в Египте. Записки Вениамина об этом путешествии переведены на многие языки, в том числе на русский.

В романе он одерживает одну победу за другой, захватывает Багдад и чуть ли не основывает на Ближнем Востоке новую империю. Автор в изобилии привносит в свое произведение «сверхъестественную машинерию» (так он сам это называет), в том числе волшебное кольцо, тайный подземный храм и скипетр Соломона, необходимый Алрою для завоевания Иерусалима. Все это, пишет Дизраэли, основано на еврейской традиции, «каббалистической и истинной», но в действительности автор, без сомнения, заимствует весь мистический антураж из «Тысячи и одной ночи», восточных произведений Байрона и аллегорических поэм Шелли. В сущности, «Алрой» представляет собой скорее традиционное ориенталистское фэнтези, чем историческое повествование. Даже проза Дизраэли с ее подчеркнутым ритмом и характерными повторами, дающими основание предполагать, уж не начинаются ли некоторые фрагменты романа как стихи, пронизана безвкусицей: «Ах, газель! — восклицала принцесса. — Ах, газель! — повторяла принцесса. — О газель, ты меня понимаешь. Ведь нежнее лебяжьего пуха, да, нежнее лебяжьего пуха твои мягкие губы газельи, а его раскаленные губы дышат страстью, к моим прижимаясь, о газель, ты меня понимаешь!»

Но если «Алрой» в наши дни представляется явно переспелым плодом, его психологическая суть воспринимается вполне серьезно. Дизраэли говорил, что приступил к этому роману в 1831 году в Иерусалиме, когда был погружен в раздумья о роли еврейства в своей жизни и карьере. И под его пером история Давида Алроя превращается в завуалированное размышление о положении европейских евреев и иносказание о возможной будущей судьбе самого Дизраэли.

С начала романа Алрой, потомок царя Давида, негодует по поводу упадка и унижения евреев под властью мусульман. Тем не менее Дизраэли дает понять, что положение евреев вовсе нельзя считать невыносимым. Напротив, дядя Алроя по имени Бостенай богат и носит почетный титул князя плена вавилонского. «Время власти для нас прошло, и теперь мы должны добиться процветания своим благоразумием», — провозглашает он. Таков, по-видимому, данный в романе критический портрет современных автору богатых английских евреев, которые пользуются всеми благами богатства, но лишены почета, даваемого властью.

Алроя, как и самого Дизраэли, перспектива разбогатеть не удовлетворяет. Ему претит положение, до которого низведен его народ: «Мне стыдно, дядя, стыдно, стыдно», — повторяет он, обращаясь к Бостенаю. Действие начинается, когда в эпизоде, позаимствованном из истории о Моисее*, Алрой видит, как турецкий чиновник пристает к его сестре, и убивает его. Он вынужден бежать в пустыню и едва не умирает от жажды, но тут его спасает Джабастер, маг и фанатичный еврейский патриот. Когда Алрою снится сон, что огромное войско провозглашает его «великим мессией наших древних чаяний», Джабастер решает, что этот молодой человек сможет наконец-то возродить царство Давида. После серии приключений Алрой начинает воплощать в жизнь план Джабастера, рассеяв войнство турок и захватив Багдад.

Однако тем временем у Алроя появился еще один советчик — Хонайн, брат Джабастера и его полная противоположность. Хонайн

* Речь идет об убийстве Моисеем египтянина, который бил еврея, и последующем бегстве (Исход, 2:11–15).

олицетворяет собой путь соблазна, который Исаак ДИзраэли называл «слиянием»: он добился богатства и почета, но только благодаря тому, что «сходил» за мусульманина. Впрочем, Хонайн считал, что вовсе не предал свой народ, а просто добился собственного освобождения. «Я тоже хочу свободы и уважения, — провозглашает он, обращаясь к Алрою. — И у меня есть и то, и другое, но я был сам себе мессия». Хонайн знакомит Алроя с принцессой Шайриной, прекрасной дочерью халифа, и он в нее влюбляется, хоть она и мусульманка. («Дочери моего народа не прельщают меня, хотя в них есть мимолетная прелесть», — признается Алрой, и Дизраэли разделяет это отношение.)

И вот теперь, на вершине карьеры, получив власть над империей и женившись на принцессе, Алрой начинает поддаваться соблазнам, таящимся в советах Хонайна. С какой стати, думает Алрой, ему покидать богатый космополитичный Багдад с тем, чтобы основать свою столицу в тесном неприглядном Иерусалиме? Почему бы ему, вместо того чтобы стать мессией только евреев, не властвовать над империей всех народов Востока? «Весь мир принадлежит мне, так неужели я должен уступить эту награду, всеохватную и героическую награду, ради того, чтобы освятить легенду, воплотив в жизнь смутное предание какого-то мечтательного священнослужителя? — спрашивает себя Алрой. — Неужто Господь воинств небесных так слаб, что мы должны положить предел его владычеству и ограничить всемогущество Его пространством между Иорданом и Ливаном?» С присущим ему озорством Дизраэли заставляет Алроя использовать клише современного ему английского либерализма: «Вселенская империя не должна опираться на сектантские предрассудки и монопольное право».

Джабастер пытается вернуть своего повелителя на праведный еврейский путь, но безуспешно. В конце концов он замышляет переворот, но терпит поражение, и его приговаривают к смерти. Однако с этого момента Бог лишает Алроя своей милости. Алроя побеждают в очередной битве, и он попадает в плен к Альпу Арслану, царю мусульман. И тогда снова появляется Хонайн с последним искушением: если Алрой обратится в ислам, ему сохранят жизнь. Но отпрыск рода Давидова усвоил свой урок. Сила Алроя принадлежит не ему, она — достоинство его народа, и личная слава не значит ничего по сравнению с делом освобождения евреев. Отказ Алроя Альп Арслан воспринимает как вызов и в гневе отрубает пленнику голову.

Для Дизраэли — а он писал роман в самом начале своей карьеры английского политика — нравственная коллизия «Алроя» была весьма двусмысленной. Со свойственной ему нескромностью он представляет открывшиеся перед ним пути как выбор между разными видами мессианства. Стать еврейским национальным лидером, каким был Алрой, значило попытаться воплотить в жизнь мессианскую мечту о возвращении евреев на Землю обетованную. Тема возрождения Израиля мощно звучала не только в еврейском богослужении, с которым Дизраэли был слабо знаком, но и в английской литературе и культуре, где он неизбежно с ней сталкивался. С тех пор как Кромвель, побуждаемый надеждой, что «Господь вернет евреев домой с островов морских»* (как он сказал в речи перед парламентом в 1653 году), позволил евреям вновь селиться в Англии, некоторые английские протестанты с нетерпением ожидали возвращения евреев на Землю обетованную.

* Аллюзия на Библию (Есфирь, 10:1 и Исаия, 24:15).

Примерно во время «дамасского дела» влиятельное лобби евангелических христиан убеждало министра иностранных дел лорда Пальмерстона побудить Британию создать еврейский дом в Палестине. Цели евангелистов были в известной мере прагматичны: в качестве официального покровителя евреев Британия могла оказывать определенное влияние на политику Оттоманской империи, как это делала Россия в качестве покровителя турецких православных христиан. «Здесь есть две группы, — писал в 1839 году британский консул в Иерусалиме, — которые несомненно смогут в будущем влиять на положение дел. Одна — это евреи, в чье владение Господь изначально дал эту землю, а вторая — протестанты, их законные отпрыски. И Великобритания со всей очевидностью является естественным блюстителем прав обеих этих групп».

Предположить, что протестантская Британия есть прямая наследница библейского Израиля и потому, как ни странно, ответственна за судьбу евреев, значило принять на себя бремя с тысячелетней историей. Лорд Шафтсбери, пэр, известный своим благочестием (он десятки лет возглавлял Общество по распространению христианства среди евреев), заявил Пальмерстону, что возвращение евреев в Сион лишь приблизит конец света. «Тревожусь о чаяниях и судьбе еврейского народа, — пишет он в 1840 году в дневнике. — Похоже, все созрело для его возвращения в Палестину, “готов путь царям от восхода солнечного”^{*}», — цитирует лорд Шафтсбери Откровение Иоанна Богослова.

* Откровение, 16:12: «Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного».

В конце концов этот энтузиазм не привел к каким-либо результатам, поскольку не учитывал ни дипломатические реалии на Ближнем Востоке, ни действительные нужды и чаяния евреев. По сути, он стал очередным проявлением старой английской традиции предпочитать воображаемых евреев реальным, обрекая иудаизм играть роль в христианской драме. Английские устремления и устремления евреев настолько отождествляли, что Уильям Блейк смог объединить их в своем знаменитом стихотворении «Иерусалим»:

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Иерусалим
В зеленой Англии родной*.

Для Дизраэли, который был всегда чуток к проявлению как английских, так и еврейских чаяний, идея, что именно он может стать тем, кто возведет Иерусалим — возвратит евреям достойное положение, исполнив христианское прощество, — вполне совпадала с его мечтами о своем всемирно-историческом предназначении.

Однако «Алрой» предлагает и иное представление об освобождении: самоосвобождение, которым кичится Хонайн, говоря: «Я был сам себе мессия». Альтернатива эмансипированного еврея, противопоставленная древним чаяниям Алроя, сводится к простой мысли: единственный вид свободы, который нужен еврею, — это свобода от иудаизма со всеми его устаревшими запретами и ущербностью положения в обществе. А для еврея, оказавшегося в положении Дизраэли — крещеного, вхожего в высшее

* Перевод С. Маршака.

общество, — этот вид самоосвобождения представляется неизмеримо более практичным, чем великие планы Алроя. Ведь даже Алрой подвержен искушению покинуть тесную еврейскую среду и стать предводителем многих народов, как позволяют его способности. В романе скрыта серьезная нравственная коллизия, которую можно и не различить, если судить по его цветистой поверхностной канве. Автор смело и откровенно говорит о важнейшей еврейской дилемме: обязан ли Алрой (то есть Дизраэли) поставить свои дарования на службу еврейскому народу или себе самому и миру?

В свете дальнейшей карьеры Дизраэли ответ на этот вопрос, данный в «Алрое», глубоко ироничен. Роман не одобряет еврейское сектанство Джабастера (Дизраэли разделяет неприязнь своего отца к вмешательству духовенства в светские дела), но и отвергает ассимиляцию ради выгоды, к которой призывает Хонайн, ибо она ведет к утрате чести и жизненному краху. Действительно, различие между еврейской верой и еврейской сплоченностью, которое проводит Дизраэли, и его уверенность в возможности признавать второе, отказавшись от первого, — вот что делает роман «Алрой» важным протосионистским сочинением. Дизраэли предвосхищает утверждение Мозеса Гесса, что «добродетельный еврей — это прежде всего еврейский патриот». Если бы Дизраэли повиновался логике своего романа в собственной жизни, если бы он попытался воплотить идеи Алроя в девятнадцатом веке, то, возможно, превратился бы в реального Даниэля Деронду.

Но «Алрой» был вымыслом, а не программой действий, и ко времени его публикации Дизраэли уже решил, что станет мессией самому себе, — что Англия, а не древний Израиль

станет Израилем его мечты. Сочинение «Алроя» стало для Дизраэли своего рода экзорцизмом. Примеряя на себя вымышленную альтернативную карьеру — судьбу еврейского политического лидера, — он убедил себя, что такой выбор невозможен. Впрочем, в тридцатые годы он не сумел бы сыграть ту роль, которую в девяностые сыграл Герцль. Только после смерти Дизраэли рост политического антисемитизма и усилившиеся гонения на евреев в России привели к тому, что необходимость сионизма стала очевидной для самих евреев, и, лишь осознав эту необходимость, они поверили в сионизм. В той Европе, которую знал Дизраэли, протосионизм «Алроя» мог быть только некой «идеальной целью». А для понимания его «реальной цели» нам придется рассмотреть не столь блистательную личность Вивиана Грея.

Возможно, Дизраэли последовал совету, который Хонайн дает Алрою: «С твоим характером и твоим дарованием ты можешь стать великим визирем. Выкинь из головы вздор». Однако в каком-то уголке сознания он всегда был верен национальному «вздору» Алроя. Это удивительным образом подтверждают дневниковые записи лорда Стэнли. В пятидесятые годы, когда Стэнли впервые возглавлял правительство, он был немало восхищен экзотической личностью Дизраэли. В своих дневниках он неоднократно пытается прояснить для себя, бывает ли Дизраэли когда-нибудь вполне серьезен — руководствуется ли он какими-то политическими принципами или только тактическими соображениями. «Создается впечатление, причем оно преобладает, — пишет Стэнли, — что у Дизраэли нет сколько-нибудь определенного собственного мнения, но при этом он готов воспринять и защищать любую точку зрения,

которая в данное время получает признание среди консерваторов».

Есть лишь одно место в дневнике, где Стэнли пишет, что поверил в искреннюю увлеченность Дизраэли. Это произошло, когда он посетил Дизраэли в начале 1851 года, через двадцать лет после путешествия того в Палестину:

Как-то раз, именно во время этой встречи, он чрезвычайно серьезно говорил со мной о возвращении евреев на их родину. <...> Эта страна, по его словам, весьма богата природными ресурсами, необходимы только рабочая сила и защита тех, кто там будет трудиться. Землю можно купить у турок, средства для этого появятся — помогут Ротшильды и крупнейшие еврейские капиталисты; турецкая империя разваливается, турецкое правительство за деньги согласится на все; остается только обустроить колонии, решить вопрос с правом на землю и обеспечить защиту колонистов от жестокого обращения. Вопрос о государственном статусе может подождать, пока все сказанное не претворится в жизнь. И он добавил, что эти идеи пользуются широкой поддержкой в еврейской среде. Тот, кто воплотит их в жизнь, станет следующим мессией, истинным Спасителем его народа.

Перед нами почти в точности изложена программа, которую в 1896 году выдвинет Герцль в своем труде «Еврейское государство». Кто, в конце концов, может сказать, что бы случилось, если бы Дизраэли, лично знакомый с великим множеством английских и европейских государственных деятелей, выдвинул такую программу на полвека раньше? И все же к тому времени, когда Дизраэли открыл Стэнли сокровенную

Бенджамин Дизраэли

часть своих помыслов, он уже давно осознал, что совместить стремление занять пост премьер-министра Англии и желание стать «следующим мессией» невозможно. Стэнли пишет, что «он больше не возвращался к этой теме», а позже отмечает: «Я не слышал о каких-либо практических шагах Дизраэли в этом направлении или попыток эти шаги сделать». Стэнли только оставалось гадать, не была ли «вся эта сцена мистификацией. <...> Но, в таком случае, каким целям она могла служить?» Ответ, как показывает «Алрой», заключается в том, что это была не мистификация, а другая жизнь, которую волею судьбы Дизраэли так и не прожил.

Используя каждую возможность, чтобы попасть в парламент, Дизраэли не бездействовал и в промежутках между избирательными кампаниями. Литературная известность и экзотическая красота сделали его желанным гостем в салонах Лондона, где он общался с представителями высшего света, титулованными дамами и политиками из партии консерваторов. О своих победах в этой сфере он подробно сообщал в письмах Саре. «В этом году я преуспел в обществе, — с гордостью писал он сестре в 1834 году. — Я столь же любезен денди, сколь ненавидим посредством. Для меня не составляет труда приобщиться к высшему свету, где нет места зависти, злобе и т. п. и где люди готовы выражать восхищение и испытывать приятное удивление». В эпоху, когда сферы политики и высшего света в значительной степени совпадали, способность удивлять и удивляться открывала для Дизраэли большие возможности.

О том, насколько тесно его личная жизнь слилась с политической карьерой, мы можем судить по отношениям Дизраэли и Генриетты Сайкс, с которой он познакомился в 1833 году. На этом этапе его жизни Генриетта подходила Дизраэли

во всех отношениях. Она была старше, замужем и имела полезные связи, а потому могла помочь ему в продвижении по карьерной лестнице, не требуя взамен серьезных обязательств. Их соединила страстная и несколько театральная любовь при полном попустительстве мужа Генриетты (тот, в свою очередь, спал с Кларой Болтон, бывшей любовницей Дизраэли). Как и во всех наиболее успешных связях Дизраэли с женщинами, в этом союзе присутствовал сильный материнский элемент. Одно пылкое письмо Генриетты заканчивается так: «Я стану моему малышу безмерно любящей старой нянькой и нежными поцелуями утишу любую боль. <...> Спи, и пусть тебе приснится — Твоя мамочка». Тем не менее отношения между ними определено были не только платоническими, в чем другие письма Генриетты не оставляют сомнений. В одном из них она пишет о «десяти счастливых минутах на диване», а в другом тревожится, не забеременела ли: «Не думаешь ли ты, что *сейчас* от всех наших любовных объятий нас может постигнуть беда?»

Связь Дизраэли с Генриеттой продолжалась три года и послужила источником вдохновения для его следующего романа, включая имя героини. «Генриетта Темпл», изобилующая страстями, но лишенная оригинальности любовная история, в 1836 году имела коммерческий успех, однако для современного читателя вряд ли представляет интерес. Восторженные излияния автора о силе любви, скорее всего, были продиктованы его чувством к Генриетте, однако читателю они кажутся надуманными и преувеличенными. Дизраэли свойственно превозносить истинную любовь, заявляя при этом, что она способна заменить собой его самую сильную страсть — честолюбие. «Чувствовать,

как перед ее образом наше выставленное напоказ честолюбие съезживается подобно высокой тыкве, понимать, что слава — пустышка, а будущие поколения — обман, быть готовым ради вожделенной цели без раздумий отбросить все прежние желания, связи, планы, идеи <...> вот что значит быть влюбленным, вот что такое любовь!»

Однако в действительности роман Дизраэли и Генриетты Сайкс был тесно связан с его честолюбивыми планами. Именно в доме Генриетты он впервые познакомился с лордом Линдхерстом, старым политиком из партии тори, который тоже был известным дамским угодником. Ходили упорные слухи, что Дизраэли уступил Линдхерсту свою любовницу в обмен на благосклонность в политических делах. Возможно, все это произошло не до такой степени откровенно и гадко, но не подлежит сомнению, что к тому времени, как связь Дизраэли и Генриетты прекратилась, покровительство Линдхерста было ему обеспечено. Свой следующий роман «Венеция» — иносказание о жизни Байрона и Шелли — Дизраэли посвятил Линдхерсту.

«Венеция» стала любопытным отклонением от обычной для Дизраэли прозы — это первый его роман, который не прочитывается как некое упражнение автора в самодемонстрации или воплощении своих желаний. Продолжи он карьеру в качестве профессионального писателя, «Венеция» могла бы ознаменовать начало нового этапа его творчества, не столь сосредоточенного на себе. Но Дизраэли сочинял «Венецию» слишком стремительно, чтобы прилагать усилия для отделки романа. К 1837 году он оказался в очень стесненных обстоятельствах и был вынужден писать с предельной скоростью ради заработка, чтобы хоть ненадолго избавиться от

кредиторов. Долги Дизраэли, которые некогда служили стимулом к творчеству, становились серьезной угрозой его политической карьере. Он знал, что арест приведет к скандалу, который погубит его репутацию. В декабре 1836 года, когда Дизраэли предложили прознести вступительную речь на банкете консервативной партии, он умолял своего адвоката каким-то образом утаить это от судебных исполнителей: «Меня попросили произнести чрезвычайно важный тост в честь Палаты лордов. Надеюсь, сейчас нет опасности, что меня повяжут — это стало бы губительной *contretemps**, поскольку эта речь, по всей вероятности, станет обращением к моим будущим избирателям».

Таким образом, попытки пробиться в парламент превратились в гонки на время. Если бы Дизраэли «повязали» до того, как он стал депутатом, его карьера была бы уничтожена, в то время как в качестве члена парламента он получал иммунитет от ареста. Наконец летом 1837 года смерть короля Вильгельма IV дала Дизраэли шанс. Восшествие на престол нового монарха — королевы Виктории — означало необходимость всеобщих выборов, и Дизраэли уже занимал достаточно видное место в партии тори, чтобы претендовать на перспективный избирательный округ. «Карлтон клуб»**, штаб-квартира партии, отправил его в округ Мейдстон, где уже был один член парламента от консерваторов, Уиндем Льюис, и где, как казалось, существовали условия для избрания второго. Богатство напарника создавало исключительно благоприятные возможности для Дизраэли: кампания

* Помеха (фр.).

** «Карлтон клуб» — ведущий лондонский клуб консерваторов, основан в 1832 г. герцогом Веллингтоном.

требовала немалых расходов на подкупы, и Уиндем Льюис был готов эти расходы покрыть. К тому же супруга Льюиса Мэри-Энн, которую Дизраэли встречал на различных приемах в Лондоне, всячески способствовала его популярности. «Запомните мое предсказание, — писала она. — Мистер Дизраэли очень скоро станет одним из знаменитейших людей своего времени». Никто из них тогда не подозревал, насколько важную роль сыграет сама Мэри-Энн в осуществлении этого пророчества.

Борьба за место в парламенте от Мейдстона стала пятой избирательной кампанией Дизраэли, и теперь он уже был невосприимчив к антисемитским выпадам — и грубым, и подспудным, — которыми его встречали. Когда возмутители спокойствия в толпе прерывали его речи, выкрикивая «Шейлок!», он не обращал на них внимания, а когда сторонник его оппонента из партии радикалов обратил внимание на еврейское имя Дизраэли, он быстро сумел осадить его. Услышав от выступающего: «Мистер Дизраэли... Надеюсь, я правильно произношу его имя...», в своей речи на следующий день он сделал вид, что испытывает такое же затруднение с именем соперника: «Полковник Перронет Томпсон... Надеюсь, я правильно произношу его имя...» Эта демонстрация невозмутимости, этот сарказм вместо гнева так и останутся обычными для Дизраэли способами отвечать на политические нападки, какими бы яростными они ни были. Неистовый гнев Вивиана Грея и Контарини Флеминга он глубоко упрятал.

И вот, наконец-то, настойчивость дала результат. К концу июля, когда избирательные пункты закрылись, Дизраэли оказался вторым, и это означало, что он вслед за Льюисом стал членом парламента. После пяти лет

стараний он все же ухватился за «скользкий столб» политической карьеры. Однако для человека со свойственным Дизраэли безграничным честолюбием просто стать одним из шестисот пятидесяти (или около того) членов парламента было недостаточно, а вероятность занять место на передней скамье*, получить пост министра правительства, казалась ничтожной. Как консерватор он принадлежал к партии парламентского меньшинства, которая не имела серьезных шансов прийти к власти в обозримом будущем. Более того, репутация Дизраэли как денди, должника, прелюбодея, эксцентричного гения и еврея означала, что лидер тори, весьма почтенный сэр Роберт Пиль, вряд ли поспособствует его продвижению вверх через головы более добропорядочных членов партии. Даже наслаждаясь великолепием открытия сессии парламента, Дизраэли, скорее всего, помнил собственное предсказание, сделанное годами ранее в его дневнике: «Я мог бы управлять Палатой общин, хотя поначалу там воцарилось бы сильнейшее предубеждение против меня. Это самое завистливое законодательное собрание в мире».

Дизраэли стал членом парламента через пять лет после принятия Билля о реформе, которому, согласно убеждению и его противников, и его сторонников, предстояло преобразить Палату общин. На самом же деле, как отметил Дизраэли в своем последнем и обращенном в

* Передняя скамья — одна из двух скамей в Палате общин, расположенных справа и слева от спикера и предназначенных соответственно для членов правительства и членов «теневого кабинета».

прошлое романе «Эндимион», «довольно скоро стало ясно, что старый материал, пусть поначалу серьезно уступавший в количестве, до такой степени повлиял на новую массу депутатов, что Палата общин переняла и вполне усвоила прежний дух». Этот дух оставался аристократическим, что вполне устраивало Дизраэли. Он никогда не был настолько высокого мнения о широкой публике, чтобы жаждать ее обожания. В отличие от Гладстона, чьи речи, произнесенные вне стен парламента перед огромными толпами, вошли в легенду, Дизраэли никогда не блистал в этом жанре. Взамен он, как Вивиан Грей, «страстно желал попасть в Сенат» — недоступный круг благородных и равных между собой людей, подобных римским патрициям. Именно врожденное понимание аристократизма в первую очередь как чувства чести и стремления выделиться из общего ряда со временем сделали Дизраэли искуснейшим парламентским оратором.

Жизнь члена парламента в тот период английской истории была предметом зависти. Палата общин сочетала интимную обстановку клуба и возбужденную атмосферу театра, а личности ее членов и их деятельность в огромной степени определяли жизнь страны. Период работы Палаты, с февраля по август, включает в себя «сезон» лондонского общества*. По завершении сезона богачи и знать разъезжались по загородным домам, где проводили осень в охоте и взаимных визитах. Этот распорядок нарушался лишь изредка, когда возникала какая-нибудь важная причина для специальной осенней

* Светский сезон в Лондоне, когда двор и высший свет находятся в столице, начинается в мае и заканчивается в августе.

сессии. Заседания Палаты общин начинались во второй половине дня и часто затягивались за полночь, иногда до четырех утра. Такое расписание усиливало ощущение драматизма и неотложности в ходе дебатов по важным вопросам, и Дизраэли нередко возвращался домой на рассвете в таком сильном возбуждении, что не мог уснуть, словно актер после спектакля. И это не удивительно, поскольку речи отдельных депутатов часто оказывались длиннее театрального представления. После одной из таких речей, произнесенных Дизраэли, его поздравил коллега: «Говорят, она длилась три часа, но, когда вы закончили, мне хотелось, чтобы она продолжалась еще столько же». Интерес к ораторскому искусству был велик и вне стен Палаты, и первые страницы газет заполнялись подробными отчетами о выступлениях парламентариев.

Атмосфера братства в Палате общин, ощущение, что в ней собрались исключительно джентльмены, допускали определенную свободу и даже легкомыслие. Лорд Стэнли неоднократно отмечает в дневнике, что парламентарии появляются в Палате мертвецки пьяными или грубо подшучивают друг над другом. Сам Дизраэли как-то вспомнил эпизод, когда Палата внезапно превратилась в подобие частного клуба, где джентльмены делятся скабрёзными историями. Один член парламента

рассказал о некоем заключенном, жене которого не разрешили навещать его в тюрьме с правом свободно входить и выходить. На это заключенный сказал: «Хорошенькие дела творятся в стране — англичанин уже не может свободно входить в свою жену». Взрыв смеха потряс Палату. Сэр Роберт Пиль, который любил от души посмеяться, вопреки

обыкновенно утратил способность владеть собой, уронил голову на стол и зашелся хохотом.

После стольких лет жизни на периферии английского общества Дизраэли наслаждался ощущением, что наконец принят в высший свет. Он никогда не считал литературную славу достойной заменой славы политической и вполне мог бы разделить чувства анонимного члена парламента, процитированного Уолтером Баджетом* в его классическом труде «Английская конституция»: «Мы слышали, как некий господин сказал: “Двадцать лет я писал книги и оставался никем, а попав в парламент, стал заметной фигурой, еще не успев занять свое место”». О тех же ликовании и гордости свидетельствуют письма Дизраэли сестре, которая оставалась его самой важной наперсницей. Он описывает толпы во время первой сессии 1837 года, когда новая королева впервые принимала парламентариев, и не сдерживает восторга: «Услышав магические слова “член парламента”, все придворные чины немедленно предлагали нам помощь, уступали дорогу, и мы могли свободно идти куда пожелаем».

Новые члены обычно предпочитали, чтобы их видели, но не слышали, однако Дизраэли никогда не отличался осмотрительностью и с обычной для него безрассудностью поторопился выступить с первой речью. Он взял слово в разгар дебатов по ирландской проблеме сразу же после своего заклятого врага Дэниела О'Коннелла. Результат можно было предвидеть. Не успел Дизраэли открыть рот, как его

* Уолтер Баджет (1826—1877) — британский экономист и философ.

заглушили негодующие выкрики ирландских сподвижников О'Коннелла. Несколько раз он пытался продолжить свою цветистую речь, но она неизбежно тонула в улюлюканье и топоте ног. В конце концов он сдался и, преодолев нестихающий гвалт, торжественно пообещал: «Сейчас я сяду, но придет время, и вы меня выслушаете». И обещание это стало знаменитым.

Эта неудача, похоже, повторила в миниатюре весь путь в политике, пройденный Дизраэли до той поры. Вместо мгновенного грандиозного успеха, каким он его представлял, Дизраэли снова потерпел унижительную неудачу. Но эта неудача, как и прежние, только укрепили его железную решимость. Он признавался Саре: «Мой дебют обернулся провалом, поскольку мне не дали возможности высказать то, что я хотел; однако провал этот вызван не тем, что я утратил самообладание или оказался несостоятелен, а исключительно физической мощью моих противников». Пусть Дизраэли не сумел закончить речь, но по крайней мере ему удалось привлечь внимание Палаты, а «если не считать безусловного успеха, — убеждал он Сару, — наделать много шума — это самое лучшее».

Впрочем, в первый год пребывания в парламенте большого шума Дизраэли не наделал. Он ограничился сдержанными, хорошо продуманными замечаниями по таким сложным вопросам, как законодательство об авторском праве, и постепенно завоевал уважение членов Палаты общин. Особенно чуток он был к тому впечатлению, которое на коллег производило его еврейство, и вскоре с облегчением убедился, что оно не вызывает толков. В самые первые недели работы в парламенте Дизраэли писал Саре о дебатах, «которые, как оказалось, косвенно касались еврейской проблемы». Вопрос об эмансипации

евреев возник во время обсуждения законопроекта о предоставлении квакерам права вступать в должность в органах местного самоуправления без произнесения присяги — тогда один из членов парламента попытался распространить это право и на евреев. Дизраэли следовало бы занять позицию стойкого защитника интересов евреев, но он в данном случае присоединился к большинству, проголосовав против этого предложения, принять которое означало бы использовать формальный прием, дабы не обсуждать «еврейский вопрос» открыто. «Никто на меня не смотрел, — сообщил он Саре, — и я вовсе не чувствовал неловкости, однако голосовал вместе с большинством и с абсолютным *sang-froid*». Разумеется, если бы он не чувствовал неловкости, то хладнокровие ему бы и не понадобилось, но Дизраэли было важно продемонстрировать, что никакой неловкости он не испытывает.

Теперь, когда он стал членом парламента, Дизраэли были нужны только деньги и удачный брак, чтобы оставить в прошлом свою скверную репутацию. В 1839 году он получил и то и другое в лице Мэри-Энн Льюис. Уиндем Льюис, его коллега по выборам в Мейдстоне, умер в марте 1838 года, и Дизраэли незамедлительно дал ясно понять овдовевшей Мэри-Энн, что будет счастлив занять место ее покойного супруга. Такой союз представлялся выгодным обоим: Мэри-Энн могла сохранить положение жены члена парламента, а расстроенные финансы заставляли Дизраэли обратить особое внимание на ее солидный годовой доход и лондонский дом.

С учетом этих обстоятельств его авансы выглядели довольно корыстными, а о романтической страсти, наподобие той, что связывала

Дизраэли и Генриетту Сайкс, не могло быть и речи. Однако в течение года — траур по мужу — основание для близких и прочных отношений было заложено. Несколькими годами ранее, когда Дизраэли впервые встретил Мэри-Энн на одном из приемов, она не произвела на него впечатления: «Кокетка и трещотка», — так описал он ее Саре. Однако с тех пор она немало поспособствовала его успехам в политике и, что еще важнее для Дизраэли, уверовала в его гениальность. Именно такого рода преданность он всегда искал в своих отношениях с женщинами — возможно, пытаясь найти компенсацию того, что не получил от матери. По той же причине и возраст Мэри-Энн (в свои сорок пять она была двенадцатью годами его старше) в представлении Дизраэли отнюдь не стал помехой. От Сары Остен до Генриетты его всегда привлекали женщины постарше, материнского склада. Вскоре он уже писал ей: «Скажи мне, что ты любишь свое дитя».

Возраст Мэри-Энн был хорош и в другом отношении. Ее первый брак оказался бездетным, и к этому времени уже не было сомнений, что ей не суждено стать матерью. Дизраэли мог быть уверен, что останется единственным «ребенком» Мэри-Энн и ему не придется делить с кем-нибудь ее заботу. Это также означало, что его род прервется, в то время как для большинства английских знатных семей этот вопрос имел бы первостепенное значение. Впрочем, Дизраэли, похоже, не беспокоило, что он станет последним в роду. И действительно, уже на склоне лет, когда у него появилась возможность добиться титула для сына своего брата Ральфа, которого в честь героя одного из романов Дизраэли назвали Конингсби, он отказался от этого шанса, причем несколько раз.

Равнодушие Дизраэли к продолжению своего родословия, по-видимому, связано с тем, что он воспринимал себя как «пустую страницу» между иудаизмом и христианством. Такой образ наводит на мысль о шаткости его положения, неспособности раз и навсегда определиться, по какую сторону религиозной и психологической границы он находится. Но появившись у него ребенок, проблемы идентичности и национальной принадлежности, которые для себя он умудрялся откладывать до конца жизни, потребовалось бы решить. Как отцу ему пришлось бы решать, хочет ли он, чтобы его дети были англичанами с еврейскими предками или евреями, которые по воле судьбы сделали Англию сферой своей деятельности. (Третью возможность, предполагающую, что в одном человеке может уживаться еврей и англичанин, в Англии того времени нельзя было представить; даже теперь подобная свобода самоидентификации возможна только в Соединенных Штатах, но не в Европе.) Брак с Мэри-Энн давал уверенность, что это трудное решение ему не придется принимать никогда, и он останется блистательным исключением из правил и не должен будет определять правила для своих потомков.

Какие бы неурядицы, связанные с деньгами и корыстным мотивом, ни омрачали его жениховство, в феврале 1839 года, когда они расseyались, некая размолвка заставила Дизраэли написать Мэри-Энн поразительно честное письмо. «Впервые оказывая вам знаки внимания, я отнюдь не руководствовался романтическими чувствами, — признавался он. — Я не оставался слеп к практическим выгодам такого союза». Однако далее он подчеркивал, выказывая бескорыстие, хотя и довольно необычным образом, что состояние Мэри-Энн «оказалось

Дизраэли в год женитьбы (1839):
«Я так устроен, что моя жизнь должна стать
нескончаемой любовью».

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

значительно скромнее, чем это представлялось» ему или обществу. По завещанию мужа она пожизненно получала доход, но права распоряжаться самим состоянием не имела. Дизраэли был уверен, что, преследуя в браке только меркантильную цель, он мог бы найти и более выгодную партию: «В моем распоряжении все, что только может предложить общество». На самом деле в Мэри-Энн его прежде всего привлекала ее способность стать как раз такой женой, которая ему нужна, «на которую я с гордостью могу смотреть как на спутника жизни, — писал он, — спутника, который с пониманием относится ко всем моим начинаниям и чувствам, утешает меня в минуты уныния, разделяет со мной торжество побед и трудится вместе со мной ради наших общих славы и счастья».

У читателя может возникнуть желание спросить вслед за Ричардом III: «Кто обольщал когда-нибудь так женщин? Кто женщину так обольстить сумел?»* Однако его письмо было составлено с таким совершенством, что прогнало прочь сомнения Мэри-Энн, и она ответила: «Ради Бога, придите ко мне. <...> Я готова ответить всем вашим желаниям». В обществе, где брак неизбежно становился коммерческой сделкой, Дизраэли выказал ей уважение, откровенно упомянув о деньгах. В то же время он дал ясно понять о своем желании, чтобы их союз опирался не только на финансовый интерес, но и на эмоциональную близость. «Все золото Офира** не приведет меня к алтарю, — заканчивал он свое письмо. — Мне нужны совершенно другие качества в милом сердцу спутнике жизни. Я так

* У. Шекспир, «Ричард III», акт I, сц. 2. Перевод А. Радловой.

** Офир — упоминаемая в Библии страна, которая славилась золотом и драгоценностями.

устроен, что моя жизнь должна стать нескончаемой любовью».

Именно такой подход к Мэри-Энн, в которой сочетались и опытная светская дама, и любящая восторженная женщина, оказался верным. «Все женщины из общества долгие годы что-то получали от Дизз, — писала она подруге. — Он лучше, чем кто-либо из известных мне мужчин, способен по достоинству оценить женщину, у которой есть что отдать взамен того, что она получит. <...> Теперь желание отдать возникло у меня, и я точно знаю, как это сделать». Диззраэли предлагал невесте, как в свое время сестре, возможность стать партнером в таком дерзком предприятии, как его политическая карьера; он играл на страсти, которую понимал лучше всего, — на честолюбии. К тому же между ними, скорее всего, существовало и физическое влечение. Как-то раз, еще в период ухаживания, когда Мэри-Энн собиралась прийти к нему, Диззраэли предупредил ее визит запиской с целью подготовить некий сокрытый от посторонних взоров момент: «Не забудьте заблаговременно снять перчатку, чтобы мы могли стоять рядом друг с другом и я сжимал вашу руку и ощущал ее восхитительную нежность».

Все это вместе и привело к тому, что брак Диззраэли слыл союзом счастливым. «Диззи женился на мне ради денег, — говорила Мэри-Энн, — но, случись такая возможность еще раз, женился бы на мне по любви». А поскольку в викторианскую эпоху консервативные «семейные ценности» значили немало, репутация Диззраэли как любящего мужа внесла заметный вклад в восстановление его доброго имени. Слухи о взаимной преданности супругов получили распространение. Чаще всего упоминали такой эпизод: Мэри-Энн, направляясь вместе с

мужем в Палату общин, где предстояли дебаты по важному вопросу, случайно защемила пальцы дверцей экипажа и, чтобы Дизраэли не отвлекался от размышлений, подавила крик боли и продолжала улыбаться, пока он не скрылся из вида.

Дизраэли ответил на эту преданность по-своему. После десятилетий брака он оставался романтическим, рыцарственным супругом. В 1867 году, когда они оба были больны и лежали в разных спальнях, он написал жене записку, где говорилось, что их дом превратился в больницу, «но больница с тобой, — закончил Дизраэли, — стоит дворца с кем-либо другим. Твой Д.». Он остался верен Мэри-Энн, даже когда в глазах общества она превратилась в нелепую фигуру, продолжая наряжаться и кокетничать словно девушка, хотя ей перевалило за семьдесят. Положение не улучшали и ее «непосредственные речи» (так их назвал один из друзей), которые иногда «просто пугали». Она удивила друзей Дизраэли, признавшись, что никогда не знала, кто был раньше — греки или римляне. В другом случае, когда кто-то обмолвился о бледной коже одной дамы, она сказала: «Ах, жаль что вы не видели моего Диззи в ванной! Тогда бы вы получили представление, что такое на самом деле белая кожа». Впрочем, несмотря на подобные *faux pas**, Дизраэли оставался целиком и полностью преданным «милому сердцу спутнику жизни». В 1872 году, незадолго до смерти, Мэри-Энн сказала подруге, что «ее жизнь была длинной дорогой счастья благодаря его любви и доброте».

* Оплошность, промах (фр.).

На следующих всеобщих выборах, состоявшихся в 1841 году, время тори наконец пришло. За десять лет пребывания у власти либералы перегрызлись между собой и лишились популярности, в результате чего консерваторы (как их стали называть, когда партию возглавил сэра Роберт Пиль) завоевали значительное большинство в новом парламенте. Среди них был и Дизраэли, поменявший свой прежний избирательный округ Мейдстон на новый — Шрусбери. Как и раньше, избирательная кампания не доставила ему большого удовольствия. В романе «Конингсби» Дизраэли излил свое раздражение на неизменный объект неприязни любого политика — колеблющегося избирателя: «Когда во время предвыборной агитации вы добиваетесь их поддержки, они говорят, что уведомления о дне выборов еще нет и день этот пока не определен. Когда вы снова приходите к ним сообщить, что уведомление получено, они отвечают, что в конце-то концов особой конкуренции может и не быть. А когда вы приходите в третий раз, уже полумертвый от усталости — самым дружеским образом заверить их, что вы вместе с вашим соперником всенепременно придете на

избирательный пункт, они подпернут брюки, потрут руки и с тупой ухмылкой скажут: «Да, сэр, конечно, мы подумаем»».

Впрочем, выиграв эти выборы, Дизраэли столкнулся с более серьезной проблемой. Его никогда не удовлетворяло положение «задне-камеечника», то есть рядового члена парламента, и теперь, когда к власти пришла его партия, он с особой силой возжелал заполучить пост в правительстве. Однако, когда подробности о составе правительства Пия просочились, стало ясно, что Дизраэли членом кабинета не станет. Он поступился гордостью и написал Пилю подобострастное письмо: «С того момента <...> как я встал под ваше знамя, мне пришлось противостоять такой буре ненависти и злобы политических противников, какая редко выпадает на долю человека, и выдержать это тяжкое испытание я смог только благодаря уверенности, что придет день, когда величайший политик страны открыто даст понять, что с уважением относится к моим способностям и моей особе». Даже Мэри-Энн внесла свою лепту, напомнив Пилю (в письме, которое Дизраэли, по всей вероятности, никогда не увидел), что ее покойный муж истратил целое состояние на нужды партии тори.

Однако все это не привело к желаемому результату. В новое правительство Пия вошли три будущих премьер-министра, в том числе Гладстон, но для Дизраэли в нем места не нашлось. Несмотря на все, чего он достиг, доверия лидеров тори ему завоевать не удалось, и он остался блестящим парламентарием, но в кабинет не вошел. Что еще хуже, он не видел способа исправить положение. Пиль был сильным премьером, опирающимся на поддержку весомого большинства депутатов, и, по всей вероятности, мог остаться главой партии на долгие годы, а

может быть, десятилетия. Тем временем члены его правительства будут набирать опыт и усиливать свое влияние, так что даже после ухода Пиля с политической арены его последователи займут все высшие посты в партии консерваторов. Политическая карьера Дизраэли, начатая с таким трудом, зашла в тупик.

Но прежние поражения научили его терпению и изобретательности. В ответ на очередную неудачу он вновь заявил о своих честолюбивых устремлениях. Если ему не удалось достичь желаемых вершин в политике, он мог по крайней мере вернуться к своему первому призванию — сочинительству. Три романа Дизраэли, вышедшие в середине сороковых годов, существенно отличались от его ранних произведений. Автор уже не предавался фантазиям о власти, как это было в «Контарини Флеминге» и «Алрое»; теперь он разрабатывал стратегию ее достижения, намеренно используя свои сочинения, чтобы заявить о собственных притязаниях на политическое лидерство. Прикрываясь литературным вымыслом, он резко критиковал Пиля, глумился над лишенными воображения тупицами из руководства партии тори и со знанием дела высмеивал тот спектакль, который являла собой политическая жизнь Англии. Одновременно Дизраэли в романтическом свете изображал консерватизм, каким тот мог бы стать, — естественным возрождением лучших английских традиций. В тридцатые годы он, используя свободу, предоставляемую писателю, воссоздавал еврейскую историю сообразно своим представлениям о том, какой она должна быть, хотя эти представления не соответствовали действительности и не были приняты читателями; в романах сороковых годов он вознамерился сделать то же с английской историей.

Темы политических романов Дизраэли отражали определенный сдвиг в его убеждениях. Не получив доступа в руководство партии тори, он стремился определить для себя какую-то роль в новом парламенте. Такую возможность ему предоставила весьма малочисленная группа новых депутатов, которые пытались сделать себе имя под флагом «Молодой Англии»*. Джон Маннерс и Джордж Смайт**, главные фигуры этой группы, пришли в парламент уже связанные многолетней дружбой за годы учебы в Итоне и Кембридже. Выходцев из знатных родов, их волновал вопрос, который занимал Дизраэли с самого начала его карьеры в партии тори: как в демократический век английская аристократия может оправдать свои привилегии?

Это был самый насущный вопрос в Англии сороковых годов девятнадцатого века, когда игнорировать социальные последствия урбанизации и индустриализации стало невозможно. Билль о реформе 1832 года, который в известной степени удовлетворил претензии среднего класса, не дал ничего бедным фермерам и рабочим, чьи условия жизни становились все ужаснее. В конце тридцатых годов родилось чартистское движение, участники которого требовали глубоких конституционных изменений, с тем чтобы сделать парламент более чутким к нуждам народа. Шесть пунктов «Народной хартии***», от которой это движение получило свое

* «Молодая Англия» — кружок консервативных литераторов и политических деятелей Великобритании, составивших в 1841—1845 гг. политическую группировку в Палате общин.

** Джон Маннерс, 7-й герцог Ратлендский (1818—1906) — английский консервативный политик и поэт. Джордж Смайт, 7-й виконт Стренгфорд

*** Charter (англ.) — хартия.

наименование, включали всеобщее избирательное право для мужчин, равенство избирательных округов и вознаграждение депутатам парламента*. В наши дни все это выглядит само собой разумеющимся, но в то время правящий класс усматривал в чартизме грозный признак господства толпы. В 1839 году, когда чартисты подали в парламент петицию, под которой подписались более миллиона человек, виги и тори объединились в твердом решении отвергнуть все требования. В 1842 году парламент отказался удовлетворить требования второй петиции, на этот раз с более чем тремя миллионами подписей, после чего по всей стране прокатилась волна забастовок. Последовали жесткие меры правительства и арест руководителей чартизма, в результате чего было сломлено самое значительное демократическое движение в истории Англии.

В то же время писатели всех идеологических расцветок обрушили свою критику на викторианское общество, создав таким образом новый жанр литературы, посвященный «положению дел в Англии». В 1843 году сторонник авторитаризма и консерватор Томас Карлейль опубликовал труд «Теперь и прежде» — обличение бездушного капитализма: «Работающая часть этого богатого Английского Народа опустилась или быстро опускается до состояния, которому, если принять во внимание все его стороны, буквально никогда еще не было подобного»**. Он сравнивает викторианскую Англию с

* Еще три пункта хартии включали тайное голосование, отмену имущественного ценза для депутатов и годичный срок парламентских полномочий.

** Здесь и далее цитаты из этого произведения даны по изданию: Карлейль Т. Теперь и прежде / Сост., подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1994.

Мидасом, который «жаждал золота и оскорбил Олимпийских богов. Он получил золото, так что все, к чему он ни прикасался, делалось золотом, — но ему, с его длинными ушами, было немногим от того лучше». Критику Карлейля (но не его выводы) подхватил Фридрих Энгельс: как управляющий фабрикой в Манчестере он мог сам наблюдать эксцессы промышленной революции. Его труд «Положение рабочего класса в Англии», изданный в 1845 году, описывал жизнь английского пролетариата как «наиболее острое и обнаженное проявление современных социальных бедствий». Только революция, заключил он, может положить конец «социальной войне, войне всех против всех*», жертв которой он видел на многолюдных лондонских улицах.

В те же годы «Молодая Англия» выступила с критикой ничем не ограниченного капитализма, что найдет наиболее полное выражение в романах Дизраэли. Однако предложенные «Молодой Англией» меры по исправлению положения дел в Англии были диаметрально противоположны тем, что предлагал Энгельс: вместо продвижения к социализму члены «Молодой Англии» рассчитывали на возврат к феодализму — во всяком случае, к их собственной идеализированной его версии. Достоинство феодализма в глазах членов «Молодой Англии» заключалось в том, что он предполагал увязывать привилегии с обязанностями. В то время как капиталист просто эксплуатировал работника, представитель феодальной знати нес ответственность за благосостояние зависимых

* Война всех против всех (*bellum omnium contra omnes*, лат.) — это выражение Энгельс позаимствовал из сочинения английского философа Томаса Гоббса (1588—1679) «Элементы права естественного и гражданского».

от него людей. Временами привязанность этой группы политиков к Средневековью может показаться нелепой — например, когда Смайт предлагает возродить средневековый обычай: король своим прикосновением излечивает золотуху, или «королевское зло», как ее называли. Но основную политическую идею «Молодой Англии» — торжествующий либерализм среднего класса можно победить, только заключив союз между аристократией и низшим сословием во имя сохранения традиционных английских ценностей, — Дизраэли воспринял очень серьезно. К тому же происхождение Смайта и Маннерса наделяло их преимуществами, которых не было у Дизраэли, вследствие чего привлекательность «Молодой Англии» для политика уже не первой молодости стала неодолимой.

Именно это движение вдохновило Дизраэли на серию романов («Конингсби», «Сибилла» и «Танкред»), написанных начиная с 1843 года. Каждый из них описывает воспитание молодого благонамеренного аристократа, высокие идеалы которого приходят в столкновение с цинизмом и бессилием английской политики. Такой сюжет позволяет Дизраэли критиковать английское общество со всей яростью радикала и при этом утверждать, что обнаруженные им недуги этого общества можно излечить только консервативными методами. Чтобы улучшить положение Англии, нет необходимости ни лишать собственности богачей, ни предоставлять избирательные права бедноте, на чем настаивал Энгельс и чего опасались коллеги Дизраэли по партии. Напротив, богатых следует наделять властью, а бедных — научить доверять тем, кто стоит выше их. Так говорит аристократ Эгремонт, герой романа «Сибилла», обращаясь к героине из рабочего класса:

Люди слабы, они никогда не будут сильными. Их попытки отстоять свои права закончатся лишь страданием и растерянностью. <...> Новое поколение английской знати — не тираны, не угнетатели, как ты утверждаешь, Сибилла. Их разум, более того, их сердца открыты, и они чувствуют всю ответственность своего положения. <...> И вожди народа, разумеется, они, Сибилла, поверь мне — они и только они.

Даже в то время такое утверждение слишком напоминало попытку принять желаемое за действительное, чтобы относиться к нему всерьез. Для викторианской эпохи характерно движение вперед, к демократии, а не возврат к феодализму, и утешительные грезы «Молодой Англии» были бессильны это движение остановить. По мнению Джордж Элиот, создание «Молодой Англии» стало попыткой «вырастить верность и почитание, как выращивают брюкву — с помощью набора искусственных удобрений». Но если романтический консерватизм Дизраэли в политике успеха не принес, то в сфере творческого воображения он оказался продуктивным. Действительно, вслед за всеми великими писателями викторианской эпохи — Диккенсом, Карлейлем, Арнолдом и самой Элиот — Дизраэли утверждает, что материальный прогресс наносит ущерб душе Англии. Все эти мудрецы согласны в том, что этому материалистическому обществу совершенно необходимы духовные добродетели — сострадание, почитание и воображение. Все они могли бы подписаться под словами из романа «Сибилла»: «Дух ненасытной жадности, оскверняющий все человеческое, стал главным пороком Англии».

Но хотя именно социальная критика Дизраэли придает этим романам жизнеспособность, намекать на неизбежность и даже желательность реального социального конфликта он не решается. Его романтический консерватизм не позволяет ему признать, что между богатыми и бедными могут существовать непримиримые противоречия или что привилегии аристократа будут с неизбежностью ограничены, если рабочий получит право голоса. В то же время традиционное ощущение формы романа подталкивает Дизраэли к тому, чтобы одарить всех персонажей счастливым концом. В результате «Конингсби» и «Сибилла», значительная часть каждого из которых читается как протестный роман, по произволу автора заканчиваются как комедии — то есть свадьбой.

В «Конингсби» спасительный брак заключен между Конингсби (внуком-идеалистом реакционера лорда Монмута) и Эдит (дочерью Миллбэнка, крупного промышленника). Их семьи демонстрируют застарелый классовый антагонизм того времени — войну закоснелой аристократии с набирающим силу средним классом, из-за которой и Монмут, и Миллбэнк противятся союзу своих отпрысков. Но Конингсби — представитель «Нового поколения» (как сообщает нам подзаголовок романа), и он убежден, что единственный шанс возрождения Англии заключен в союзе этих двух влиятельных классов.

Таким образом любовь Конингсби и Эдит становится аллегорией политического примирения. Когда Монмут, недовольный независимыми политическими взглядами внука, лишает его наследства, на выручку приходит не кто иной, как Миллбэнк — он отдает Конингсби свое место в парламенте. По мнению Дизраэли,

просвещенный средний класс с готовностью примет лидерство аристократии, а та будет использовать свою власть на благо среднего класса (как это делает Конингсби, спасая тонущего брата Эдит). Заканчивается роман вопросами о судьбе молодой пары, также обращенными к читателям: «Будут ли они в благородных собраниях и в высшем свете защищать те великие истины, которые после глубокого размышления в уединении приняли для себя? <...> Будут ли они <...> ощущать величие своего положения, понимать важность исполняемого долга?»

Впрочем, такого рода поучительные рацеи не господствуют в романе, в противном случае «Конингсби» не остался бы самым успешным произведением Дизраэли. Занимательной книгу, скорее, делают остроумие и язвительность в духе Вивиана Грея, с которыми автор набрасывается на английскую политику, являющую собой жалкое зрелище. Создавая свои ранние романы, Дизраэли еще не в достаточной мере был знаком с практической стороной политической жизни, чтобы писать о ней убедительно, и при том, что честолюбие его было вполне реальным, предложенные в романе политические планы носили фантастический характер. Теперь же, после нескольких лет в парламенте, Дизраэли уже не понаслышке знал, как протекает партийная жизнь и какая борьба разгорается на выборах. При этом он оставался идеалистом, и довольно беспечным, позволяя себе насмехаться над организациями, которые дали ему защиту. Эти насмешки направлены главным образом на Тэдпола и Тейпера, приспособленцев из партии тори, которые всегда готовы пожертвовать великим принципом, если он им неудобен. «Тысяча двести фунтов в год с поквартальной выплатой — вот их идея политической науки

и человеческой природы, — пишет Дизраэли. — Получать тысячу двести в год — значит входить в правительство; пытаться получить тысячу двести в год — быть в оппозиции; желать получить тысячу двести в год — питать честолюбивые замыслы».

Дизраэли оказался достаточно дерзок, чтобы высказать предположение, будто этот дух распространяется до самого верхнего уровня партии консерваторов, до его собственного начальника Пиля. Он охотно прерывает ход сюжета «Конингсби» пространными рассуждениями о состоянии партийной политики, и в рассуждения эти коварно вплетаются намеки на огрехи самого Пиля. Премьер-министр, пишет Дизраэли, попытался «построить партию, лишённую принципов», и «неизбежным следствием этого стало политическое вероломство». Консерватизм — не более чем партийный ярлык, за которым нет никаких принципов. «О так называемых консервативных принципах немало шумят, — замечает Дизраэли, — но при этом вполне естественно возникает неудобный вопрос: что вы намерены законсервировать? Привилегии короны, при условии что таковые нарушаются; независимость Палаты лордов, при условии что она не защищена; церковное имущество, при условии что им управляет комиссия, состоящая из мирян. Иначе говоря, все, что уже устоялось, если только все это на словах, а не на деле». Критику Дизраэли в адрес консерватизма Пиля можно выразить в его известной острой фразе: «Крепкое консервативное правительство, — мечтательно сказал Тейпер. — Я это так понимаю: члены его — тори, а действия — действия вигов».

Пиль начинал понимать, какого врага он создал. В романе «Сибилла» (он вышел через год

после «Конингсби») Дизраэли продолжил атаку. Теперь он уже вывел на сцену непосредственно «господина с Даунинг-стрит», который наставляет своего секретаря мистера Хоаксема дать одновременно противоречивые обещания группе фермеров и группе промышленников. «Будьте “откровенны и искренни”, — советует Пиль, — такова правильная линия поведения, если вы хотите скрыть собственные мысли и сбить с толку остальных». В другом месте романа Дизраэли углубляет критику своей партии, утверждая, что консерватизм Пили не имеет ничего общего с традиционной концепцией консерватизма за исключением названия. «Но не надо забывать, что сэр Роберт Пиль вовсе не лидер партии тори, — пишет он. — В парламентском смысле этой великой партии более не существует». Когда Дизраэли предвещает, что «консерватизм еще восстанет из могилы», он имеет в виду совершенно другой вид консерватизма, основанный на принципе, согласно которому «власть имеет только одну обязанность — обеспечивать благосостояние народа».

В «Сибилле» эта идея воплощена наиболее полно. Герой романа Чарлз Эгрмонт, младший брат лорда, подобно Конингсби начинает жизнь как наивный идеалист. Но если прозрение Конингсби наступило благодаря милому роману с дочерью богатого промышленника, то Эгрмонту оно далось гораздо труднее и совершалось в самых мрачных закоулках английского общества. Дело в том, что он влюбляется в Сибиллу Джерард, дочь одного из лидеров чартистов, которая постоянно посещает жалкие жилища бедноты. Скрыв свое положение в обществе, чтобы завоевать доверие Сибиллы и ее отца Уолтера, Эгрмонт сталкивается с ужасающей нищетой, которую принесла в Англию

промышленная революция. Он узнает, что «детубийства здесь совершаются так же часто и так же открыто, как на берегах Ганга», что в среднем промышленном городе «живет немало людей <...> не знающих собственной фамилии, и лишь немногие могут ее написать».

Дизраэли заимствовал статистику и примеры из правительственных отчетов и утверждал, что не преувеличил тягот бедноты. Напротив, он считал «абсолютно необходимым скрывать многое из подлинных сведений. Ибо мы очень мало знаем о состоянии дел в нашей собственной стране, — утверждал он, — и впечатление о неправдоподобии того, что описано на этих страницах, которое неминуемо создаст полная правдивость изложения, может отвлечь некоторых от их внимательного прочтения». Еще более ясно, чем страдания бедных людей, роман открывает читателю непреодолимую пропасть, которая в викторианской Англии разделяет имущих и неимущих. В соответствии с подзаголовком романа, это «две нации», живущие бок о бок и не ведающие друг о друге. В наиболее известном отрывке романа эту истину Эгремонту открывает один из чартистов.

— Что ж, общество может быть и незрелым, — сказал Эгремонт с легкой улыбкой, — но, что ни говори, наша королева правит величайшей нацией из всех существующих на земле.

— Какую вы имеете в виду? — спросил его молодой незнакомец. — Ведь она правит двумя нациями.

Он замолчал, Эгремонт не сказал ни слова, но вопрошающе взглянул на него.

— Да, — снова заговорил незнакомец. — Существуют две нации, которые никак не связаны между собой и не понимают одна

другую; они не ведают об обычаях, мыслях, чувствах друг друга, словно обитают в разных местах, на разных планетах. Это разные породы людей, которые едят разную пищу, следуют разным традициям и подчиняются разным законам.

— Вы имеете в виду... — неуверенно сказал Эгрмонт.

— Богатых и бедных.

После «Сибиллы» слова «две нации» получили распространение как краткая формулировка проблемы, перед которой стояла Британия. Это был очень характерный для Дизраэли способ обозначить социальный вопрос, используя мощный заряд, который для него всегда заключало в себе слово «нация». Для Энгельса буржуазия и пролетариат были по определению врагами, а классовая борьба — бескомпромиссной игрой «кто кого» и могла закончиться только победой одной из сторон. В то же время Дизраэли викторианская Англия представлялась скорее нацией, разделившейся на две, и спасти их могло только примирение. Наибольшее возмущение Дизраэли было вызвано (и это отражено в «Сибилле») не эксплуатацией одного класса другим, а отчуждением бедных слоев населения от английских традиций и привилегий, которые по праву им принадлежали.

Тут важно отметить, что эти привилегии отнюдь не только экономические, но и обеспечиваемые культурой и религией. В одной памятной сцене романа необразованная, но исполненная благих намерений девушка говорит, что верит «в Господа нашего и Спасителя Понтия Пилата, распятого во искупление грехов наших, и в Моисея, Голиафа и всех остальных апостолов» — такая пародия на Символ веры призвана

вызвать потрясение в сознании нации, которая всерьез относится к христианству. Ирония заключается в том, что это видение Англии такой, какой она должна быть (единой в своих интересах, традициях и вере), исходит от автора, которого такая Англия никогда бы не приняла целиком и полностью, как оно и было на самом деле. В романах (как и в политике) Дизраэли всегда особенно сильна идея национального единства, и это в значительной мере объясняется тем, что на самом деле он не принадлежал народу, среди которого жил, а нации, к которой он мог бы принадлежать, то есть еврейства, созданного его воображением в «Алрое» и «Танкреде», никогда не существовало.

Однако, весьма решительно формулируя проблему «двух наций», Дизраэли по-прежнему уклоняется от реального анализа методов, которыми эта проблема могла быть решена. Кульминацией романа стал бунт толпы, во время которого гибнут отец Сибиллы и брат Эгремонта, человек реакционных взглядов. Но все эти кошмарные сцены тут же сменяются очередным счастливым концом, столь свойственным автору. Мало того, что Эгремонт наследует титул брата, но и Сибилла оказывается наследницей давно утерянного состояния. После всех описаний черствости богачей и страданий бедноты этот финал воспринимается как не только искусственный, но и оскорбительный. Брак Сибиллы и Эгремонта призван символизировать примирение знати и рабочего класса, но Дизраэли, исподтишка переведя Сибиллу в класс аристократов, по существу замял классовый конфликт, драматическому освещению которого посвятил весь роман.

Именно подобные беспочвенные мечтания членов «Молодой Англии» заставили Джордж

Элиот отвернуться от идей этой группы, которые она определила как «аристократический дилетантизм». Энгельс, естественно, высказался еще резче о «исполненных благих пожеланий тори, которые недавно объединились в “Молодую Англию”». Называя Дизраэли и других по именам, он насмешливо писал, что «мечта “Молодой Англии” состоит в возрождении “веселой старой Англии”. <...> Цель, разумеется, недостижимая и нелепая, это, по существу, насмешка над всем ходом исторического развития». Энгельс отдал должное этой группе за то, что ее члены признают «постыдность существующего положения», но не более того.

Впрочем, Энгельс и ранее склонялся к необходимости насильственного изменения английского общества. Дизраэли, который всю жизнь пытался найти себе место в этом обществе, отнюдь не хотел с ним покончить. В известном эссе о консервативных идеях Сэмюэля Тейлора Кольриджа либеральный философ Джон Стюарт Милль писал, что тори могут защитить английские институты единственным способом — переосмыслив их целиком и полностью: «Чего мы имеем право ожидать от уже устоявшихся институтов, что они обязаны для нас сделать, дабы оправдать свое положение в качестве таковых? Разве не следует нам понудить их выполнять им предписанное или же со всей решительностью показать их полную несостоятельность?» Именно такую задачу Дизраэли поставил себе в романах «Конингсби» и «Сибилла», хотя его ответы не помогли ему склонить на свою сторону либеральную интеллигенцию. В 1847 году ведущий либеральный журнал «Эдинбург ревью» опубликовал длинный уничижительный обзор его политических романов, в котором утверждалось, что Дизраэли был противником

«прогресса цивилизации, развития человеческого разума» — иначе говоря, всего того, к чему человечество «стремится, за что сражается и о чем молится последние три века». Оппоненты Дизраэли были правы в том, что девятнадцатый век ни при каких обстоятельствах не мог повернуть вспять к чему-то вроде великодушного феодализма, который существовал, возможно, только в воображении членов «Молодой Англии». Однако в романах Дизраэли по крайней мере удалось сохранить для истории свою мечту о том, какой должна стать Англия.

Сравнение политических романов Дизраэли, написанных в сороковые годы, с его автобиографическими романами тридцатых годов ясно указывает на смену авторского фокуса. Конгарини Флеминг и Вивиан Грей были автопортретами, созданными фантазией писателя, и, описывая своих героев, Дизраэли в воображаемом мире удовлетворял собственное честолюбие, которое не находило выхода в реальной жизни. В то же время Конингсби и Эгрмонт отнюдь не списаны со своего создателя: они слишком бесхитроутны и по-английски незамысловаты, чтобы искать в них сходство с автором. Их прототипами скорее можно считать членов «Молодой Англии» — искренних и слегка нелепых молодых людей вроде Смайта и Маннерса, которые вызывали у Дизраэли симпатию, но отнюдь не желание им подражать. Кто же в таком случае в этих политических романах сам Дизраэли? Этот вопрос можно сформулировать иначе: какое место занимает одаренный честолюбивый еврей в Англии, рожденной воображением Дизраэли и управляемой неколебимыми английскими аристократами?

Ответ таков: для Дизраэли все-таки нашлось место в этих романах, но не в роли главного

героя. Он создал самое значительное и самое провокационное из своих литературных воплощений — образ Сидонии, еврейского серого кардинала международного масштаба. В «Сибилле» и «Танкреде» Сидония играет малозаметную роль, в «Конингсби» уже весьма весомую, но во всех трех романах он чрезвычайно важен для авторской концепции. Именно Сидония позволил Дизраэли представить, какое место он мог бы занять во властных кругах в тот момент своей карьеры, когда успех в парламенте казался ему более далеким, чем когда-либо. В то же время Сидония для Дизраэли — рупор, через который он провозглашает свою неугасающую веру в достоинство и могущество еврейского народа. Давно расставшись с мечтой стать Алроем, еврейским национальным лидером, он в образе Сидонии остается верным надежде, что еврейство может дать власть и самоуважение другого рода.

Разгадка могущества Сидонии в том, что он всегда за кулисами. На это обстоятельство автор обращает внимание с самого первого появления этого персонажа в гостинице, где он и Конингсби находят укрытие от ливня. Сидония производит сильное впечатление на молодого англичанина своей внешностью, выдающей в нем иностранца и человека незаурядного ума: он «бледен, с высоким лбом и пронизательным взглядом темных глаз». Именно таким образом незнакомые люди всегда описывали самого Дизраэли — вспомним свидетельство очевидца в 1835 году: «Оно [лицо Дизраэли] было мертвенно-бледным, а из-под тонко очерченных изогнутых бровей сверкали угольно-черные глаза». Манера держаться у Сидонии та же, которой со всем тщанием старался следовать сам Дизраэли: «Если в его обращении к собеседнику

и существовал изъян, то это был лишь некоторый недостаток искренности. Облачко насмешливости окутывало его речь, даже когда вы полагали, что он совершенно серьезен».

Там, где Вивиан и Контарини восторженны и серьезны, Сидония ироничен и отстранен. А причина такой отстраненности, как вскоре выясняется, заключена в том, что сфера политической жизни для него недоступна. Он обворожил Конингсби длинной тирадой о значении личной воли, перечислив множество героев, которые стали знаменитыми, еще не достигнув возраста Конингсби. «Не думайте, — говорит Сидония, — будто я считаю, что юность непременно гениальна. Я лишь утверждаю, что в юности гениальность божественна». И недвусмысленно дает понять собеседнику, что гений — это то, в чем сейчас нуждается эпоха: «От дворца до лачуги всем нужен вожатый». У Конингсби естественно возникает вопрос, почему Сидония — а он «без малейшего намека на притворство или желание пустить пыль в глаза <...> кажется человеком, который знает всех и всё» — не стремится сам стать вожатым этой эпохи. В эффектном завершении одной из глав дается ясный ответ:

— По крайней мере ваш ум полнится великими идеями, — сказал Конингсби, — а значит, вы созданы для героических дел.

— Дела — это не для меня, — ответил незнакомец. — Я принадлежу к той вере, которую исповедовали апостолы, прежде чем последовать за своим учителем.

Он вскочил в седло, и «Дочь звезды», словно почуяв запах пустыни, из которой она и ее наездник так внезапно появились, взяла с места в карьер, оставив Конингсби в глубоком раздумье.

В этой сцене есть что-то голливудское: вы чуть ли ни слышите фонограмму, в которой Сидония, таинственный незнакомец, под стук копыт уносится в ночь. Но цель этого диалога достаточно серьезна. Дизраэли дает понять, что Сидонии как еврею не суждено совершать подвиги. Со всей очевидностью, ему не дано и стать членом парламента, поскольку евреи все еще не имеют возможности произнести требуемую законом присягу. Однако не только законодательные ограничения влияют на судьбу Сидонии. Из дальнейшего повествования, когда автор излагает историю его жизни, мы узнаем, что он пресыщен и своими знаниями, и своим богатством: «При этом Сидония смотрел на жизнь скорее с легким любопытством, чем с чувством удовлетворения. Религия оградила его от устремлений, свойственных гражданину, а богатство лишило тревог, которые побуждают к действиям обычного человека». В каком-то более глубоком смысле ему как человеку многого не доставало: «Этот неиссякаемый источник счастья Конингсби мог обнаружить в восприимчивости собственного сердца. Однако для Сидонии он оказался недоступен. В самом его устройстве имелась некоторая особенность, точнее говоря, серьезная ущербность: это был человек, лишенный любви и привязанностей».

Иными словами, Сидония — который знает все и которого ничто не радует, который кажется прожившим более долгую жизнь, чем это есть на самом деле, который не способен любить, — это не кто иной, как Вечный жид. Дизраэли создает своего героя, взяв за образец персонаж из средневекового антисемитского мифа — еврея, который насмехался над распятым Иисусом и был наказан вечным изгнанием. Дизраэли, пусть и не вполне это осознавая,

соединяет в образе Сидонии все страхи и подзрения христианского мира, связанные с еврейской непостижимостью.

Тем не менее он это делает с вызывающей дерзостью: при всех своих изъянах Сидония задуман автором как личность огромной силы и обаяния. Другой архетип, используемый при создании образа Сидонии, это некая международная фигура еврея, который не занимает никакого официального поста, но тайно руководит действиями всех правительств. В этом качестве Сидония напоминает кого-нибудь из семейства Ротшильдов, но не реальных Ротшильдов, а таких, какими их представляла широкая публика. «Европе требовались деньги, и Сидония был готов их Европе ссудить, — пишет Дизраэли. — Сколько-то нужно Франции, побольше — Австрии, совсем немного — Пруссии, несколько миллионов — России. Сидония мог обеспечить всех. <...> Он был властелином мирового финансового рынка, а по сути, разумеется, и властелином всего прочего».

Когда Дизраэли писал «Конингсби», он уже был знаком с реальными Ротшильдами. Став одним из самых известных евреев Англии, он неизбежно попал в их заоблачный мир. Со временем дружеские отношения с бароном Лайонелом де Ротшильдом, главой английской ветви этого рода, станут весьма важными для Дизраэли как в личном плане, так и в политическом. Когда в 1878 году Ханна Ротшильд, племянница Лайонела и богатейшая наследница Англии, вышла замуж за лорда Розбери, будущего премьер-министра, именно Дизраэли был посаженным отцом на свадьбе. Еще большее значение имело то обстоятельство, что для получения свежих сведений о европейской политике Дизраэли полагался на деловые контакты

семейства Ротшильдов, хотя его мнение, что Ротшильды лучше информированны, чем британские послы, часто раздражало коллег. Когда Дизраэли был премьер-министром, возможность получить у Ротшильдов крупный заем позволила ему провести одну из самых грандиозных своих операций — приобрести для Англии долю в Компании Суэцкого канала.

Впрочем, в середине сороковых годов сближение с семейством Ротшильдов оставалось делом будущего. Однако Дизраэли уже достаточно хорошо знал Ротшильдов и о Ротшильдах, чтобы понимать, как мало Лайонел похож на Сидонию. Вместо того чтобы из-за кулис управлять британскими политиками словно марионетками, Лайонел возглавил кампанию за предоставление евреям права избираться в парламент — цель довольно скромная, однако, вопреки предполагаемому могуществу Ротшильдов, движение к ней растянулось на десятилетия. Не вызывает сомнения, что семейство Ротшильдов было сказочно богато, а центральная роль их банка в международной финансовой системе обеспечивала им огромное влияние. Однако влияние это они использовали не для того, чтобы заполучить некую тайную власть, а чтобы добиться гражданского равенства и уважения в обществе. Место в парламенте, конюшня скаковых лошадей, красивая усадьба, титулованные мужья для дочерей — вот к чему на самом деле стремились Ротшильды.

Если Сидония хотел намного большего, то исключительно потому, что этот образ в новой форме выражает старое стремление Дизраэли к власти. Автор наделил Сидонию той самой родословной, которую измыслил для себя самого: его герой — потомок испанских евреев, этих знатных родов, якобы включавших в себя «две

трети арагонской аристократии». После инквизиции, когда мнимые предки Дизраэли покинули Испанию, предки Сидонии не уехали и стали *conversos**. Но в течение трех веков они втайне исповедывали иудаизм и, покинув наконец Испанию во время наполеоновских войн, сразу открыто вернулись к прежней вере. Здесь можно увидеть опасное сближение легенды Сидонии и жизни самого автора: если семейство Сидонии могло на протяжении трех веков притворяться христианами, то, может спросить читатель, разве сам Дизраэли не мог разыгрывать этот фарс в течение тридцати лет? Получалось, будто Дизраэли с усмешкой отказывается от собственного крещения, подталкивая читателя к мысли, что еврей никогда не перестанет быть евреем.

На самом деле, как объясняет Сидония, обращение вообще невозможно, поскольку еврейство — вопрос не религии, а принадлежности к некоей расе. «Незамутненному потоку сменяющихся поколений этого европеоидного народа и духу дарованного ему Создателем закона, отделяющего его от других, — пишет Дизраэли, — приписывает Сидония тот факт, что он уже давным-давно не растворился среди тех смешанных народов, которые осмеливаются его преследовать, но сами то и дело вымирают и исчезают, в то время как их жертвы процветают во всей первозданной мощи чистой азиатской расы». Евреи выжили прежде всего из-за своей расовой чистоты, и в ней же — источник их силы. Действительно, поскольку евреи сохраняют чистоту крови, чего не скажешь об англичанах, то происхождение такого еврея, как Сидония, гораздо более знатное, чем у любого английского аристократа. «Несколько веков назад, — язвит

* Выкресты (исп.), обращенные в христианство евреи.

Сидония, — англичане были дикарями, покрытыми татуировками». Такая позиция позволяет Дизраэли всласть поиздеваться над английской знатью: «Чистая раса с первоклассной организацией — вот аристократия от природы. Ее превосходство — непреложный факт, оно не рождено воображением, не сводится к ритуалу, придуманному поэтами и выставленному напоказ лживыми крикунами, но явлено в физических преимуществах, в мощи его ничем не нарушенного своеобразия».

Подобные пассажи проясняют, почему Дизраэли счел столь полезным для себя создать в воображении такое *alter ego**, как Сидония. По существу, это был акт отмщения, ответный выпад его уязвленной гордости против того общества, которое смотрит на него сверху вниз и препятствует его планам. С молодых лет — и это видно из его романов — гордость не давала Дизраэли покоя. Он стремился продемонстрировать свое превосходство сначала соученикам, затем соотечественникам; он ощущал в себе великие дарования и «страстно мечтал» о возможности их проявить. Но при этом всю свою жизнь, как он писал Пиллю, ему приходилось противостоять «буре ненависти и злобы политических противников». И если еврейство Дизраэли было не единственной причиной этой ненависти, то почти всегда становилось одной из таковых. От мальчишек, вопящих Вивиану Грею «Долой чужака!», до шутников из «Панча», которые приписывали Дизраэли произношение оборванца из Ист-Энда, и вплоть до конца жизни его еврейство неизменно служило поводом для оскорблений. Дизраэли тщательно скрывал, насколько уязвлен этой травлей, и в ответ

* Второе я, двойник (лат.).

напускал на себя вид превосходства, что в свою очередь становилось вызовом.

Однако создавая образ Сидонии, он мог себе позволить все. У этого еврея, который превосходил по знатности аристократов из партии тори, а по богатству финансовых воротил из партии вигов, не было нужды бороться за власть в парламенте, поскольку его могущество превышало власть любого парламента. Но главное — этого еврея было невозможно оскорбить. «Сидония был как раз тем человеком, которого с радостью бы приняли в наших кругах, — пишет Дизраэли. — Его огромное состояние, несравненное знание общества, ясный деятельный ум, строгая простота манер, он откровенен, но не позволяет себе фамильярность и не терпит фамильярности по отношению к себе, он любит охоту <...> все эти качества высоко ценятся и вызывают восхищение в английском обществе, а потому мы не погрешим против истины, утверждая, что мало кто имел в этом обществе больший успех, чем Сидония, и уж точно никто не оставался до такой степени неразгаданным».

Только рассматривая Сидонию как компенсаторную фантазию Дизраэли, мы можем понять, насколько привлекательно было для автора создать в воображении такой образ. Ибо сейчас, через полтора века последующей истории евреев, ход которой Дизраэли не мог предвидеть, Сидония выглядит не чем иным, как евреем в представлении антисемитов, то есть объектом их ненависти. Достоинно удивления, как Дизраэли удалось совместить в одном персонаже все злобные наветы и параноидальные страхи, которые могли зародиться в воображении антисемита. Сидония, как мы видим, это международный банкир, повелевающий всем миром. В то же время он и паук, ткущий сеть

революционных заговоров: «В Европе не существовало авантюриста, с которым бы Сидония не был близко знаком. Ни один государственный министр* не имел таких связей с тайными агентами и соглядатаями, как Сидония. Он поддерживал отношения со всеми хитроумными изгоями во всем мире». Есть что-то нездоровое в его сексуальности: «Какая-то древняя восточная традиция влияла на его отношение к женщинам. Он чаще бывал за кулисами оперы, чем в своей ложе, и не чурался общества гетер», то есть куртизанок. Сидония утверждает, что евреи определяют все повороты истории: «Вы не найдете сколько-нибудь важного направления интеллектуальной деятельности в Европе, в котором евреи не принимали заметного участия. Первыми иезуитами были евреи, непостижимая русская дипломатия, которая так тревожит Западную Европу, продумана и осуществляется в основном евреями, мощное революционное движение, поднимающееся в Германии <...> возглавляют исключительно евреи». Он даже дает Конингсби целый перечень знаменитостей, которые на самом деле являются тайным евреями, включая наполеоновских маршалов Сульта и Массену («его настоящее имя Манассия»).

Сцены с Сидонией из романов «Конингсби» и «Танкред» можно с незначительными изменениями без труда превратить в антисемитский памфлет не хуже «Протоколов сионских мудрецов». Не удивительно, что самые ярые антисемиты конца девятнадцатого века дружно подхватывали идеи Дизраэли, иногда открыто воздавая ему

* Государственный министр — в Англии это первые заместители министров в крупных министерствах, таких как Министерство иностранных дел и по делам Содружества или Министерство внутренних дел.

должное. Карл Евгений Дюринг*, один из главных «теоретиков» антисемитизма, с готовностью принимает расовые постулаты Сидонии: «евреи должны определяться исключительно по национальному признаку, а не религиозному». Вильгельм Марр**, который и ввел в обиход термин «антисемитизм», перенимает предположение Дизраэли, будто евреи тайно правят миром, и приводит его в качестве первого примера, подтверждающего эту мысль: «СеMIT Дизраэли <...> держит в своем кармане ключ от войны и мира на Востоке».

Печально известное антисемитское сочинение Хьюстона Стюарта Чемберлена*** «Основы девятнадцатого века», которое заняло почетное место в нацистском каноне, основано на идее Сидонии, что расовое «превосходство — непреложный факт». В «Танкредe» Сидония задает вопрос: «Что есть индивидуум, если не персонафикация расы, образец ее совершенства и избранности?» Чемберлен всецело с этим соглашается: «Ничто не является столь убедительным, как осознание своей расовой принадлежности, — пишет он. — Человек, который принадлежит к определенной, причем чистой расе, никогда не утратит ощущения своей причастности».

* Карл Евгений Дюринг (1833—1921) — немецкий философ, отличался, по словам Энгельса, «утрированным до карикатуры юдофобством».

** Вильгельм Марр (1819—1904) — немецкий журналист и политик, страстный пропагандист антисемитизма. Впервые употребил понятие «антисемитизм» в своем памфлете «Путь к победе германства над еврейством» (1880).

*** Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927) — англо-немецкий писатель, социолог, философ, один из основоположников расизма. Расистские взгляды отчасти перенял у Рихарда Вагнера, на дочери которого был женат.

Этот ненавистник евреев со всей искренностью воздает должное Дизраэли за то, что тот вывел евреев на чистую воду: «В то время, когда по этому поводу болтают столько вздора, пусть хотя бы Дизраэли растолкует нам, что вся мощь иудаизма основана на чистоте расы и только она дает ему силу и долгую жизнь». Далее следует сноска: «Смотри романы “Танкред” и “Конингсби”. В последнем Сидония говорит: “Раса — это все, другой истины не существует. И каждой расе неминуемо придет конец, если она по беспечности допустит смешение своей крови с чужой”».

Мог ли Дизраэли предвидеть, как враги евреев используют его слова? К концу жизни это, по-видимому, стало ему ясно. В романе «Лотарио», увидевшем свет в 1870 году, он с тревогой рисует портрет яркого расиста-антисемита. Но в сороковые годы он был еще далек от таких опасений. Псевдонаука о расе, к которой так непринужденно обращается Сидония, только-только начала распространяться (знаменитое «Эссе о неравенстве человеческих рас» Артюра де Гобино* будет опубликовано в начале пятидесятых) и по вполне понятным причинам привлекла внимание Дизраэли. Как еврею, принявшему христианство, расовая теория давала ему необходимый набор понятий, помогающий утверждать, что он остается евреем. Кроме того, она позволяла Дизраэли обратить себе на пользу присущую англичанам озабоченность своей родословной. Теперь он мог утверждать, что принадлежит не к низкому сословию, а является потомком древнего

* Жозеф Артюр де Гобино (1816—1882) — французский писатель-романист, социолог, автор арийской расовой теории, впоследствии взятой на вооружение национал-социалистами.

и чистого в расовом отношении рода. Это обрело смысл именно в английском обществе, где в основе антисемитизма лежало главным образом презрение — презрение того рода, о котором с горечью писала Джордж Элиот, обращаясь к Гарриет Бичер-Стоу: «Дух чванства и повелительно-презрительный тон господствует не только по отношению к евреям, но и ко всем выходцам с Востока, с которыми мы, англичане, соприкасаемся, и это стало нашим национальным позором».

Впрочем, к концу жизни Дизраэли антисемитизм преобразился в нечто более опасное, основанное уже не столько на презрении, сколько на страхе и ненависти. Миф о еврейском превосходстве, который Дизраэли пропагандировал, чтобы противопоставить социальной ущербности евреев, вошел во взаимодействие с параноидальной подозрительностью антисемитов, и это привело к катастрофическим последствиям. Отметим, что из всех счастливых случайностей, которые помогли Дизраэли преуспеть на политическом поприще, одна обращает на себя особое внимание: он умер в 1881 году, всего за год до принятия в России репрессивных Майских законов*, которые привели к массовой эмиграции евреев, вывели еврейский вопрос на центральное место в политической повестке дня и вызвали антисемитские выступления по всей Европе. Родись Дизраэли десятилетием позже, он мог бы оказаться в кресле премьер-министра

* Майские законы (более известны как Майские правила) — нормативный документ правительства Российской империи, опубликованный 3 мая 1882 года. Эти законы резко ограничивали права еврейского населения и фактически стали поворотным пунктом политики в отношении евреев после реформ Александра II. Были отменены после Февральской революции Временным правительством.

Англии во времена, когда Францию сотрясало дело Дрейфуса, или встретиться с необходимостью вести с Россией переговоры о войне и мире в то время, когда погромы наводили ужас на обитателей черты оседлости с одобрения царского правительства. При таких обстоятельствах конфликт между еврейством Дизраэли и его верностью Англии, который он умудрялся ловко обходить на протяжении почти всей своей политической карьеры, мог стать непреодолимым как в психологическом плане, так и во время избирательных кампаний.

Надо признать, что на родине Дизраэли антисемитизм не получал широкого распространения даже в те периоды, когда он пышно расцветал в Германии и Франции. Однако после 1881 года, когда беженцы из Польши стали изменять демографический состав английского еврейства, положение евреев ухудшилось и в Англии. В последний год жизни Дизраэли в Британии насчитывалось около шестидесяти пяти тысяч евреев, через тридцать лет это число утроилось, и лондонский Ист-Энд стал напоминать еврейские трущобы. Периодические антиеврейские беспорядки и растущее движение за ограничение еврейской иммиграции вызывали у английских евреев незнакомое ранее чувство незащищенности. В 1899 году раввин Главной лондонской синагоги предостерег членов общины, сказав, что дело Дрейфуса — зловещее предзнаменование для евреев, знак, что они «должны быть еще осторожнее и осмотрительнее, чем прежде». К счастью для создателя Сидонии, он уже не мог это услышать.

Евреи, утверждает Дизраэли устами Сидонии, превосходят все прочие народы интеллектом,

богатством, могуществом и чистотой крови. Но Сидония говорит еще об одном преимуществе, которое Дизраэли полагает самым важным в своей политической концепции. Дело в том, что евреи, и исключительно они, являются носителями божественного откровения, причем не только в библейском прошлом, но и в девятнадцатом веке. В «Конингсби» и «Сибилле» Дизраэли писал, что спасти английское общество может только духовное возрождение. Теперь, в «Танкреде», он развивает эту мысль, указывая на единственный источник такого возрождения — то, что его отец назвал «гением иудаизма». Это стало самой дерзкой попыткой Дизраэли преодолеть пропасть, разделяющую Англию, еврейский народ, каким он был в его воображении, и еврейский народ, представленный им в качестве духовного и нравственного наставника Англии. Однако гений иудаизма, существовавший в поэтическом воображении Дизраэли, имел мало общего с той верой, которую на самом деле исповедовали евреи. Скорее, это был мистический дух Ближнего Востока, давший жизнь всем трем великим монотеистическим религиям. И лишь соприкоснувшись с этим духом (который Дизраэли в другом своем известном высказывании именуется «великой азиатской тайной»), Англия может возродить свое величие.

В романе «Танкред», который он начал писать в 1845 году сразу после завершения работы над «Сибиллой», героем Дизраэли в очередной раз становится молодой аристократ, только-только вступающий в общественную жизнь. В начале романа Танкред, единственный сын герцога и герцогини Белламонт, готовится отпраздновать свой двадцать первый день рождения, по поводу чего ожидается грандиозный прием.

Но если Конингсби испытывал тягу к политике, а Эгрмонт — к социальным реформам, то Танкред интересуется прежде всего религией. И к его разочарованию, религиозные институты викторианской Англии не могут служить ни руководством в его исканиях, ни источником вдохновения. Когда его великосветские родители, не в силах понять духовные терзания сына, посылают Танкреда к епископу за наставлениями, в результате получается диалог глухих:

— В Церкви идет возрождение великого духа, — сказал епископ с глубокомысленной торжественностью, — великого и возвышенного. Церковь тысяча восемьсот сорок пятого года уже не та, что в тысяча семьсот сорок пятом. Об этом необходимо помнить. Мы даже не знаем, что может произойти. Скоро мы увидим епископа и в Манчестере.

— Но я бы хотел увидеть в Манчестере ангела.

— Ангела?

— Почему бы нет? Если нам так необходимы небесные послания, почему бы не появиться небесному посланцу?

Чего действительно хочет Танкред, так это стать рыцарем веры в духе Кьеркегора*. Он не может удовольствоваться тем, чтобы оставаться христианином только по названию, но жаждет испытать божественное откровение непосредственно. Эта цель уже сокрыта в самом его имени: настоящий Танкред был одним из предводителей Первого крестового похода, и его

* Серен Кьеркегор (1813—1855) — датский философ, теолог и писатель. Резко критиковал выхолащивание христианской жизни, стремление жить благополучно и удобно и при этом считать себя христианином.

тезка полагает, что и он должен увидеть Святую землю, если хочет получить ответы на свои вопросы. Он не может поверить, что «Палестина похожа на Нормандию, или Йоркшир, или даже на Аттику или Рим». Своим обескураженным родителям Танкред сообщает, что собирается совершить паломничество ко Гробу Господню: «Настало время восстановить и обновить нашу связь со Всевышним. Вот и я смогу преклонить колени у этой гробницы, и я, среди священных холмов и рощ Иерусалима, смогу очистить свой дух от зла, что гнетет его, вознести свой голос к небесам и спросить: “Что есть долг, и что есть вера? Что я должен делать и во что верить?”»

Идея о том, что земля Израиля таит в себе некую мистическую силу, зародилась, как мы знаем, в той ветви христианского богословия, которая восходит к зарождению пуританизма. Но мысль о том, что верующий должен и впрямь отправиться в Иерусалим, чтобы войти в соприкосновение с Богом, была далека от доктрин и христианства, и иудаизма. Она может рассматриваться лишь как очередное проявление еврейского шовинизма Дизраэли, который в «Танкреде» становится духовным принципом более широкого охвата. В противоположность основополагающему постулату монотеизма, Дизраэли предполагает, что Бог говорит только с семитскими народами и только на Ближнем Востоке. Иудаизм, христианство и ислам — все эти религии являются достоянием семитской семьи народов с незначительным участием иных, менее одаренных наций. Общность происхождения этих трех верований значительно важнее, чем их религиозные, культурные и исторические различия. Все они — часть «великой азиатской тайны», все воодушевлены тем, что Дизраэли называет «ангелом Аравии».

«Христианство, — пишет он, — это иудаизм для масс», а «арабы — это те же евреи, только верхов». (Одно из дополнительных преимуществ такого подхода состоит в том, что евреев, которых англичане презирают, Дизраэли уподобляет арабам, которых англичане уважают.)

Чтобы окончательно довести до читателя свою мысль, Дизраэли вновь обращается к Сидонии: теперь он наставляет Танкреда, как прежде наставлял Конингсби. «Я верю, что Бог говорил с Моисеем на горе Хорив, а вы верите, что он был распят в лице Иисуса на Голгофе, — рассуждает Сидония. — Оба они были — по крайней мере, в плотском воплощении — сынами Израиля, оба говорили на еврейском, обращаясь к евреям. Пророками были только евреи, и апостолами были только евреи. Азиатские церкви, уже исчезнувшие, были основаны евреем по крови, Римскую церковь <...> тоже основал еврей». Сидония и прежде утверждал, что все знаменитые люди — евреи, теперь он уверен, что так дело обстоит и в сфере религии: раньше это был маршал Султ, теперь — святой Павел. Ключ к этой риторике Сидонии — в формуле: «только евреи». Для христиан, разумеется, важно не то, что апостолы были евреями, а то, что они были христианами. С другой стороны, для Дизраэли принадлежность к еврейству, или «семитизм», важнее любой веры или любого мировоззрения. Как говорит Сидония, «раса — это все, другой истины не существует».

С этими наставлениями, а также рекомендательным письмом от Сидонии Танкред отправляется в Палестину. Однако далее, когда он прибывает на место, сюжет претерпевает странные изменения. Молодой английский паломник, похоже, забывает, что цель его путешествия обрести божественные указания, которые помогли

бы возродить Англию. Вместо этого он попадает в некое подобие «Алроя», дизраэлевскую протосионистскую фантазию о политике и власти. Центр событий перемещается от Танкреда к Фахредину, бедному ливанскому князю, который замыслил вернуть себе власть над родовыми землями. Чтобы добыть деньги на оружие, Фахредин устраивает похищение Танкреда, надеясь, что его семья заплатит крупный выкуп. Но вскоре самого Фахредина пленяют грандиозные замыслы Танкреда по завоеванию всего Ближнего Востока. «Некий человек поднимется на гору Кармель, — мечтает Танкред, — и произнесет три слова, которые снова приведут арабов в Гранаду, а то и дальше». Он похож на Лоуренса Аравийского*, лишь появившегося на семьдесят лет раньше. Великое предназначение Танкреда находит подтверждение, когда он поднимается на гору Синай и молится там «Богу Израиля, Творцу Вселенной, непостижимому Иегове!» Ему является ангел Аравии и повелевает объединить Азию и Европу в новое теократическое государство. «Равенство людей, — провозглашает ангел, — может быть достигнуто только при верховной власти Бога». Теперь-то и проясняется истинный смысл подзаголовка романа — «Новый крестовый поход». Автор вовсе не хочет сказать, что Танкред должен возглавить крестовый поход, чтобы завоевать для Европы Палестину. Напротив, он уверен, что семитская раса с ее религиозным духом должна отвоевать упаднический материалистический

* Лоуренс Аравийский (Томас Эдвард Лоуренс, 1888—1935) — британский офицер и путешественник. Автор знаменитых мемуаров «Семь столпов мудрости». Лоуренс считается героем как в Великобритании, так и в ряде арабских стран Ближнего Востока.

Запад. В «Гении иудаизма» Исаак Д'Израэли превозносил теократическое равенство в библейском государстве, теперь его сын мечтает о распространении этого древнего порядка на всю Европу.

Если рассматривать теократию как политическую программу, то она представляется еще более безнадежной, чем неофеодализм «Молодой Англии». В «Конингсби» и «Сибилле» Дизраэли предлагал перевести часы истории на три века назад; в «Танкреде», похоже, это уже три тысячелетия. В результате роман может показаться пародией — возможно, умышленной — на романтический консерватизм, детальной разработке которого Дизраэли посвятил свою карьеру. Абсолютная нереальность политических представлений Танкреда становится знаком бессилия реакции в эпоху прогресса. Дизраэли даже не смог придумать убедительный конец истории своего героя: после того, как Танкред одерживает первую победу, в Иерусалим приезжают его родители, и на этом роман внезапно обрывается.

В то же время «Танкред», как и все лучшие произведения Дизраэли, дал ему возможность ярко проявить различные стороны своей личности, не упуская при этом противоречивых импульсов, порождаемых его честолюбивыми устремлениями. Ведь если Дизраэли видит что-то от самого себя в Танкреде — консерваторе-идеалисте, пытающемся установить связь с живым источником традиции, то другую свою сторону он проецирует на Фахредина, в высшей степени беспринципного политика. Фахредин, готовый ради власти на все, напоминает Вивиана Грея, но более успешного и жестокого:

Он привык к мысли, что ловкость всегда помогает добиться желаемого и что успех

оправдывает любые действия. Притворяться, лицемерить, вести переговоры одновременно с противоборствующими сторонами, быть готовым принять любое мнение и не иметь собственного, улавливать мгновенное настроение толпы, чтобы ускользнуть от грозящей катастрофы, видеть в каждом человеке некий инструмент и делать только то, что ведет к цели, пусть и окольным путем, — таковы были его политические методы, и, полагая их лучшими средствами достижения успеха, он прибегал к ним с восторгом и наслаждением.

Ни один враг Дизраэли не смог бы нарисовать более злую карикатуру. Он даже позволяет Фахредину заявить: «Я исповедую ту религию, которая дает мне высшую власть», — опасная строчка, вышедшая из-под пера крещеного еврея. Создавая такой образ, Дизраэли, скорее всего, удовлетворял свою прирожденную дерзость: он позволял выставить напоказ все качества автора, противные избыточно серьезному викторианству. Не удивительно, что «Танкред» озадачил известного викторианского критика Лесли Стивена, который назвал это произведение «странной фантасмагорией» и был особенно встревожен тем, как Дизраэли одновременно «молится вместе с мистиком и глумится вместе с политиком».

Ко всему прочему Фахредин для автора — средство учинить допрос самому себе: Дизраэли словно спрашивает себя, до какой степени правдивы обвинения в лицемерии и конъюнктурности, которые он слышит от своих врагов? В конце концов автор, похоже, приходит к выводу, что разновидность интриганства, свойственная Фахредину, пусть в какой-то мере и привлекательная для одной стороны натуры Дизраэли,

все же не пристала истинно великому государственному мужу. «Я не верю, что, манипулируя людьми, можно достичь чего-то великого, — убеждает Танкред Фахредина. — Все эти интриги, на которые вы, похоже, мастер, могут быть полезны при дворе или в каком-нибудь недоступном для обычных людей сенате, но для того, чтобы освободить народ, нужно нечто более простое и более энергичное».

При всех довольно эксцентричных теоретических построениях, касающихся иудаизма, в «Танкреде» встречаются и очень трогательные и искренние пассажи Дизраэли о евреях. Точно так же, как он некогда написал роман «Алрой», чтобы выразить свое «идеальное честолюбие» — стремление стать национальным лидером еврейского народа, теперь он использует роман «Танкред», чтобы представить себе еврейское национальное образование в Палестине. Временами роман воспринимается как сионистская идиллия, изображающая мир, в котором евреи составляют не меньшинство, а большинство. В «Танкреде» больше еврейских персонажей, чем в любом другом произведении Дизраэли — там есть еврейские купцы, еврейские разбойники и еврейские девушки из хороших семей. А главное, там есть Ева, красавица еврейка, которую называют «Розой Сарона». Когда Танкред влюбляется в Еву, она открывает ему глаза на то, как христиане унижают евреев:

Мой дед — бедуинский шейх, глава одного из самых могущественных родов пустыни. Моя мать была его дочерью. Он еврей, весь его род — евреи. Они читают Пятикнижие и повинуются ему, они живут в шатрах, у них тысячи верблюдов и лошади неджедской породы, и они безразличны ко всему, кроме Иеговы,

Моисея и своих кобылиц. Разве они были при распятии в Иерусалиме? Разве кричали в той толпе? Но моя мать выходит замуж за еврея из города, за человека, достойного сидеть на троне царя Соломона, а маленький христианин Яхур, что носит круглую шляпу и торгует инжиром в Смирне, завидев ее, перейдет на другую сторону, чтобы его не замарала кровь той, что распяла его Спасителя — Спасителя, который, как он сам говорит, был потомком нашего царского рода. Нет, никогда я не стану христианкой, пусть меня даже заставят есть песок!

Есть огромная разница между этим простым чувством самоуважения, неотъемлемым правом еврея, рожденного в Палестине, и сомнительными манипуляциями Сидонии, еврея диаспоры. Очевидно, что после многих лет усилий, потраченных Дизраэли на то, чтобы преуспеть в английском обществе, в своем воображении он все еще упивается мыслью о принадлежности к еврейскому народу. Поэтому «Танкред» не случайно стал единственным романом Дизраэли, где описание еврейского обычая отражает личный опыт автора. Детская память о праздновании Суккота (вероятно, в лондонском доме одного из родственников) навеяла этот отрывок, где обнажается та сторона еврейских чувств Дизраэли, которую он впоследствии уже никогда не раскрывал:

Представьте человека, рожденного и выросшего на Юденштрассе в Гамбурге или Франкфурте, а то и в трущобах наших Хаундсдич или Майнориз*, рожденного, чтобы

* Хаундсдич (дословно «собачья канава») — лондонская улица на месте оборонительного рва, который вырыли

унаследовать оскорбления и обиды, лишеного образования и той среды, в которой у человека может быть воспитан какой-никакой вкус или хотя бы намек на чувство прекрасного, живущего в едком тумане и нечистотах, никогда не испытавшего доброго отношения и почти никогда — справедливого, выполняющего самую унижительную и грязную работу, торгующего тряпьем, занимающегося ростовщичеством, подверженного постоянным гонениям и унижениям, которые давным-давно уничтожили бы любую нацию, не сохранившую в чистоте свою кровь и не живущую по законам Моисея; представьте такого человека — объект предрассудков, неприязни, отвращения, а то и ненависти. Но вот наступает время, и разум и сердце этого человека наполняются образами и чувствами, которые во все эпохи считались самыми прекрасными и самыми добрыми из всех, что свойственны людям. <...> Это время сбора урожая в виноградниках родного края.

Он встает пораньше, идет на какой-нибудь рынок в Уайтчепеле*, покупает несколько ивовых веток, заблаговременно заказанных, которые привезли, скорее всего, с берегов одной из эссекских речек, что неподалеку от Лондона, и спешит домой, где очищает место

за городской стеной еще римляне. Жители близлежащих домов сваливали туда мусор, отходы и даже дохлых собак (отсюда и название). Решение засыпать ров было принято только в конце XVI в. Майнориз — улица в Лондоне, получившая свое название от находившегося тут монастыря минориток (монахинь францисканского ордена). На обеих улицах во времена Дизраэли селилась еврейская беднота.

* Уайтчепел — один из беднейших районов Ист-Энда в Лондоне.

во дворике своего убогого жилища, строит там шалаш, обильно украшает его самыми красивыми цветами и плодами, какие только смог достать, не забыв про мирт и цитрон, и подвешивает к его кровле разноцветные фонарики. После службы в синагоге он с женой и детьми трапезничает на открытом воздухе, словно под родными звездами в милой деревушке в Галилее.

И вот может случиться, что, пока он совершает кидуш, еврейское благословение над еврейской едой, преломляя и раздавая хлеб, освящая молитвой бокал вина в своих руках, — тот самый обряд, который почти две тысячи лет назад совершил божественный потомок царя Давида на самой незабываемой трапезе <...> группа англичан, весьма почтенных — не меньше десяти фунтов годовых, — немного под хмельком, хотя и не в честь сбора винограда, проходит мимо дома, и вы слышите их слова:

— Послушай, Баггинс, что тут за шум?

— А, да это евреи, будь они прокляты. Их тут пруд пруди. У них нынче какой-то мерзкий праздник. Пора бы уже лорд-мэру вмешаться. Правда, сейчас-то они вроде как присмирели: раньше под эти свои вопли детишек распинали, а теперь только и всего что жрут вонючие свиные сосиски.

— Оно и видно, — соглашается его спутник. — Прогресс все же.

Мы находим здесь и довольно дурно пахнущие рассуждения Дизраэли о «чистоте крови», и отвращение к бедным евреям, живущим «в едком тумане и нечистотах», похожее на то, что испытывал Даниэль Деронда. Но в этом же описании мы видим и чувство собственного

достоинства еврея, живущего в сегодняшней Англии, и непреодолимое желание Дизраэли защитить евреев от враждебности христиан. Разумеется, изменить умонастроение большинства англичан ему не удастся: «Панч» публикует статью о «Танкреде» под заголовком «Защитник евреев», в которой проявляется та же чванливая тупость Баггинса. «После чтения “Танкреда”, последнего романа [Дизраэли], — язвит автор статьи, — мы обретаем совершенно новый взгляд на всех сынов Израиля, что бродят по нашей столице. “Гляньте-ка на этого старьевщика, — говорим мы друг другу, — ну кто бы мог подумать, что в жилах этого субъекта, который только что предложил нам девять пенни за нашу шляпу, течет чистая кровь европеоидной расы?”» Но если Дизраэли и не смог единолично изменить отношение к евреям в Англии, то он по крайней мере сумел удовлетворить свою гордость, противопоставив благородную еврейскую традицию английской вульгарности. Если бы вместо того, чтобы предаваться искусным фантазиям о еврейском могуществе, Дизраэли в своих романах больше внимания уделял реальной жизни евреев, то его литературное наследие имело бы значительно большую ценность.

II

К началу работы над романом «Конингсби» в 1843 году Дизраэли был бессменным «задне-скамеечником» от партии тори и находился в оппозиции к руководству этой партии. А к 1847 году, когда вышел в свет «Танкред», он уже стал одним из лидеров партии. Своему неожиданному возвышению Дизраэли был обязан политическим потрясениям, вызванным разногласиями по поводу Хлебных законов — самой острой проблемы британской политики, которая привела к расколу в обществе. Тот же активный средний класс, который уже вынудил парламент принять Билль о реформе, теперь требовал отмены этих протекционистских мер, препятствующих импорту зерна при падении цен ниже определенного уровня. Члены Лиги против Хлебных законов, влиятельной общенациональной группы, основанной в 1839 году, полагали, что Хлебные законы суть откровенный грабеж и цель у этих законов одна: обогащение землевладельцев («титолованных преступников», как их называли противники протекционизма) за счет потребителей. Отмена пошлины на импорт зерна, утверждали члены Лиги, снизит стоимость жизни, а следовательно, позволит

работодателям уменьшить расходы на оплату труда. Кроме того, это может подтолкнуть торговых партнеров Британии к снижению их собственных пошлин, тем самым содействуя экспорту английских товаров. Вот почему во главе этого движения стали такие предприниматели, как Ричард Кобден и Джон Брайт*.

С другой стороны, землевладельцы и фермеры опасались, что с отменой пошлин сельское хозяйство Англии придет в упадок. Более того, в их представлении Хлебные законы превратились в символ традиционного устройства британской власти. Исторически Британия была сельской, аграрной страной, в которой политическое и общественное влияние определялось владением земель. Отмена Хлебных законов привела бы к переходу власти от землевладельцев к промышленникам и финансистам из растущих городов. Кобден открыто заявлял, что представляет интересы «не сельской партии, а тех, кто живет в городах и будет управлять страной». С другой стороны, как иронизировал Гладстон, «фермеры рассматривали корону, церковь и высшую знать как разные названия одного истинно великого установления Британии — Хлебных законов».

Противоборство достигло критической точки в конце 1845 года во время парламентских каникул. Консервативная партия, чью основу составляли землевладельцы, неизменно выступала в защиту Хлебных законов. Однако премьер-министр Пиль постепенно проникался

* Ричард Кобден (1804—1865) — английский фабрикант, экономист и политик. Джон Брайт (1811—1889) — английский предприниматель и политик. Кобден и Брайт добивались отмены привилегий земельной аристократии и выступали за неограниченную конкуренцию и свободную торговлю.

убеждением, что отмена этих законов неизбежна по экономическим причинам. Когда из Ирландии пришли известия о начале картофельного голода*, Пиль усмотрел удобный момент, чтобы представить отмену Хлебных законов необходимой по чисто гуманным соображениям: ввоз дешевого зерна позволил бы обеспечить ирландцев дешевым продовольствием. На самом деле, как и предсказывали оппоненты Пилля, отмена пошлины ничем не помогла голодающим крестьянам Ирландии, поскольку те не могли покупать зерно даже по низким ценам. И все же в январе 1846 года, когда парламент приступил к работе, Пиль преисполнился решимости осуществить свое намерение, и, хотя его коллеги по партии восторга по этому поводу не испытывали, личный авторитет премьер-министра оказался настолько высоким, что создавалось впечатление, будто воспрепятствовать ему не сможет никто.

Однако Дизраэли решил, что может использовать сложившееся положение для победы над Пилем. На протяжении последних лет его нападки на премьер-министра по разным обсуждаемым в Палате вопросам становились все более резкими. И каждый раз объектом критики становился тот факт, что консерватизм Пилля носил исключительно прагматический характер и ни один из его принципов Дизраэли не мог счесть достойным своей поддержки. «Я не знаю случая, когда этот достойный джентльмен выступил бы с каким-либо предложением, — не скрывая

* Ирландский картофельный голод, или Великий голод (1845—1849), был вызван массовым заражением посевов картофеля фитотрофом. Картофель составлял основу ежедневного рациона бедных ирландцев, и его посевы занимали около трети всех обрабатываемых земель.

насмешки, говорил Дизраэли в одной из своих речей 1845 года, — не упомянув при этом, что перед нами открываются три возможных пути. В определенном смысле, если принять во внимание его собственную позицию, он совершенно прав. Есть путь, от которого этот достойный джентльмен отказался. Есть путь, который этот достойный джентльмен выбрал. И, как правило, есть путь, который этому достойному джентльмену следовало выбрать».

Изменив свое отношение к Хлебным законам, Пиль отказался от важнейшего пункта в программе консервативной партии. Многие тори в парламенте опасались, что отмена Хлебных законов принесет им прямые убытки, поскольку их поместья станут давать меньше дохода. Еще больший их гнев вызывало то обстоятельство, что Пиль поставил их перед необходимостью отказаться от своих политических обещаний. Тут уместно напомнить, что во времена Дизраэли члены парламента редко были профессиональными политиками, избранными при поддержке своей партии и обязанными строго следовать партийной линии. На самом деле (и это особенно характерно для партии тори) в парламент избирались влиятельные в своих графствах люди — землевладельцы, судьи, члены городских советов, крупные предприниматели, — привыкшие к почтительному отношению. «Хорошо или плохо, — писал о них Дизраэли, — но это люди благородные, хорошего происхождения и воспитания, великодушные и щедрые, имеющие вес и положение в обществе». Они не привыкли, чтобы их третировали, что позволял себе Пиль.

Суть их недовольства недвусмысленно выразил лорд Джордж Бентинк, ранее незаметный член парламента от партии тори,

ставший теперь самым ярким противником Пия. Премьер-министр «оскорбил честь парламента и страны, — заявил Бентинк, — и настало время искупить вину перед обманутыми избирателями империи». И еще более резко: «Я держу лошадей в трех графствах и слышу, что свободная торговля сэкономит мне полторы тысячи фунтов в год. Так вот, мне это безразлично, а чего я действительно не выношу, так это того, чтобы меня *продавали*». Именно такое представление о чести было понятно Дизраэли. Он считал себя аристократом по рождению и намеревался использовать свое знание психологии аристократа, отточенное многими годами наблюдений, чтобы сплотить консерваторов в борьбе против Пия.

В серии речей, произнесенных зимой и весной 1846 года, Дизраэли старательно втолковывал слушателям три взаимосвязанных положения. Во-первых, по его мнению, Пиль — беспринципный оппортунист. «В моем представлении великий государственный деятель должен выражать великую идею, — говорил он, — [в то время как Пия] можно назвать великим политиком с тем же основанием, что кучера — великим хлыстом». (Позже он сравнил подход Пия к Хлебным законам с тем, как няня обращается с доверенным ей младенцем, который «разбил себе голову».) Во-вторых, Дизраэли напомнил тори, что они в свое время дали честное слово поддерживать Хлебные законы: «Люди не должны изменять принципу, который позволил им возвыситься, каким бы этот принцип ни был». И наконец, заявил Дизраэли (как и утверждал с первых шагов своей политической карьеры), представители земельной аристократии суть естественные руководители страны. «Вы цените принятое территориальное устройство не

потому, что оно позволяет вам удовлетворить собственное тщеславие или насладиться роскошной жизнью владельца земли, — говорил Дизраэли, — а потому, что в этом устройстве вы <...> нашли единственную надежную защиту своей независимости».

Столь действенными нападки Дизраэли на Пиля делали не только приводимые им резоны, но и манера произносить речи. Пиль славился своей надменностью. «Надо признать, — сказал он как-то, — что людям по душе определенная доля упрямства и самонадеянности в любом министре». После пяти лет пребывания в кресле премьер-министра он вызывал раздражение у многих своих единомышленников. Поэтому они с удовольствием наблюдали, как Дизраэли выводил Пиль из себя. «Журнал Фрейзера»* так описывал «своеобразный» стиль выступлений Дизраэли:

...он казался таким небрежным, надменным, безразличным, не дающим себе труда кому-то понравиться. <...> Он не столько произносил слова, сколько они сами лились из его рта — будто для такого умного, блестящего человека, мастера слова, сам процесс речи был слишком уж хлопотным делом. <...> В намеках, ироничных усмешках, жестах презрения, которое благовоспитанность не позволяет ему выразить словами, — в передаче подобной скрытой неприязни с помощью взгляда, движения плеч, изменения тона голоса или едва уловимой гримасы он не имеет себе равных.

* «Журнал Фрейзера», полное название «Журнал Фрейзера для города и деревни» — общественно-литературный консервативный журнал, издававшийся в Лондоне с 1830 по 1882 год.

Наступление на Пиля достигло высшей точки 15 мая, когда Дизраэли произнес речь, в которой три часа обличал премьер-министра, назвав его «грабителем, присвоившим себе чужой ум», обвинив в «мелком политическом воровстве» и заключив свою филиппику громким призывом служить «делу труда, делу народа, делу Англии!» Однако сражение, как и следовало ожидать, Дизраэли проиграл. С самого начала было ясно, что поддержка Пиля вигами и умеренными тори (их стали называть «пилитами») приведет к отмене Хлебных законов. Но войну в целом Дизраэли и Бентинк выиграли, нанеся Пилю столь тяжелый урон, что он уже не смог оставаться лидером партии консерваторов. Через месяц, когда состоялось голосование по биллю о полицейских мерах в Ирландии, основная масса консерваторов (теперь они называли себя протекционистами) вместе с вигами проголосовала против, и Пиль был вынужден подать в отставку. Ему удалось отменить Хлебные законы, но только ценой своей собственной карьеры. В 1850 году он умер, так и не вернувшись в кресло премьера.

Отставка Пиля открыла Дизраэли путь наверх. Но она же служит примером половинчатости всех его побед. Борьба с Пилем (подобно его роману «Вивиан Грей» и избирательной кампании в Хай-Уикоме) принесла Дизраэли скорее нежелательную известность, чем успех. Когда Пиль оставлял пост премьер-министра, соотечественники любили его гораздо больше, чем его победителя. Даже Исаак Д'Израэли сказал сыну, что Пиль «славный мальчик, единственный, кого любят в Англии». Ко всему прочему в ходе дебатов Пиль как-то раз упомянул, что в 1841 году Дизраэли упрашивал дать ему место в правительстве. В результате вместо принципиального

оппозиционера Дизраэли предстал в образе неудачливого просителя, и ни у кого не вызывало сомнения, что, стань Дизраэли членом кабинета Пиля, он никогда не затеял бы свой праведный крестовый поход против премьер-министра.

О смешанных чувствах, вызванных победой Дизраэли, можно судить по письму, которое он получил от члена партии тори лорда Понсонби. Лорд отдал должное таланту Дизраэли, сказав, что тот был «рожден, чтобы занять место в первых рядах славнейших руководителей [Англии] и быть ее гордостью». Но свое восхваление Понсонби выразил так, что Дизраэли следовало задуматься: «Не думаю, что какому-нибудь оратору Древнего Рима или Англии когда-либо удавалось добиться такого совершенства, которое вы продемонстрировали, распиная Пиля. На его месте я бы бросился на вас с кинжалом или побежал домой и там повесился». Самый известный еврей Англии «распял» всеми любимого английского лидера: в этом слышны неприятные отголоски того намека на богоубийство, который некогда заставил Дизраэли вызвать на дуэль О'Коннелла. Многие чувствовали: успех Дизраэли был впечатляющим, но в его достижении он не проявил благородства — истинный англичанин так бы не поступил. Один из видных пилитов сказал, что Дизраэли «в дебатах прорубает себе дорогу к власти подобно индейцу с томагавком». А королева Виктория заметила, что Палате общин следовало бы «стыдиться» того, что она терпит в своих рядах «этого отвратительного мистера Д'Израэли». Даже граф Дерби, занявший пост лидера консервативной партии после Пиля, был вынужден признать, что «пилиты в Палате общин испытывают к Дизраэли подозрительность и ненависть (и это не преувеличение)».

Репутация Дизраэли была не последней из причин, по которым в последующие двадцать лет консерваторы редко находились у власти. Когда Пиль распрощался с протекционистами, со временем вернувшими себе название консерваторов, вместе с ним ушли члены его кабинета. Почти все тори с опытом работы в правительстве, включая Гладстона, были теперь пилитами, и они образовали независимую фракцию в парламенте. И пока Дизраэли находился во главе консерваторов, пилиты не желали с ними объединяться. Дизраэли даже несколько раз вызывался покинуть пост лидера партии, если это вернет Гладстона и других влиятельных политиков в круг единомышленников, но их ожесточение было слишком сильным. На протяжении следующих двух десятилетий Англией управлял союз вигов и пилитов, а консерваторы оставались в оппозиции. Лишь когда правящая коалиция из-за личных или политических трений на короткое время распадалась, консерваторы получали возможность ненадолго сформировать хотя бы слабое правительство. Борьба с Пилем дала наконец Дизраэли возможность занять ведущее место в партии, но пост премьер-министра по-прежнему казался чем-то далеким.

С 1846 года и до своей отставки в 1868 году лидером консерваторов в Палате лордов был граф Дерби. В то же время в Палате общин пользовались безусловным авторитетом и обладали достаточными способностями только Бентинк и Дизраэли, при этом Бентинк, который до того, как попасть в парламент, был с головой увлечен скачками, оказался довольно вялым и безынициативным лидером партии. Обстоятельства сложились так, что Дизраэли пришлось почти сразу занять этот пост, причем самым странным образом. Даже в романе он не смог бы представить, что еврей станет лидером самой антиеврейской фракции в парламенте в результате дебатов именно по еврейскому вопросу.

В середине девятнадцатого века положение английских евреев было, пожалуй, лучше, чем в любой другой европейской стране. Члены видных еврейских семей стали пользоваться уважением в английском обществе и даже занимать почетные должности: в тридцатые годы Мозес Монтефиоре был первым евреем, которого избрали на пост шерифа Лондона, а

Ф. Г. Голдсמיד* — первым евреем, допущенным к юридической практике. Однако занять место в парламенте некрещеный еврей по-прежнему не мог. Такое положение сложилось не в результате целенаправленной антиеврейской политики, но стало невольным следствием издавна принятой процедуры. В годы правления Вильгельма III членов парламента обязали приносить «присягу отречения», согласно которой они отрекаются от верности низложенной династии Стюартов. Ко временам Дизраэли Стюарты стали давней историей, однако закон по-прежнему требовал приносить эту присягу, включающую в себя слова «верую истинного христианина», произносить которые верующий еврей не мог. В конце двадцатых годов, примерно в то время, когда дебатировался вопрос о правах католиков, еврейская община начала призывать к изменению формулировки присяги. Первый законопроект такого рода парламент рассмотрел — и отклонил — в 1830 году. Еще три попытки были сделаны в тридцатые годы, и каждый раз закон отклоняла Палата лордов.

Впрочем, вопрос о допущении евреев в парламент оставался сугубо гипотетическим. Все члены парламента еврейского происхождения исповедовали христианство, и у них не возникало проблем с присягой (к таковым относились и экономист Давид Рикардо, и сам Дизраэли). Однако в 1847 году, во время первых после отставки Пия выборы, в парламент от Лондона был избран Лайонел де Ротшильд. В результате

* Фрэнсис Генри Голдсמיד (1808–1878) — общественный и политический деятель. Его труды «Замечания о гражданском неравноправии евреев», «Ответ на доводы против отмены неравноправия» и другие сыграли значительную роль в кампании за эмансипацию евреев.

еврейский вопрос потребовал практического решения, и каждому политику пришлось занять определенную позицию. Для либералов, как теперь назывались виги и их союзники из партии радикалов, никаких трудностей в связи с этим не возникло. С 1688 года виги были партией религиозной свободы, Ротшильд избирался именно от либералов, и большинство английских евреев голосовали именно за эту партию.

В декабре 1847 года либерал Джон Рассел, новый премьер-министр, внес законопроект, предполагающий освобождение евреев от необходимости приносить присягу со словами «верую истинного христианина». Со всей очевидностью большинство депутатов Палаты общин готово было проголосовать за этот закон. Не стоит забывать, что и протестантские диссентеры*, и католики уже получили доступ в парламент, причем их было гораздо больше и исторически они занимали более враждебную позицию по отношению к англиканской церкви, чем евреи. Большинство членов парламента соглашались с Гладстоном, что «допущение весьма малочисленной группы евреев в парламент» вряд ли могло «ослабить или подорвать христианскую веру всех тех, кто уже там заседает».

Однако в партии консерваторов на это смотрели иначе. Консерваторы составляли фракцию, в наибольшей степени связанную с традицией и приверженную англиканской церкви. В Палате лордов пары из партии тори, без сомнения, имели возможность отклонить билль об эмансипации евреев. Даже в Палате общин рядовые члены консервативной партии опасались,

* Диссентеры — английские протестанты различных направлений, отделившиеся от господствующей англиканской церкви.

что, допустив Ротшильда в парламент, они тем самым косвенно признают, будто Англия более не является христианской страной. Лорд Шафтсбери, чья озабоченность судьбой евреев ограничивалась Палестиной, предупредил, что, открыв сейчас двери парламента для евреев, «нам со временем придется отстаивать белый парламент, а то и вести решающий бой за парламент без женщин».

Таким образом дебаты об эмансипации евреев поставили Дизраэли в крайне неловкое положение. Пост лидера консерваторов он занимал менее года, и даже его однопартийцы относились к нему с подозрением. Проголосуй он за эмансипацию евреев наперекор большинству тори, это бы им лишний раз напомнило, что ими руководит еврейский «авантюрист», а это ненормально. Но альтернатива — проголосовать против эмансипации — была для него немислимой. Политические принципы Дизраэли, как и его чувство собственного достоинства, требовали, чтобы он поддержал притязания евреев, о которых он только что с такой страстью рассуждал в «Танкредe».

Дизраэли мог бы облегчить свое положение, не произнося речи, а проголосовав молча. Однако он счел необходимым объяснить причины, по которым поддерживал эмансипацию евреев. «Я не могу допустить, чтобы в Палате создалось ложное представление о моей позиции по этому вопросу», — заявил он. В частности, он хотел со всей определенностью указать, что вовсе не руководствуется убеждением о необходимости предоставить всем свободу вероисповедания. С такой типичной для либералов позицией они и поддерживали требование евреев, а в более демократичные времена эта точка зрения стала вполне убедительной. Действительно,

диссентеры и католики уже получили право представительства в парламенте, так почему не предоставить его евреям? Историк Маколей* высказывал подобные мысли в одном из своих известных эссе: «Нам трудно понять, почему человек должен считаться менее достойным иметь власть <...> если он носит бороду, не ест ветчину и ходит по субботам в синагогу вместо того, чтобы ходить по воскресениям в церковь».

Дизраэли, впрочем, не соглашался с аргументацией, в основе которой лежала идея, будто все люди должны иметь равные права на власть. Напротив, его разновидность консерватизма опиралась на предположение, что исключительное право на власть принадлежит аристократии, которая, в свою очередь, обязана использовать свои права для достижения общего блага. Если Дизраэли не мог выступать за допущение евреев в парламент на основе их естественных прав, то он должен был найти другой убедительный мотив. Он выбрал теологический, основанный на идеях, ранее провозглашенных в «Танкреде». Евреи, утверждал Дизраэли, заслуживают уважения со стороны христиан, поскольку именно евреи создали христианское учение.

В своем романе Дизраэли написал, что «христианство — это иудаизм для масс». Теперь он вернулся к этой теме, заявив, что различие между этими двумя вероисповеданиями ничтожно. Он снова выступал в неблагодарной роли «пустой страницы» между Ветхим и Новым Заветами, пытаясь соединить то, что большинство людей считало навечно разъединенным.

«Главная причина для допущения евреев в парламент заключается в том, что они

* Томас Бабингтон Маколей (1800—1859) — британский государственный деятель, историк, поэт и писатель.

находятся с вами в близком родстве, — убеждал Дизраэли. — Чего стоит ваше христианство, если вы не верите в их иудаизм?» Он даже повторил рассуждение Сидонии, что создали христианство «исключительно евреи»: «Все ранние христиане были евреями. Христианскую религию первыми стали проповедовать люди, которые до своего обращения были иудеями; в ранние периоды нашей церкви все те, чьими силами, чьим рвением или талантом распространялась христианская вера, были евреями». По этой логике отлучение евреев от парламента было бы кощунством по отношению к самому Иисусу. «Я не возьму на себя, — мелодраматически завершил свою речь Дизраэли, — ответственность за исключение из законодательного органа тех, кто исповедует религию, в лоне которой рожден наш Господь и Спаситель».

В известном смысле эта речь Дизраэли была шедевром ораторского искусства. До сих пор суть дебатов состояла в том, чтобы парламент принял решение, следует ли проявить определенную благосклонность по отношению к евреям. По мысли же Дизраэли позиции сторон поменялись местами. Получалось, что именно евреи давным-давно облагодетельствовали Англию, создав религию, которую исповедуют англичане; без «гения иудаизма» не было бы и христианства. Таким образом, разрешение евреям заседать в парламенте было не милостью, а возвратом долга. «Если вы не забыли, чему обязаны этому народу, — наставлял он членов Палаты, — то вы как христиане должны с радостью ухватиться за ближайшую возможность, чтобы удовлетворить просьбу тех, кто исповедует эту веру». Аристократическая гордость снова заставила Дизраэли в своем воображении преобразить еврейство, переведя

его из униженного состояния в состояние превосходства.

Однако Палата общин не разделяла убеждений Дизраэли и не согласилась с его выводами. Для большинства депутатов главным оставалось не то, что сближает христианство с иудаизмом, а то, что их отличает друг от друга. Согласиться с тем, что английские христиане были просто более поздним вариантом или подобием евреев, они не могли. Так что с практической точки зрения выступление Дизраэли оказалось серьезной ошибкой, напомнившей всей Палате, что в вопросах религии, как и в других, на него нельзя полагаться. Его речь неоднократно прерывалась недовольным гулом, а когда он закончил, аплодисментов не последовало. Консервативная «Морнинг геральд» высокомерно поучала его: «Теология, мистер Дизраэли, не ваше призвание. Выкрики с места и “громкий смех”, прозвучавшие в четверг в Палате общин, свидетельствуют о том впечатлении, которое ваша проповедь произвела на всех христиан нашей страны». Консерваторы были потрясены, один из парламентариев выразил свое возмущение так: «Должен ли я <...> аплодировать Дизраэли, когда он заявляет, что между теми, кто распял Христа, и теми, кто преклонил колени перед распятым Христом, не существует никакой разницы?»

Поняв, что переубедить тори ему не удастся, Дизраэли больше не высказывался по еврейскому вопросу. «Если бы я думал, что сказанное мною послужит достижению цели, дорогой моему сердцу и близкой моим убеждениям», — объяснял Дизраэли, он продолжал бы произносить речи в защиту эмансипации евреев. «Но поскольку я убежден, что мое мнение по этому вопросу не разделяет в Палате ни один член ни

одной партии», — продолжил Дизраэли, то он проголосует молча. Будет еще немало случаев, когда он предпочтет не высказываться. В 1847 году большинство в Палате общин уже склонялось к отмене ограничений для евреев. Однако Палата лордов стояла на своем, и Лайонел де Ротшильд не смог попасть в парламент. Его избирали еще дважды, в 1849 и 1852 году, и каждый раз необходимость принести присягу оставляла его за стенами парламента.

Только в 1858 году, когда Ротшильд снова выиграл выборы, парламент пришел к типично английскому компромиссу. Каждая Палата получила возможность составить текст собственной присяги, чтобы Палата общин смогла наконец принять в свои ряды еврея, а Палата лордов — сохранить за собой возможность наложить запрет. Лайонел де Ротшильд занял свое место в парламенте и удерживал его последующие шестнадцать лет — и за все эти годы не произнес ни одной речи: своего он уже добился. Со временем и Палата лордов перестала упорствовать, и в 1885 году, когда Натаниэль, сын Лайонела, стал первым евреем, получившим титул пэра, он занял свое место в Палате лордов, не встретив каких-либо препятствий. Так всегда и случается: стоит преодолеть любой предрассудок, как он тут же начинает казаться нелепым.

Впрочем, в 1847 году дебаты по еврейскому вопросу имели существенные негативные последствия. По логике вещей главной жертвой недовольства консерваторов должен был стать Дизраэли. Партия, которая голосовала против эмансипации евреев, вполне могла бы возмутиться тем, что ее возглавляет еврей да еще со столь необычными религиозными взглядами. Однако за эмансипацию голосовал и лорд Джордж Бентинк, и, как оказалось, основной

удар тори пришелся именно по нему. Если уж на то пошло, консерваторы вряд ли ожидали, что Дизраэли проголосует иначе. Они даже были готовы оценить его твердость в отстаивании интересов соплеменников: через несколько лет один из консерваторов в парламенте воздал должное «отваге и достоинству, с которыми [Дизраэли] выступил в защиту еврейского народа». Дизраэли снова продемонстрировал верность правилу Даниэля Деронды: позорно не быть евреем, а пытаться отрицать свое еврейство.

У Бентинка, однако, таких оправданий не оказалось. Он голосовал за эмансипацию евреев из принципа, но откровенно признал, что, по его мнению, обсуждение этого вопроса — пустая трата времени. «Я всегда, как мне кажется, голосовал за евреев, — писал он. — Я говорю “как мне кажется”, потому что никогда не проявлял особого интереса к этому вопросу и вряд ли помню точно, как голосовал». В Англии обитало так мало евреев, а из них так мало могло претендовать на место в парламенте, что, как считал Бентинк, эта полемика касается исключительно Лайонела де Ротшильда: «Еврейский вопрос я воспринял как вопрос личный, как я воспринял бы вопрос о крупном частном имуществе или Билль о разводе».

Но и Бентинк решился на шаг, вызвавший противоречивую реакцию, — он произнес речь об эмансипации евреев, тем самым привлекая внимание однопартийцев к своей непопулярной позиции. Для этого у него были две причины. Во-первых, ему претили предрассудки консерваторов: «Партия, которая может собрать 140 голосов при голосовании по еврейскому вопросу и не способна собрать немногим больше половины от этого количества при голосовании по любому вопросу, действительно связанному

с насущными интересами страны, — такая партия руководствуется лишь своими антипатиями, своей ненавистью, своими предрассудками». Во-вторых, после того, как они вместе с Дизраэли противостояли Пилю, Бентинк не захотел оставить его без поддержки. «Я не хочу, чтобы Дизраэли остался в одиночестве, голосуя наперекор всей партии, — в таком случае и я уступил бы предрассудкам толпы», — писал он. Еще одно свидетельство того, насколько серьезно стоял для Бентинка вопрос чести.

Результат был довольно нелепым. Архипротестантское крыло партии тори восстало против лидерства Бентинка. «Мы отправили в отставку премьера, когда он настаивал на мерах, которые мы посчитали вредными для страны, — писала «Морнинг геральд», имея в виду Пиля. — Так можем ли мы поддерживать лидера партии, занявшего его место, если он ратует за принятие закона, который мы, христиане, полагаем ненавистным Господу?» Бентинк — а он всегда тяготился руководящим постом — воспользовался этим недовольством и подал в отставку. Однако после ухода Бентинка возглавить фракцию тори в Палате общин был способен только Дизраэли: ни один член Палаты не мог сравниться с ним в искусстве парламентской борьбы и таланте оратора. У партии не оставалось выбора, как только передать пост лидера единственному человеку, чьи взгляды на еврейский вопрос были еще более оскорбительны для тори, чем взгляды Бентинка.

Правда, в течение 1848 года тори пытались как-то существовать без официального лидера. Затем, после внезапной смерти Бентинка в сентябре, они слепили некий руководящий комитет, в который помимо Дизраэли вошли два более уважаемых члена Палаты. Но орган этот

носил исключительно формальный характер, и через несколько лет о нем забыли. До 1851 года фактически, а затем и официально лидером консерваторов в Палате общин был Дизраэли. Этот пост он некогда отчаялся получить, и только благоприятное сочетание политических размолвок, личной неприязни и безвременных смертей позволили ему претендовать на него. Как заметил один политик, Дизраэли был «абсолютно одинок, он остался на шахматной доске единственной фигурой со стороны консерваторов, которая возвышалась над уровнем обычной пешки. <...> В таком положении оказывается младший офицер на поле сражения, когда все его начальники убиты или ранены».

Выдвижение Дизраэли на пост лидера партии совпало с важными переменами в его личной жизни. В апреле 1847 года умерла его мать, а вслед за ее уходом, в январе 1848-го, скончался отец. Хотя оба родителя не обратились в христианство, их похоронили на церковном кладбище Браденхема, где они жили последние двадцать лет. Оставшись верным своему обыкновению не говорить о матери, Дизраэли ни словом не обмолвился о ее кончине. Но смерть Исаака побудила его отредактировать новое издание произведений отца и в память о нем написать очерк о его жизни. Он с нежностью вспоминал о характере Исаака, столь не похожем на его собственный: «Философическая безмятежность нрава, ясность судьбы, возвышенность устремлений — все это вместе позволило ему пройти жизненный путь, не совершая дурных поступков и почти без дурных мыслей». Дизраэли знал, что о нем самом никто не скажет таких слов. Его отличие от отца нигде не проявлялось так ярко, как в способности отбросить «безмятежность» литературного поприща ради политической борьбы. Дизраэли вообще ни разу не пришлось упрекнуть себя за то, что он называл «одной из

немногих слабостей [Исаака], <...> а именно, недостаточно развитое чувство самоуважения». Его собственное понимание иудаизма в значительной степени определялось настойчивым желанием сформировать гордый и самодостаточный еврейский характер в отличие от скромного «слияния», к которому призывал Исаак.

Смерть отца означала, что Дизраэли как старший сын вступил в права на немалое наследство. Его не хватило для уплаты всех долгов, которые уже съели значительную часть дохода Мэри-Энн, но полученная сумма пришлась кстати для завершения уже начатого серьезного дела — приобретения загородного имения. После смерти Исаака Дизраэли более не мог пользоваться Броденхемом как пристанищем и местом организации избирательных кампаний в Букингемшире. Что еще важнее, лидер консервативной партии, традиционно состоявшей из землевладельческой знати, должен и сам быть сельским джентльменом, а обеспечивать этот статус могло только владение землей. Для политика, который только-только сделал себе имя, отстаивая «территориальное устройство» Англии, казалось довольно странным, что сам он не имеет таких территориальных корней.

На выборах 1847 года он начал исправлять это положение, заменив Шрусбери на новый округ графства Букингемшир. Округа городские (и более коррумпированные) считались естественной сферой влияния вигов, а графства, где выборы не требовали больших затрат и проходили более достойным образом, были игровой площадкой тори, и победа от графства помогла Дизраэли упрочить свое положение в партии. Годы спустя о своем избрании членом парламента от графства он писал: «...это стало событием в моей политической жизни, которое принесло

мне огромное удовлетворение». Впервые в жизни Дизраэли принадлежал к классу, который всегда превозносил.

Процесс трансформации завершился в конце 1848 года, когда Дизраэли купил Хьюгенден, поместье по соседству с Хай-Уикомом. Но то, каким образом он смог приобрести это поместье, показывает, до чего уязвимым оставалось его новое положение. Увязнув в долгах, он не мог позволить себе приобрести дом и землю и обратился за помощью к лорду Джорджу Бентинку, а затем, после его неожиданной смерти, к братьям Бентинка. Те согласились дать ему 25 000 фунтов для завершения сделки, полагая, что вкладывают средства в его политическую карьеру, а следовательно, в будущее консервативной партии. Дизраэли заявил Бентинкам прямо, что для них «не будет никакого смысла, а для меня никакой радости, если я не стану играть серьезную роль в политической жизни, а этого я не смогу добиться без твердой опоры».

Он так и не смог вернуть братьям деньги, и через много лет, когда Бентинки потребовали возврата долга, Дизраэли пришлось найти на их место другого жертвователя на нужды консервативной партии. Однако он выразил свою благодарность способом более долговечным: написал книгу «Лорд Джордж Бентинк. Политическая биография», которая вышла в 1851 году. По сути, это была не биография, а описание — из первых рук — кампании по смещению Пиля, причем роль Бентинка автор подчеркнул, а собственную принизил. Для заинтересованного в предмете читателя это одна из самых увлекательных книг Дизраэли, запечатлевшая человеческую драму в мире политики с такой выразительностью, которая редко встречается в мемуарах политических деятелей. Кроме того, специальное отступление

длиною в целую главу посвящено теологической и национальной трактовке иудаизма, предложенной Дизраэли во время парламентских дебатов по вопросу эмансипации евреев.

Однако и теперь, владея землей, Дизраэли не стал истинным сельским джентльменом со всеми пристрастиями и предубеждениями, которые давались этим положением. Хьюгенден был его билетом на вход в сферу «высокой игры», и хотя он любил проводить там время, для него удовольствия от сельскохозяйственных занятий и охоты не шли ни в какое сравнение с привлекательностью политики. Это отличает Дизраэли от многих его коллег по партии — те так и рвались из Лондона, если где-то маячила возможность насладиться скачками или охотой. Лорд Стэнли вспоминал, что Дизраэли «громко жаловался на вялость членов партии, которых в охотничий сезон было невозможно заставить заниматься делом. <...> У них хорошие природные способности, отмечал он, рассматривая их как некое целое, но им не хватает культуры, они вообще не читают и все свободное время проводят на охоте».

В то же время попытки самого Дизраэли выдать себя за сельского жителя представлялись натужными и неубедительными. Констанция Ротшильд с иронией замечала, «как он тщился предстать в образе, который навязал себе, образе сельского джентльмена! Вельветиновый сюртук, кожаные гетры, мягкая фетровая шляпа, а в белой руке, которая вряд ли держала что-нибудь тяжелее пера, — огромный нож для срезания с деревьев разросшегося плюща — так мистер Дизраэли изображал сквайра». Разумеется, соседи не торопились принимать Дизраэли за «сквайра». Он убедился, что ему было легче попасть в кабинет министров, чем заслужить

в провинции уважение представителей гордых семейств, что чванливо шествуют по страницам романов Джейн Остен. В 1858 году, когда он вторично стал канцлером казначейства, его порадовал визит сельского соседа, обратившегося к нему с просьбой о покровительстве. «Для семейства Тируитт-Дрейков просить меня об услуге, — злорадствовал Дизраэли, — это то же, что кому-то из Габсбургов умолять о чем-то худородного выскочку Наполеона. После тридцати лет презрения и угрюмства они исчезли, отступили под натиском времени и событий».

Однако пропасть между Дизраэли и потомственной земельной знатью его партии имела отношение не только и не столько к образу жизни — она привела к важным последствиям для политической стратегии. Дизраэли отнюдь не чувствовал себя удовлетворенным, просто переместившись на переднюю скамью оппозиции. Еще со времен «Вивиана Грея» он мечтал о власти, и теперь, когда вожденная цель была так близко, он не мог успокоиться, пока не вкусит ее сладость. Неистощимое честолюбие Дизраэли приводило к тому, что в парламенте он почти всегда выбирал наступательную стратегию, надеясь расколоть коалицию вигов и пилитов и сформировать консервативное правительство. Его намерения отражены в письме, которое он отправил другу в 1851 году: «Мы безусловно попытаемся еще раз сколотить правительство, хотя бы из любви к искусству». Однако Дерби, стоявший выше Дизраэли в партийной иерархии, занимал совершенно иную позицию. Быть графом Дерби уже значило быть великим, и, занимаясь политикой всю свою жизнь, он, в отличие от Дизраэли, не нуждался в должности министра для самоутверждения. Дерби вполне уютно чувствовал себя в оппозиции, особенно

если правительство проводило умеренную линию. А поскольку он пользовался значительно большими популярностью и влиянием, чем подчиненный ему Дизраэли, то терпеливая политика Дерби восторжествовала.

В результате Дизраэли весь начальный этап своей карьеры — с 1847 по 1866 год — почти непрерывно оставался в оппозиции. В своих речах он касался важнейших событий этого периода — Крымской войны, Индийского восстания, Гражданской войны в Америке, — но не играл в них заметной роли. Его тактические маневры как лидера оппозиции — важная глава британской политической истории, но они вполне могут целиком вписаться в краткий обзор. С самого начала Дизраэли поставил себе цель вернуть в основное русло политической дискуссии протекционистскую партию, слышшую до крайности консервативной и реакционной фракцией. Для этого следовало прежде всего убедить партию отказаться от противодействия свободной торговле, которая быстро превратилась в священную корову викторианской политики. Дело требовало изобретательности, поскольку в борьбе с Пилем Дизраэли использовал именно отказ последнего от принципов протекционизма. Как прагматик Дизраэли понимал, что Хлебные законы уже мертвы — «не только мертвы, но и прокляты», как он выразился, — а потому обвинения, что он, не придавая никакого значения этим законам, просто использовал поднятый вокруг них шум в своих личных целях, кажутся вполне справедливыми.

Эти подозрения полностью так и не рассеялись. До конца жизни враги, а иногда и друзья, считали Дизраэли, по сути дела, оппортунистом. Лорд Стэнли восторгался им, но и он признавался в своем дневнике: «...не следует

делать вид, будто [Дизраэли] придерживается каких-либо принципов в политике или что его цели бескорыстны и патриотичны». Троллоп открыто выступил с подобным обвинением в романе «Финеас возвратившийся», где Дизраэли (которого легко узнать в мистере Добни) сравнивается с кондотьером времен Возрождения: «Как это бывало с итальянскими государями, [тори] поручали свои дела наемным иностранным военачальникам, солдатам удачи, которые пускали в ход свои славные шпаги там, где в них возникала надобность».

Ни один читатель романов Дизраэли не станет отрицать, что в этой характеристике есть доля правды. Дизраэли не относился к тому редкому виду политиков, которые занимаются своим делом бескорыстно, ради продвижения близких сердцу идей. Он был, конечно, привержен определенным принципам — романтическому консерватизму, окрашенному искренним участием в судьбах бедноты, Дизраэли оставался верен с первой избирательной кампании до последней. Но он и сам не скрывал, что двигателем его карьеры была жажда славы. Вот что он говорил своим избирателям в 1844 году: «Нет сомнения, господа, что все люди, которые предлагают себя в качестве кандидатов и ждут поддержки избирателей, руководствуются определенными мотивами. Я открыто признаюсь, что они есть и у меня, и я скажу вам, что это за мотивы: я люблю славу, я люблю общественное признание, я люблю жить на виду у моей страны».

При этом, как отмечал Дизраэли, похожие мотивы характерны для всех успешных политиков — в противном случае они не стали бы политиками. Если Гладстон и смог убедить самого себя, будто все, что он делает, продиктовано исключительно велением совести, то другие не

могли не заметить, что эта совесть странным образом ухитрилась сделать его премьер-министром. Почему же в таком случае репутация авантюриста прилипла только к Дизраэли? Отчасти это стало неизбежным результатом положения тори в политике средневикторианского периода. Плывая против течения торжествующего либерализма, любой лидер консерваторов оказывается перед необходимостью выбросить за борт кое-какие милые сердцу предрассудки. Так случилось с Пилем, когда тот восстал против протекционизма, и так случилось с Дизраэли, когда он занял место Пиля. «Я должен был <...> обучить нашу партию», — заявил он в 1867 году, но такого рода обучение практическим уловкам некоторые тори посчитали просто-напросто цинизмом.

Однако каковы бы ни были политические причины, по которым честолюбие Дизраэли вызывало подозрение, в их основе лежало его еврейство. У таких политиков, как Дерби или Рассел, не было нужды маскировать альтруизмом свое стремление к власти. Для богатых английских аристократов «высокая игра» в политику была столь же естественным занятием, как учеба в Итоне и Оксфорде или как охота и сельское хозяйство, — все это давалось им по праву рождения. Но Дизраэли, который не оканчивал эти учебные заведения и не предавался сельским утехам, не только не был аристократом: в глазах многих, а возможно, и в собственных, он даже не был англичанином. Вступая в политику, он как бы присваивал себе права, которые ему не принадлежали, — точно так, как в Хьюгендене он одевался как сельский джентльмен, что ему никак не шло.

Только этой логикой можно объяснить, почему Дизраэли продолжал встречать на своем

пути такое энергичное сопротивление даже после десятилетий верной службы своей стране. К 1868 году, когда он впервые занял пост премьер-министра, он уже более тридцати лет был членом парламента и двадцать лет лидером партии; тем не менее леди Пальмерстон все еще сетовала: «Для нас крайне неприятна перспектива заполучить еврея на посту премьер-министра». Даже через тридцать лет после смерти Дизраэли в посвященной ему статье Британской энциклопедии говорилось, что «он был англичанином только в своей преданности Англии». Принижая Дизраэли как еврея, ему отказывали и в его притязаниях на принадлежность к английской нации.

Парадокс карьеры Дизраэли состоит в том, что он стал премьер-министром, хотя так и не смог побороть широко распространенное мнение, что занимать этот пост ему не следует. Его избрали в первую очередь благодаря твердым принципам английского либерализма, который сделал неприкрытую религиозную дискриминацию отталкивающей в глазах общества. Сам Дизраэли не слишком-то ценил либерализм такого рода, предпочитая говорить об исключительности евреев, а не защищать их права; тем не менее, он оказался самым выдающимся его бенефициарием. Рука об руку с либерализмом выступало, по всей видимости, чувство честной игры, инстинктивно присущее англичанам в еще большей степени. Раз Дизраэли делал работу, которая требовалась для успешной политики, то создавалось ощущение, что он эту награду заслужил. Именно в таком духе (без восторга, но и без зависти) Стэнли признал право Дизраэли на новый пост, выразив перед этим сожаление по поводу его беспринципности: «Целеустремленность, презрение к злословию, неистощимая энергия <...> это редкое

в политической или частной жизни сочетание, безусловно, заслуживает уважения».

Десятилетия, которые Дизраэли провел в оппозиции, также немало поспособствовали его триумфу, хотя в то время он, возможно, и не оценил этого в должной степени. Потребовалось время, чтобы парламент и страна привыкли к столь необычному политику. В качестве лидера оппозиции в Палате общин он занимал общепризнанное место в сложившейся системе государственной власти и сохранял его так долго, что стал казаться естественной ее частью. «Самый лучший комплимент, который вы можете сделать женщине, — это уделить ей свое время, и то же самое относится к нашему парламенту, — писал Дизраэли. — Человек, который постоянно находится на своем месте, становится чем-то вроде фаворита». Он всегда находился на своем месте, а потому особенности его манеры вести дискуссию обрели широкую известность. Его безупречное произношение, его прием демонстративно смотреть на часы как раз в тот момент, когда ораторское неистовство оппонента достигает пика, его привычка перекладывать платок из руки в руку во время речи — все это стало хорошо известно в Палате, а благодаря газетам — и за ее пределами.

Дважды за эти годы Дизраэли удалось пересечь зал заседаний Палаты общин и занять место на правительственной скамье. В 1852 году раздоры между лидерами вигов привели к падению правительственной коалиции. Однако составить консервативный кабинет Дерби и Дизраэли смогли с большим трудом, поскольку все наиболее известные члены партии покинули ее вместе с Пилем. В правительстве оказалось столько посредственностей, что престарелый герцог Веллингтон, слушая перечисление их

имен, то и дело переспрашивал: «Кто-кто?» — в результате чего родилось уничижительное название нового кабинета — «Правительство Кто-кто?». Дизраэли получил пост канцлера казначейства, ответственного за формирование бюджета, хотя и не имел опыта финансовой деятельности (и состояние его собственных финансов вряд ли говорило в его пользу). Когда он заколебался, Дерби подбодрил его словами «цифры вам дадут» — превосходный пример духа непрофессионализма, который по-прежнему царил в управлении империей.

Через пятнадцать лет пребывания в парламенте Дизраэли наконец получил министерский пост и в полной мере наслаждался этим моментом. Как он признался одному из коллег, он «чувствовал себя подобно юной девушке, которая отправляется на свой первый бал». Однако консервативное правительство не имело большинства в Палате общин, и его могли сменить в любой момент, как только виги и пилиты решат приложить к этому усилия. В декабре, когда Дизраэли представил свой первый полный бюджет, Гладстон не оставил от него камня на камне, назвав его «самым антигосударственным по своим замыслам» из всех, которых ему довелось видеть. Палата проголосовала против бюджета, вынудив правительство уйти. Первый срок пребывания Дизраэли во власти длился всего десять месяцев. И что было горше всего, его место в казначействе занял Гладстон.

В следующий раз возможность занять пост в правительстве представилась Дизраэли лишь через шесть лет. Правда, в 1855 году, когда правительство пилитов покрыло себя позором за ведение Крымской кампании, консерваторы могли бы, приложив усилия, вернуться к власти. Но Дерби, по обыкновению, отказался

от наступательных действий и дал стать премьер-министром лорду Пальмерстону из консервативного крыла вигов. Пальмерстон повел войну энергично, приобрел огромную популярность и с одним перерывом оставался на своем посту десять лет. Дизраэли был в ярости: он считал, что Дерби просто не проявил решимости и тем подвел партию. «У меня никогда не было достаточной поддержки, — писал он годом ранее. — Все выдающиеся политики, которых мне довелось знать, пусть даже их из вежливости называли “целеустремленными”, оказывались несостоятельными в большой игре». И снова обстоятельства сложились так, словно их целью было научить Дизраэли совершенно не свойственной ему добродетели — терпению.

Он сможет вернуться в казначейство в феврале 1858 года, когда после дипломатического недоразумения с Францией пало правительство Пальмерстона. Консерваторы снова сформировали правительство меньшинства, и оно, как и прежде, оставалось у власти менее года. На этот раз оно потерпело поражение в связи с новым Биллем о реформе — консерваторы попытались возглавить процесс, в результате которого стал неизбежен второй круг избирательной реформы. Либералы объединились, чтобы провалить законопроект, но проблема осталась. В третьем правительстве Дерби необходимость расширить избирательные права и остаться при этом верным консервативным принципам создаст для Дизраэли самую серьезную проблему в его политической карьере.

Даже если Дизраэли занимал правительственный пост не так долго, чтобы серьезно повлиять на политику, ему была по душе слава,

сопровождая его как члена кабинета. К этому времени у него появился новый друг, с которым он мог разделить свой триумф. В 1851 году Дизраэли совершенно неожиданно получил письмо от некоей миссис Бриджес-Уильямс, полковничьей вдовы, которая возымела желание сделать его наследником своего состояния. Подобная щедрость, сообщалось в письме, объясняется тем, что миссис Бриджес-Уильямс была урожденной Сарой Мендес да Коста из рода сефардских евреев и видела в Дизраэли защитника еврейского народа. По размышлении Дизраэли принял это предложение и в 1863 году, когда его благодетельница скончалась, унаследовал тридцать тысяч фунтов. Взамен этого она просила только одно — чтобы ее похоронили в Хьюгендене, на кладбище, где со временем упокоятся Дизраэли и Мэри-Энн.

Однако до той поры еще более ценным даром оказалась дружба миссис Бриджес-Уильямс, которая стала одной из лучших корреспонденток Дизраэли. Разумеется, Дизраэли рассматривал новую подругу, которой к моменту их первой встречи было под восемьдесят, как замену матери, последнюю в длинной череде влюбленных пожилых дам. Когда в 1858 году он вернулся в правительство, она была одной из первых, кому он об этом сообщил; когда же на следующий год Дизраэли покинул свой пост, последнее письмо на официальном министерском бланке он отправил именно ей.

Его письма миссис Бриджес-Уильямс часто содержали цветистые комплименты и советы медицинского характера. («За полчаса до сна хорошо съесть что-нибудь питательное, но при этом очень легкое — это волшебным образом поможет вам заснуть», — писал он.) Они обнажают некую сторону его личности, которую Дизраэли

скрывал от своих коллег. Его новая подруга явно могла понять рассуждения Дизраэли о евреях и еврействе лучше, чем даже Мэри-Энн. Он послал ей экземпляр «Танкреда» и сопровождал его такими словами: «...это оправдание, причем, как я полагаю, полное, того народа, из которого мы с вами вышли». То обстоятельство, что они оба были крещены и оба вступили в брак с христианами, позволило Дизраэли откровенно говорить ей о своем двойственном отношении к иудаизму: «Я, как и вы, не рос среди своих соплеменников и воспитывался в предубеждении к ним», — признавался он. Вероятно, именно по этой причине они оба с увлечением измышляли себе аристократические родословия, а миссис Бриджес-Уильямс заручилась поддержкой Дизраэли, когда захотела, чтобы ее «семейный герб» признала Геральдическая палата. Рассуждения Дизраэли об иудаизме не встречали благоприятного отклика почти ни у кого, но миссис Бриджес-Уильямс приняла их безоговорочно. В своем завещании она выражала «восхищение его усилиями по оправданию народа Израиля» и добавляла, что он знаком с ее оценкой этих усилий и «без сомнения, постарается добиться желаемого результата».

Но, возможно, больше всего Дизраэли ценил то, что может разделять с миссис Бриджес-Уильямс свои победы. В профессиональной жизни он был, по сути, одинок, так как не завязывал тесных дружеских отношений с коллегами, которые относились к нему с недоверием. Только тот, кто не имел отношения к миру политики — а в сущности, только еврей, — мог оценить, какой путь проделал Дизраэли, чтобы достичь своего нынешнего высокого положения. В письмах Дизраэли к миссис Бриджес-Уильямс, как и в письмах к сестре, подспудно отражается его

удивление всем тем, что с ним происходит. Он пишет о соседе по имению, чья усадьба некогда принадлежала лидеру пуритан Гемпдену*: «Такова история и такова жизнь! До чего ж странная штука и та и другая». Когда королева присылает ему «жирного барашка» из ее личного хозяйства, он отсылает шею миссис Бриджес-Уильямс, зная, что она разделит его удовольствие от приобщения к королевским щедротам.

Если для других сквайров подобная близость к истории и королевскому кругу была делом естественным, то для него это всегда казалось чем-то из волшебной сказки. Ощущение собственной непохожести никогда не покидало Дизраэли, и это остается одной из самых привлекательных черт его образа. Как писатель и как еврей, он был способен осознать необычность своего жизненного опыта, взглянув на него достаточно отстраненно — но не настолько отстраненно, чтобы получать от этого удовольствие. Напротив, собственные достижения радовали его значительно больше, чем других политиков, именно потому, что он никогда не смотрел на них как на нечто само собой разумеющееся. Он испытывал наслаждение особого рода, которое дано лишь тем, кто навоображал свою жизнь, а затем воплотил ее в действительность. И это наслаждение было полным лишь в том случае, если его можно было разделить с обожающими его женщинами — такими, как миссис Бриджес-Уильямс или Сара, чья смерть в 1859 году причинила ему глубокие страдания.

* Джон Гемпден (1594—1643) — один из лидеров парламентской оппозиции накануне Английской революции XVII в. С началом Первой гражданской войны участвовал в организации парламентской армии. 18 июня 1643 года был смертельно ранен в бою с королевскими войсками.

Когда Дизраэли наконец стал премьер-министром, один из друзей сочувственно сказал ему: «Если бы ваша сестра дожидая до вашего триумфа, она была бы безмерно счастлива». Дизраэли ответил: «Бедная Са! Бедная Са! Мы утратили тех, с кем можем поделиться радостью, мы утратили их».

К 1865 году Пальмерстон занимал пост премьер-министра уже десять лет (с одним перерывом), и казалось, конца этому не будет. Но в октябре, незадолго до своего восьмидесяти первого дня рождения, он скончался, и в кресло премьера вернулся либерал лорд Джон Рассел. Один из авторов Билля о реформе, принятого более тридцати лет назад, Рассел был полон решимости завершить начатое дело, добившись дальнейшего расширения избирательного права. Гладстон, ставший лидером Палаты общин от правящей партии (Дизраэли занимал пост лидера оппозиции), выступил сторонником новой реформы, которую, впрочем, трудно было назвать радикальной. Либералы предлагали снизить имущественный ценз для избирателей городских и сельских округов, что увеличивало число голосующих на четыреста тысяч. Однако и после этого лишь четверть взрослого мужского населения получила бы право голоса.

Нельзя сказать, что консервативная партия была решительно настроена против реформы (Дизраэли и сам в 1859 году пробивал в Палате Билль о реформе), но меры, предлагаемые Расселом, консерваторы полагали чрезмерными.

В одиночку тори не смогли бы провалить законопроект, но противником расширения избирательного права оказалась — наперекор лидерам партии — и группа либералов. Парламентские дебаты по этому вопросу продолжались три месяца, причем Дизраэли умышленно держался в тени, давая возможность критиковать билль диссидентам из либералов. Наконец в июне 1866 года, когда к консерваторам присоединились почти пятьдесят либералов, законопроект был отклонен. Правительство Рассела отправилось в отставку, а Дерби и Дизраэли в третий раз пришли к власти.

И снова положение тори оказалось шатким, поскольку их правительство не имело большинства в Палате общин. Однако на этот раз Дизраэли усмотрел способ продлить жизнь консервативного кабинета, вплотную занявшись сложной проблемой избирательной реформы, безотлагательность которой ощущалась все острее. Через месяц после законопроекта, предложенного Расселом, у лондонского Гайд-парка собрались сторонники реформы. Когда полиция преградила им доступ в парк, толпа из нескольких тысяч человек сломала ограждения и буйствовала три дня. По сравнению с чуть ли не революционными выступлениями 1832 года эти беспорядки были не столь значительными, но и они убедили правительство, что какие-то меры по реформированию избирательной системы необходимо принять.

Избирательная реформа поставила Дизраэли в трудное положение, поскольку в этой проблеме столкнулись два принципа, которыми он всегда руководствовался в своей политической деятельности. Вообще говоря, он был противником расширения избирательного права, поскольку полагал, что политическая власть в

Англии должна принадлежать имущим классам. В 1835 году в статьях для консервативной прессы, направленных против избирательной реформы, Дизраэли утверждал, что чисто демократическое правление «не может быть установлено в этом древнем королевстве, ибо для этого нет ни нравственных, ни материальных оснований». В ходе дискуссий о законопроекте Рассела он продолжал в том же духе: «Я думаю, что эта Палата должна оставаться Палатой общин, а не превращаться в Народную палату, то есть в Палату беспорядочной толпы». Всеобщее избирательное право жизнеспособно в Америке, полагал он, но в Англии оно бы привело к катастрофе.

Однако в то же время Дизраэли возвел в принцип и прагматизм. С момента поражения Пия он старался «обучить свою партию», избавить тори от устаревших предубеждений и дать им реальную перспективу победы на выборах. Понимая, что политика есть искусство возможного, он считал, что в либеральной атмосфере своего времени нельзя безоглядно противостоять реформе избирательного права. С другой стороны, принимая сторону защитников реформы, Дизраэли мог снова превратить партию консерваторов в конструктивную политическую силу. При этом он не считал зазорным признать, что в своих решениях руководствуется в том числе и личными честолюбивыми целями. Ведь, приняв Билль о реформе, консерваторы смогут в конце концов победить на выборах, а Дизраэли сможет расстаться с положением всего лишь второго лица в переходном правительстве.

В результате Дизраэли задался целью предложить такой Билль о реформе, который оказался бы достаточно либеральным, чтобы удовлетворить широкую публику, но и достаточно

консервативным, чтобы убедить его единомышленников. Эту трудновыполнимую задачу Дизраэли попытался решить с помощью принципа множественного голосования. По его первоначальному плану каждый глава хозяйства мужского пола получал право голоса, но некоторые категории избирателей (например, те, кто платил высокий налог или имел университетский диплом) могли голосовать дважды. Однако эти «чуждые голоса», как их насмешливо называли, вызвали общее недовольство, и Дизраэли пришлось от них отказаться.

После ожесточенных споров, которые раздирали правительство первые месяцы 1867 года, Дизраэли решил продвигать законопроект, просто дающий право голоса главе хозяйства, но без множественного голосования. Эта мера приводила даже к большему расширению избирательного права, чем предлагалось в билле, ранее отвергнутом тори, и в результате три члена кабинета подали в отставку в знак протеста. Однако Дизраэли был уверен в своей правоте, поскольку законопроект предусматривал определенное техническое ограничение: регистрироваться в качестве избирателя мог только глава семьи, который сам платил налоги, в том числе поимущественный налог. Это исключало из числа избирателей большинство горожан, которые снимали жилье, поскольку обычно они платили налоги через своих домовладельцев. Такая практика называлась «компаундинг». Таким образом, согласно плану Дизраэли избирательного права лишились бы многие представители рабочего класса, живущие в городах.

Однако к этому времени Дизраэли уже успел уступить по стольким вопросам и настолько приблизился к победе, что не мог допустить, чтобы даже этот важный пункт его плана

помешал пройти Биллю о реформе. Когда один из либералов предложил отменить положение о компаундинге, Дизраэли согласился, даже не обсудив это со своими коллегами. Новое изменение включило в число избирателей еще пятьсот тысяч человек, в результате чего даже некоторые радикалы посчитали, что билль, предлагаемый консерваторами, чересчур расширяет границы избирательного права. Однако тори, опьяненные ожиданием скорой победы — возможностью, как выразился Дизраэли, «уничтожить Гладстона и компанию», — поддержали своего лидера. В августе 1867 года Второй билль о реформе стал законом, и более миллиона англичан получили право голоса. По словам историка Гертруды Химмельфарб*, «реформа избирательной системы 1867 года стала одним из решающих событий, а может быть, и самым решающим событием в новой истории Англии. Именно эта реформа сделала Англию демократической страной».

И главная заслуга, по общему признанию, принадлежала Дизраэли. Для консерваторов он стал героем дня, благодаря которому партия одержала самую крупную за двадцать лет победу в области законотворчества. Когда после какого-то важного голосования он появился в «Карлтон клуб», коллеги встретили его приветственными криками и провозгласили тост «за человека, который прошел всю гонку до конца, выбрал нужный момент, выдержал нужный ритм и вышел победителем». Дизраэли, по всей видимости, особенно пришлось по

* Гертуда Химмельфарб (р. 1922) — американский историк и писательница. Известен ее афоризм: «Свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно».

вкусу быстро распространившаяся свежая шутка: «Чем Гладстон похож на телескоп? Тем, что Дизраэли выдвинул его, посмотрел сквозь него, а затем задвинул обратно».

В то же время нельзя отделаться от подозрений, что Дизраэли привел консерваторов к победе, лишь отказавшись от консервативных принципов. Такова, по крайней мере, была точка зрения нестигаемого консерватора маркиза Солсбери. «Если триумф консерваторов заключается в том, чтобы воспринять принципы своих самых решительных противников, — писал он, — то осмелюсь сказать, что за всю историю консервативной партии она не добивалась столь выдающегося триумфа». Дизраэли, утверждал Солсбери, превратил партию в инструмент для удовлетворения собственного тщеславия: «Насколько я могу судить, единственно, к чему они стремятся всей душой, это получить должность премьер-министра для мистера Дизраэли».

Но даже это не было бы столь скверно, продолжал Солсбери, если бы не старая проблема — еврейство Дизраэли. «Имей я твердую веру в его принципы или его честность, или хотя бы принадлежи он по рождению или имущественному положению к английским консервативным классам, я мог бы примириться с тем, что он наделен властью, при условии что это не будет связано с определенной профессиональной деятельностью. Но он авантюрист и, как мне слишком хорошо известно, человек без принципов и чести». Мастерство политической игры, которое могли бы одобрить в тори по рождению, казалось крайне подозрительным в еврее: ведь, по определению, он мог быть только авантюристом.

Солсбери оказался не единственным критиком Дизраэли, занимавшим подобную слегка

замаскированную антисемитскую позицию. Билль о реформе не имел ни малейшего отношения к религии вообще и религии Дизраэли в частности. Но любые нападки на Дизраэли его противников могли обернуться нападками на его национальность, будто любые сомнительные поступки Дизраэли объясняются его еврейством. Иногда об этом заявляли открыто — например, когда один член парламента от тори спросил, «как же он мог принять столь радикальную реформу дрянного еврея после того, как противился умеренной реформе доброго христианина», или когда поэт Ковентри Патмор* проклял «Тот год великого преступления, / Когда поддельные английские аристократы и их еврей, / Лишенные Богом разума, убили / Веру, которую дважды поклялись защищать». Другие критики прибегали к аналогиям с расистским душком, чтобы передать чужеродность Дизраэли: «Эфиоп не может поменять кожу», — заметил Гладстон.

В то же время Билль о реформе Дизраэли представляется не просто тактической уловкой, но воплощением принципов, которых он придерживался с давних времен. По существу, Дизраэли никогда не был реакционером, любыми силами противящимся изменениям. Он всегда оставался тори, поскольку верил, что именно тори были «национальной партией», которая наилучшим образом понимает нужды всего населения страны, включая рабочих и бедноту. В 1867 году в одной из речей, произнесенных по случаю победы консерваторов, Дизраэли сказал: «Когда партия тори вырождается в олигархию,

* Ковентри Патмор (1823—1896) — английский поэт и литературный критик, знаток средневековой поэзии, образцам которой часто следовал в своем творчестве.

она теряет свое влияние; когда государственные институты не выполняют свое предназначение, партия тори вызывает ненависть; но когда народ ведом его естественными предводителями <...> партия тори торжествует». Таким образом то, что избирательное право распространилось на рабочих, могло открыть дорогу в политику новой мощной консервативной силе. Убедить новых избирателей, что тори смогут лучше либералов защищать их интересы, — вот в чем состояла главная задача Дизраэли на следующем этапе его политического пути.

Вскоре Дизраэли уже мог пожинать плоды своей победы. В начале 1868 года пошатнувшееся здоровье вынудило Дерби покинуть свой пост. В следующем году он умрет. Дизраэли — а он только-только триумфально провел в парламенте Билль о реформе — с неизбежностью становился преемником Дерби на посту лидера консервативной партии, а значит, и премьер-министра консервативного правительства. Двадцать седьмого февраля его приняла королева Виктория, и он официально возглавил кабинет. Ему предстояло оставаться премьером всего лишь девять месяцев, и его партия была по-прежнему в меньшинстве. На следующих общих выборах в ноябре 1868 года, которые проходили уже на основе расширенного избирательного права, Гладстон и либералы нанесли консерваторам сокрушительное поражение. Но на короткий период — через сорок два года после выхода «Вивиана Грея», через тридцать шесть лет после первой попытки попасть в парламент и через двадцать лет после того, как он стал лидером консервативной партии, — Дизраэли достиг заветной цели. По обыкновению, он умерил пафос, говоря

о своем триумфе. «Я все же дополз до верхушки скользкого столба», — сказал он небрежно.

Первый срок премьерства оказался слишком коротким, чтобы Дизраэли удалось привнести существенные изменения в политику кабинета, хотя он, несомненно, получал удовольствие от возможности раздавать титулы и награды. Случилось так, что время назначения нового вице-короля Индии и нового архиепископа Кентерберийского пришлось на период его пребывания на этом посту. Он также воспользовался удобным случаем, чтобы испросить звание пэра — правда, не для себя, поскольку это привело бы к необходимости покинуть Палату общин, а для Мэри-Энн, которой королева пожаловала титул виконтессы. Так Дизраэли отдал дань уважения супруге, которая во многом способствовала его политическому успеху.

На самом деле это краткое пребывание на посту премьер-министра могло бы показаться Дизраэли достойным завершением его карьеры политика. Писатель в нем, без сомнения, оценил бы симметрию: путь от «Вивиана Грея» до Даунинг-стрит* выглядел траекторией, достойной романа. Возглавив в шестьдесят четыре года партию, которая не побеждала на выборах чуть ли не тридцать лет, Дизраэли мог бы усомниться, что еще раз доползет до верхушки этого скользкого столба. Возможно, именно поэтому, оставив кресло главы кабинета, он сразу же начал писать новый роман — первый после «Танкреда», написанного двадцать лет назад.

Теперь, когда будущее стало неопределенным, не сулившим политической власти, сочинительство было способом заработать деньги,

* На Даунинг-стрит находится резиденция премьер-министра.

заполнить время. И, что еще важнее, найти себя в дальнейшей жизни, показать, что он не утратил достоинств, которыми обладал, когда политическая власть была для него не более чем мечтой. Дизраэли хотел доказать, что он не просто политик, а человек, наделенный воображением, и его политическую карьеру можно рассматривать как еще более значительное творческое достижение, чем любая из его книг. То обстоятельство, что, сочиняя роман, он рисковал своей с великим трудом завоеванной репутацией, отнюдь не сдерживало Дизраэли, а, напротив, подстегивало. «Его благоразумные друзья полагают, что он совершает ошибку, а враги надеются, что сочинительство приведет его к краху», — заметил один из политиков, но Дизраэли продолжал писать.

«Лотарио», изданный в 1870 году, Дизраэли сочинял без той осторожности, которая обычно отличает профессиональных политиков. Этот роман, на свой манер столь же причудливый и дерзкий, как «Танкред», предлагает читателю вызывающе оригинальную трактовку главных проблем европейской политики. Герой «Лотарио» — очередной дизраэлевский наивный юноша знатного рода. Когда мы впервые встречаемся с ним, Лотарио, осиротевший сын богатых родителей, еще учится в Оксфорде. Но становление его политических взглядов — а оно и составляет содержание произведения — прочитывается как пародия на политическое воспитание Конингсби или Эгремонта. Те, по крайней мере, горячо стремились к знаниям, в то время как Лотарио остается самодовольным невежественным педантом. Когда ему советуют войти в общество, чтобы обрести «знания о мире», он отвечает: «Что до этого, то я составил твердое мнение по всем вопросам, и уж точно — по всем

важным вопросам. Скажу больше, мнение это уже не изменить».

Эта уверенность, впрочем, скоро пошатнулась, когда Лотарио становится призом в социальной и интеллектуальной игре по перетягиванию каната. С одной стороны участником игры выступает католическая церковь в лице опытного и коварного кардинала Грандисона (злой портрет кардинала Маннинга*, главы католиков Англии). Устроив переход Лотарио в католичество, решает Грандисон, он сможет добиться громкого успеха и с этой целью заманивает молодого человека в цепкие объятия богатого католического семейства с красивой и набожной дочерью. Лотарио уже готов стать католиком, но тут он встречает загадочную девушку Теодору и влюбляется в нее. Вскоре он узнает, что Теодора возглавляет тайное общество атеистов-республиканцев, цель которого — изгнать Папу из Рима. Лотарио следует за своей новой возлюбленной в Италию и идет на Рим в рядах революционной армии Гарибальди. В бою он от удара теряет сознание. Придя в себя, Лотарио узнает, что его спасли католики, которые распространили слух, будто он воевал на стороне Папы и был спасен от смерти явлением Девы Марии.

Как показывает даже это краткое изложение, сюжет «Лотарио» одновременно и глуповат, и политически смел. Язвительный ум Дизраэли, неизменно оживлявший его сочинения, на этот раз избирает мишенью католическую церковь, и роман не скупится на демонстрацию религиозной фальши. Однако при этом автор искренне убежден, что борьба между католической

* Генри Эдвард Маннинг (1808—1892) — примас католической церкви в Англии.

церковью и революционными «тайными обществами» — это реальная движущая сила современной политики. «В конце концов, — говорит один из персонажей, — церковь противостоит тайным обществам. Это единственные две силы в Европе, и они переживут королей, императоров и парламенты».

В 1870 году это могло звучать экстравагантно, но история докажет несомненную правоту такого утверждения. Через пятьдесят лет царь и кайзер уйдут в небытие, а церковь и коммунисты сохранятся. Тем не менее собственное отношение к этой борьбе Дизраэли так и не раскрыл до конца. Как консерватор он, естественно, принимает сторону церкви, которая представляет традицию и иерархическое устройство общества и противостоит таким организациям, как карбонарии, сражающиеся за республиканский строй и национальное освобождение. Грандисон защищает идею теократии примерно в тех же выражениях, какие Дизраэли уже использовал в «Танкреде»: «Политическая свобода может существовать только тогда, когда она опирается на божественную волю; иначе это в лучшем случае всего лишь обманчивая иллюзия вольности, неизбежно приводящая к анархии».

Главная причина привлекательности католицизма для Лотарио заключается в том, что он предлагает спасение от духовной растерянности его времени и особенно от призрака дарвинизма. Публикация «Происхождения видов» в 1859 году бросила вызов библейскому креационизму, но ответа на него не последовало, и проблема примирения науки и веры продолжала волновать лучшие умы викторианской Англии. Дизраэли не уклонялся от дискуссий по этому вопросу, и все предпочтения вели его в лагерь антидарвинистов. Дизраэли не утверждал, что

теория эволюции ложна — он вряд ли уделит достаточное время изучению трудов Дарвина, чтобы составить собственное мнение об этой теории, — но склонялся к мысли, что ей не положено быть истинной. В речи, произнесенной в Оксфорде в 1864 году, Дизраэли утверждал, что «человек — это существо, рожденное верить», и, лишенный христианской веры, он оказывается в состоянии опасной деморализованности. Итог дебатам по теории эволюции Дизраэли подводит другим известным изречением. «Какой самый поразительный вопрос с откровенной наглостью поставили сейчас перед обществом? — спрашивает он. — Этот вопрос: что есть человек — обезьяна или ангел? Господи, я принимаю сторону ангелов».

Но в «Лотарио» есть и еще одна «научная» тема, более важная для понимания взглядов Дизраэли, чем его рассуждения о теории эволюции. За четверть века с выхода «Конингсби», где Дизраэли впервые выдвинул свои расовые идеи, псевдонаука о расе ушла далеко вперед. Однако он не мог не заметить, что, вопреки его надеждам, этот научный расизм отнюдь не служит благу евреев. Напротив, именно превозносимые Сидонией семиты в теориях новых расистов выступали главным источником мирового зла. Гобино, первый влиятельный теоретик расизма, задал тон, осудив «семитизацию», а именно, процесс расового загрязнения, который ведет к упадку арийских народов.

В «Лотарио» эту тему ведет такой персонаж, как мистер Феб, художник, который на протяжении романа несколько раз пересекается с главным героем. Феб, явно читавший Гобино, наставляет Лотарио, разглагольствуя о величии арийских народов и опасности семитизма. Принципы, лежащие в основе искусства,

утверждает Феб, это «арийские принципы <...> направленные на поддержание здоровья и красоты высшей расы». И наоборот, возрождение «семитизма» в форме христианства «разрушило искусство, оно учило человека презирать собственное тело». Феб призывает вернуться к арийским идеалам: следовать инстинктам, отказаться от образования, совершенствовать тело. «Книги губительны, они — проклятье рода человеческого. <...> Сделать тело сильным и послушным своей воле — вот главная обязанность человека». Первый шаг в возрождении человечества, заявляет он, состоит в устранении семитов: «В конце концов судьба нации будет зависеть от силы и здоровья населения. <...> И пока арийские народы не освободятся от семитов, что-либо сделать для этого невозможно».

Другими словами, речи Феба так же опасны, как нацистская пропаганда, воспевающая белокурую бестию и силу через радость*. Создав этот образ, Дизраэли словно искупает вину за пагубные расистские взгляды, с которыми некогда столь неосторожно выступал. Но даже теперь Дизраэли не может всерьез воспринять ни Феба, ни будущее, которое тот предсказывает. К концу романа Феб разоблачен: он обычный лицемер, готовый отказаться от арийской теории ради жизненных благ. Когда мы встречаем его в последний раз, он намеревается уехать в Палестину, на родину семитов и «великой азиатской тайны», чтобы писать христианское полотно для русского царя. «Если они сразу сделают

* Белокурая бестия — образ из статьи Фридриха Ницше «К вопросу происхождения морали», вульгарно истолкованный немецкими нацистами. «Сила через радость» — в нацистской Германии организация, занимавшаяся вопросами организации досуга населения в соответствии с идеологическими установками национал-социализма.

меня князем и наградят орденом Александра Невского с бриллиантами, то над этим стоит подумать», — размышляет Феб.

Подобный комический поворот — слишком простой способ, избранный Дизраэли, чтобы отмахнуться от опасности, которую представляет Феб. Этим автор словно говорит, что никто не может всерьез относиться к арийской теории. Действительно, Дизраэли предполагал — и мысль эту он высказывал неоднократно, — что антисемитские предубеждения — всего лишь средневековый предрассудок, который неминуемо исчезнет в просвещенное Новое время. В предисловии к изданию «Конингсби» 1849 года он написал, что «в Средние века на евреев смотрели как на проклятый народ, врагов Бога и человека», но эту ненависть, которую Дизраэли называл «позорным пятном средневековой озлобленности», можно смело предать забвению и оставить в темном невежественном прошлом. В «Общем предисловии» к новому изданию своих произведений в 1870 (том же, когда вышел «Лотарио») году Дизраэли писал как о само собой разумеющемся, что «дом Израиля теперь свободен от варварства средневекового ложного представления и теперь о евреях судят, как и обо всех других народах, по их вкладу в нынешнее благосостояние человечества».

Дизраэли не осознал, а возможно, и не мог осознать, что «ложное представление» европейцев о евреях пустило слишком глубокие корни, чтобы так легко исчезнуть. После его смерти антисемитские предубеждения найдут новые и вполне современные формы для проявления «озлобленности», и наиболее разрушительной из них станет как раз тот псевдонаучный расизм, который сам Дизраэли некогда полагал средством, способным помочь евреям обрести

Адам Кирш

чувство собственного достоинства. Но признать в Фебе не шута, а пророка, было бы слишком горько. В этом случае Дизраэли пришлось бы согласиться с тем, что попытки всей его жизни соединить Ветхий и Новый Заветы были обречены, а его собственная карьера вместо того, чтобы дать новую надежду европейским евреям, оказывается пусть впечатляющим, но не имеющим продолжения примером.

В 1872 году Мэри-Энн Дизраэли (ей исполнилось восемьдесят лет) поразила серьезная болезнь — рак желудка. После нескольких месяцев мучений, которые она, как могла, скрывала, 15 декабря Мэри-Энн скончалась. Ее болезнь и смерть стали настолько тяжким испытанием для Дизраэли, что он открыто проявил чувства, которые почти никогда не выказывал на людях. «Я оказался совершенно не в состоянии вынести этот удар», — писал он одному из своих коллег, а другому в слезах признавался: «Когда я велю кучеру ехать домой, мне кажется это насмешкой». Соболезнования от королевы и сочувственная речь Гладстона не могли его утешить. На протяжении тридцати четырех лет Мэри-Энн оставалась его спутницей, ближайшим другом и самой важной для него слушательницей. Дизраэли минуло шестьдесят восемь лет, и он был одним из самых знаменитых людей Англии с тысячами социальных и профессиональных связей и знакомств. Мало кто из политиков, независимо от их взглядов, пользовался такой популярностью в высшем обществе, как Дизраэли; хозяйки модных салонов на свои приемы или на вик-энд в загородном имении с гораздо большей

готовностью приглашали его, чем излишне серьезного Гладстона. Но, не имея детей и по-настоящему близких друзей, Дизраэли после смерти Мэри-Энн был очень одинок. И это одиночество омрачало остаток его жизни — время, когда он добился самых крупных политических побед.

Насколько пуста стала жизнь Дизраэли, можно судить по тому, с какой поспешностью он стремился эту пустоту заполнить. В первое же лето после смерти Мэри-Энн он затеял странные, почти любовные отношения с двумя сестрами средних лет — Селиной, графиней Бредфорд, и Анной, графиней Честерфилд. Он знал обеих еще с тридцатых годов, но теперь начал с жаром ухаживать за ними — платонически в случае Анны и романтически за младшей из сестер замужней Селиной. За последующие восемь лет он написал им в общей сложности тысячу шестьсот писем (в среднем по письму в два дня), продолжая эту переписку, даже когда снова стал премьер-министром в 1874 году. Письма к леди Бредфорд дышали страстью, которую трудно было ожидать от действующего премьер-министра, разменявшего восьмой десяток: «Уверен, нет большего несчастья, чем иметь сердце, которое не желает стареть. Перенести эту беду помогают лишь тяготы общественной жизни. Если мы должны управлять великой державой, то нам заказано любовное волнение, мы не имеем права отвлекаться».

Он писал леди Бредфорд во время заседаний парламента и совещаний кабинета министров, иногда отправляя к ней посыльного по два раза на дню. Как подросток, он придумывал способы словно случайно столкнуться с ней на приемах. «Недавно, — писал он в 1874 году, — вы выразили удивление, что я могу писать вам при

Бенджамин Дизраэли

такой массе дел и забот, которые на мне лежат. Дело в том, что писать вам меня принуждают мои чувства. Это мой долг и моя радость — долг сердца и радость моей жизни. Не думаю, что я слишком безрассуден. Ведь я никогда не просил у вас ничего, кроме вашего общества». Совершенно ясно, что целью его была не физическая близость — скорее он добивался той любви и того внимания, которые в свое время дала ему Мэри-Энн. Как он сказал ей много лет тому назад: «Я так устроен, что моя жизнь должна стать нескончаемой любовью». Даже когда Селина дала ему ясно понять, что его ухаживания ей в тягость, Дизраэли не смог удержаться от просительного тона. «Я не мыслю жизни без возможности видеть вас каждый день», — писал он ей. Ни в общественной, ни в частной жизни он еще никогда не был так трогателен, как в пору этой поздней и отнюдь не взаимной любви.

Однако он преодолевал горе от потери жены и иным, более созидательным способом — уйдя с головой в политику. После выборов 1868 года Дизраэли вернулся на свой прежний пост лидера оппозиции, но теперь уже не проявлял в парламенте прежней активности, поскольку понимал, что либеральное большинство не победить. Однако в год смерти Мэри-Энн произошло несколько важных изменений на политической сцене. В феврале 1872 года в соборе Святого Павла состоялась благодарственная служба по случаю благополучного исцеления принца Уэльского, на которой присутствовали все ведущие политики. Пока они проходили сквозь толпу, чтобы попасть внутрь собора, премьер-министра Гладстона освистали, а Дизраэли, напротив, встретили громкими приветственными возгласами и аплодисментами. Такая

реакция свидетельствовала не только о том, что страна устала от либерального правительства, но и о том, что теперь у Дизраэли репутация уже отнюдь не скверная. К этому времени он уже так долго был в политике, что воспринимался как часть истеблишмента, более того — его даже любили.

В том же году Дизраэли произнес две важные программные речи, добавившие ему авторитета. Он редко выступал перед большим скоплением людей, предпочитая использовать свой ораторский дар в парламентских дебатах. Но в апреле на массовом митинге в Манчестере, а затем, в июне, в лондонском Хрустальном дворце* он развил две темы, которые были крайне важны для будущего консервативной партии. Во-первых, он заявил о необходимости повысить уровень жизни бедных слоев населения, в чем за десятилетия пребывания у власти не преуспело пассивное либеральное правительство. Еще с 1845 года, со времени создания «Сибиллы», Дизраэли считал, что на тори лежит особая миссия — устранить те беды, в которые ввергла рабочий класс промышленная революция. Теперь он пообещал заняться «жилищами бедноты, моральные последствия состояния которых не менее существенны, чем материальные», а также «регулировать промышленное производство, контролировать условия труда <...> [и] чистоту продуктов питания». Для этой политики заботы о здоровье и благосостоянии народа он придумал девиз, переиначив библейскую фразу

* Хрустальный дворец в лондонском Гайд-парке был построен из металла и стекла к Всемирной выставке 1851 года и вмещал до 14 000 посетителей. По завершении выставки он был разобран и перенесен в лондонское предместье Сиднем-Хилл. В 1936 году Хрустальный дворец был уничтожен пожаром и не восстанавливался.

«Суета сует, все суета!» на «*Sanitas sanitatum, omnia sanitas*»*.

Одновременно Дизраэли призвал консервативную партию заняться проблемами Британской империи. Либералы никогда не проявляли особого интереса к британским колониям, полагая, что те лишь обременяют бюджет и препятствуют свободной торговле, хотя и не пытались от них освободиться. Действия либералов, предостерегал теперь Дизраэли, угрожают «распадом Британской империи». И продолжил наводить глянец на малопривлекательную реальность колониализма, облекая Империю в поэтические одежды. Вот как он говорил о выборе, который предстоит сделать избирателям: «Удовольствуетесь ли вы жизнью в уютной Англии, скроенной по образцам континентальной Европы, и в урочный час встретите то, что принесет неотвратимая судьба, или вы хотите быть великой страной, Империей, страной, где ваши повзрослевшие сыновья займут высокие посты и обретут не только почитание своих соотечественников, но и уважение всего мира».

Здесь явно чувствуются отзвуки романтического представления Дизраэли об Израиле, созданном его воображением. Однако, хотя риторические пассажи о национальном единстве и славе были обычным приемом в его арсенале, у него никогда не возникало возможности или обязательства перейти от слов к реальным политическим шагам. Но в начале 1874 года Гладстон объявил всеобщие выборы, и, к удивлению обеих партий, их результатом стала не просто

* Библейская фраза (Екклесиаст, 1:2) на латыни звучит так: *Vanitas vanitatum, omnia vanitas*. Дизраэли поменял лишь одну начальную букву в трех словах (v на s). Смысл его девиза: здоровье превыше всего.

победа консерваторов, но победа оглушительная. Впервые после поражения Пиля тори завоевали внушительное большинство в парламенте, и именно победитель Пиля пожал плоды этой победы. Для этого потребовалось почти пятьдесят лет, но, в конечном счете, Дизраэли достиг того, о чем мечтал Вивиан Грей: «Власть! О, сколько бессонных ночей, сколько дней, полных жгучей тревоги, какое напряжение всех умственных и телесных сил, какие странствия, какую ненависть, какие яростные схватки, какие опасности я бы не испытал с восторгом и радостью ради ее обретения!»

И все же трудно избежать ощущения, что Дизраэли испытал слишком много и ждал слишком долго, чтобы, получив наконец власть, насладиться ей в полную силу. К началу второго срока пребывания на посту премьер-министра ему было шестьдесят девять лет, он вдовел и его здоровье неуклонно ухудшалось. Все время, пока Дизраэли оставался во главе кабинета, он страдал от бронхита и подагры — болезни, которая в свое время свалила Дерби. («Все премьер-министры страдают от подагры», — насмешничает один из персонажей последнего романа Дизраэли.) И все же он остро чувствовал радость победы. «Ощущение власти восхитительно», — откровенно признается Дизраэли, однако, как он сообщает леди Бредфорд, власть не избавляет от подавленного настроения. «Вполне возможно, — пишет он ей, — мне следует радоваться. Но скажу вам правду, как делаю всегда, хотя и только вам. Я измучен до крайности и глубоко несчастен».

Возраст и депрессия были не единственными проблемами. До высшего правительственного поста Дизраэли добрался с удивительно малым опытом исполнительной власти. Член

парламента с 1837 года, в правительстве он пробыл не более четырех лет. Теперь, когда Дизраэли возглавил кабинет, его коллег поразило, насколько не подготовлен он оказался для этого поста. Р. А. Кросс*, министр внутренних дел в правительстве Дизраэли, вспоминал: «Когда кабинет приступил к обсуждению речи королевы [в которой правительство объявляло о планах на ближайший год], я был, признаюсь, разочарован отсутствием новизны в словах премьер-министра. Судя по всем выступлениям Дизраэли, я мог ожидать, что он полон законодательных планов, но ничего подобного не произошло; напротив, ему пришлось полностью полагаться на предложения его коллег, а поскольку они сами только-только вошли в правительство, совершенно того не ожидая, составить речь королевы оказалось нелегким делом».

Там, где речь пойдет о законотворчестве, Дизраэли будет вести себя довольно пассивно. «Он терпеть не может вникать в детали, он ничего не делает», — жаловался еще один член кабинета. Но, как выяснилось, одной из сильных сторон Дизраэли как премьер-министра была его способность делегировать полномочия другим. Он уже изложил свое видение консервативной социально ориентированной политики и теперь призывал кабинет воплотить это видение в ряд новых важных законодательных актов. В числе таковых были Закон об улучшении жилищных условий ремесленников и рабочих, обязывающий местные власти сносить трущобы и строить социальное жилье, Закон о работодателях и работниках, согласно которому профсоюзы получали право

* Ричард Эштон Кросс, виконт (1823—1914) — английский политический деятель.

организовывать забастовки, Закон о предупреждении загрязнения рек, регулирующий вывоз и утилизацию отходов, Закон о торговле продовольственными товарами и лекарствами, устанавливающий стандарты безопасности и чистоты, и Закон о производственных предприятиях, ограничивающий рабочий день для женщин и детей. Предусматривались и новые меры по защите прав сельскохозяйственных арендаторов и моряков торгового флота, а также о выделении в Лондоне участка земли для лесного заповедника и о расширении системы бесплатного начального образования.

К концу премьерского срока Дизраэли один из первых членов парламента от лейбористов Александр Макдональд признал, что «консервативная партия за пять лет сделала для рабочего класса больше, чем либералы за пятьдесят». Нелишне напомнить, что во времена Дизраэли термины «консервативный» и «либеральный» означали совсем не то, что в наши дни. Сейчас такие принципы викторианского либерализма, как слабое участие правительства в жизни страны и защита бизнеса, нашли пристанище в правом крыле политического спектра Соединенных Штатов, а наши собственные либералы по достоинству оценили бы политику защиты трудящихся и окружающей среды, провозглашенную консерваторами при Дизраэли. В то же время те принципы, которые были в наибольшей степени дороги Дизраэли — классовые различия, уважение к традициям, защита имперских интересов, практически незаметны в американской политике двадцать первого века.

Хотя все эти социальные реформы стали возможны благодаря тому, что кабинет возглавлял Дизраэли, сам он почти не принимал участия в подготовке законов, а предпочел

сосредоточиться на своей настоящей страсти — внешней политике. Еще в «Контарини Флеминге» он мечтал сыграть заметную роль на международной арене: «Внешняя политика открывала головокружительные перспективы. Сколь сладостно узнавать тайны европейских правительств, управлять ими, влиять на их судьбы». Одним из государственных мужей, вызывавших восхищение Дизраэли, был Меттерних, ультраконсервативный австрийский канцлер, определивший ход Венского конгресса* 1815 года. Судьба подарила Дизраэли возможность сыграть такую же роль на другом международном форуме — Берлинском конгрессе**, где он участвовал в формировании будущей Европы. Однако кризисы, которые привели к этому конгрессу, и действия Дизраэли в этих кризисах навлекли на него самую острую критику за всю его карьеру политика. И снова, глядя на то, как Дизраэли использует свою власть, многие англичане усомнились в том, что ему эту власть можно доверять.

* Венский конгресс — общеевропейская конференция, в ходе которой были подписаны договоры, восстановившие монархии, разрушенные Французской революцией 1789 года и наполеоновскими войнами, и определены новые границы европейских государств. В конгрессе, проходившем в Вене с сентября 1814 по июнь 1815 года под председательством австрийского канцлера графа Меттерниха, участвовали представители всех стран Европы (кроме Османской империи).

** Берлинский конгресс — международный конгресс, созданный летом 1878 года для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 года, завершившего Русско-турецкую войну 1877—1878 годов. В работе конгресса приняли участие представители России, Англии, Австро-Венгрии и Германии. Присутствовали также делегации Франции, Италии и Турции.

Однако нашелся по крайней мере один человек, чье мнение много значило, и этого человека Дизраэли как премьер-министр полностью удовлетворял. Королева Виктория и Дизраэли вошли в сферу общественной жизни в один и тот же год: ее вступление на престол в 1837 году привело к выборам, в результате которых Дизраэли попал в парламент. Любопытство, с которым королева вначале относилась к этой необычной фигуре, сменилось неприязнью после поражения Пия, когда она написала, что Палате общин «следует стыдиться таких своих членов, как лорд Джордж Бентинк и этот отвратительный мистер Д'Израэли». В этом мнении королеву поддерживал ее любимый муж принц Альберт. Когда Дерби в первый раз возглавил кабинет, принц предупреждал графа о том, что у его ближайшего помощника есть задатки стать «одним из самых опасных людей в Европе».

Альберт опасался, как бы Дизраэли не превратился в радикального демократа, противника существующего порядка. Однако это было серьезной ошибкой, основанной в большей степени на недоверии к Дизраэли из-за его происхождения, чем на оценке его взглядов и политического чутья. На самом деле трудно было найти более усердного защитника монархии, чем Дизраэли. Его преданность короне имела два мощных источника: политические взгляды, которые предписывали ему прославлять монархию как защитницу народа, и поэтическое воображение, которое позволяло ему видеть в прозаичной Виктории королеву из рыцарского романа. Эта могучая комбинация была уже явлена им в «Сибилле», где Дизраэли изобразил юную королеву, в первый раз принимающую своих придворных: «Нежным волнующим голосом, со сдержанностью, которая указывала

скорее на всепоглощающее чувство августейшего долга, чем на бесстрастность, КОРОЛЕВА объявляет о восхождении на трон своих предков и выражает смиренную надежду, что Божественное Провидение укажет ей путь к выполнению ее высокого предназначения. <...> Выпадет ли ей гордый жребий облегчить страдания миллионов и этой нежной рукой, которая могла бы вдохновлять трубадуров и вознаграждать рыцарей, окончательно разорвать цепи саксонского рабства?»

К моменту коронации Виктории со времен трубадуров и облаченных в доспехи рыцарей прошло пять веков. Но гипербола Дизраэли, пусть и анахроничная, была искренней. Политики вроде Рассела и Дерби, которые всю жизнь провели в одном социальном круге с членами королевского дома и чьи родословные были всего лишь несколько скромнее, чем у монархов, воспринимали королеву как обычную женщину, по необходимости игравшую политическую роль. Для Дизраэли, которого отделяла от Виктории большая социальная дистанция, она сохраняла поэтичность символа — как и для большинства ее подданных. И когда вопреки всем препятствиям Дизраэли смог сократить эту дистанцию, он все же не утратил чувства благоговейного страха, который английский монарх должен вызывать у еврея, принадлежащего к среднему классу.

Вот почему Дизраэли относился к королеве с глубоким почтением и романтической чрезмерностью чувств, которые другие ее премьер-министры сочли бы неподобающими. Благодаря еще одному дару Дизраэли — владению языком — его официальные письма уснащены остроумными и поэтичными пассажами. Каждый раз, когда он занимал пост лидера Палаты общин, в

его обязанности входило писать доклады о парламентских заседаниях для королевы. Виктория не могла не заметить разницы между обычным сухим бюрократическим отчетом и яркими текстами Дизраэли. Одна из фрейлин королевы отметила, что «Дизраэли пишет ежедневные послания королеве в блестящем стиле своих романов, преподнося ей все политические новости в таком духе, чтобы те служили его собственным целям, а все светские сплетни так, чтобы ее позабавить. Королева говорит, что подобных писем ей еще никто не писал (и это, по-видимому, соответствует действительности) и что никогда прежде она не была осведомлена буквально обо всем!»

Однако полностью завоевать доверие королевы Дизраэли смог после смерти принца Альберта в 1861 году. Потеря мужа стала травмой, изменившей жизнь Виктории. Она полагалась на него как в политике, так и во всех иных сферах, и в его отсутствие перестала исполнять свои публичные обязанности. Со временем она настолько замкнулась в себе, что сама монархия оказалась под угрозой. Однако в этот период, когда королева была особенно ранима, Дизраэли точно знал, что она хочет услышать, а поскольку и сам искренно восхищался Альбертом, то не стеснялся вспоминать принца в самом хвалебном тоне. Он публично благодарил Альберта за то, что тот отдал Англии «свой разум, свое время, свой труд, отдал ей всю жизнь». В личной переписке Дизраэли шел еще дальше, и его письмо королеве 1863 года дает прекрасное представление о стиле, который он использовал в своих посланиях королеве:

Если, отважившись коснуться священной темы, мистер Дизраэли мог иногда использовать выражения, которые Ваше величество

милостиво соизволили счесть в какой-то степени этой теме соразмерными, то совершить сие ему удалось исключительно потому, что говорит он об этом человеке от всего сердца и после долгих и частых размышлений над тем, что никогда не утратит для него интереса. <...> Принц стал единственным человеком из всех, кого мистер Дизраэли когда-либо знал, который воплотил в себе Идеал. Никто из тех, с кем он знаком, не смог к нему приблизиться.

Именно такого рода письма Дизраэли, по-видимому, имел в виду, когда сказал Мэтью Арнолду: «Лесть по вкусу всем, и, обращаясь к члену королевской семьи, льстите, не боясь перехватить через край». Однако в отношении к королеве Дизраэли не был так циничен, как можно предположить, судя по этому высказыванию. От лести в адрес Виктории он получал истинное удовольствие, а еще большее, когда картинно преклонял перед королевой колена. Если его лесть и казалась не вполне чистосердечной, то она была фальшивой не более, чем идеализированный портрет, и как нельзя лучше говорила о том, как, по мнению Дизраэли, следует обращаться к королеве ее преданному слуге. Со временем он даже стал сравнивать Викторию с «королевой фей», используя образ из поэмы Спенсера*. В 1875 году он поблагодарил ее за подаренный букет, написав: «Не иначе как это был дар феи, присланный другим монархом — королевой Титанией**, которая со своими

* Эдмунд Спенсер (ок. 1552 — 1599) — английский поэт елизаветинской эпохи, старший современник Шекспира.

** Королева Титания — персонаж английского фольклора, королева фей. Одно из действующих лиц пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь».

придворными на затерянном в море острове собирает волшебные цветы и посылает их людям. У тех же, кто их получает, как говорят, голова идет кругом».

Результат не замедлил сказаться. В шестидесятые годы тот, кого Виктория некогда презирала, стал ее любимым политиком. Она послала Дизраэли книгу речей принца Альберта, сопроводив ее письмом, в котором выражала «глубокую благодарность за то, что он отдал дань памяти ее возлюбленного великого супруга». Королева оказала Дизраэли честь — а это говорит о многом, — пригласив его и Мэри-Энн на торжество для узкого круга по случаю свадьбы принца Уэльского, что вызвало зависть высшего света.

Их связь окончательно укрепилась в 1868 году, когда Дизраэли стал премьер-министром. До конца срока, а затем, когда он был переизбран, Дизраэли писал королеве и встречался с ней регулярно. Но это общение так и не стало для него привычной рутинной, и он каждый раз обращался к ней с неподдельным волнением и почтительностью. Эта рыцарственная преданность все более приобретала черты влюбленности. Согласно традиции, когда новый премьер-министр являлся во дворец, чтобы получить назначение из рук монарха, этот ритуал назывался «целованием рук». Но в 1876 году, после важной победы в области законотворчества, Дизраэли в буквальном смысле целовал руки королеве. Со словами «я полагаю, мадам, что могу притязать на благодарность», он трижды поцеловал руку Виктории, и, как он вспоминал, «она ответила мне пожатием». Эта странная, но трогательная деталь приводит на память записку, отправленную им Мэри-Энн во время жениховства, в которой Дизраэли просил ее снять

перчатку, чтобы он мог сжимать ее руку. А когда Виктория писала о первом визите Дизраэли во дворец после его переизбрания в 1874 году, она с восхищением отметила его слова: «Он несколько раз повторил — *что бы я ни пожелала, непременно будет исполнено*».

Разумеется, речи о реальном романе между королевой и ее премьер-министром не могло и быть. Скорее, Дизраэли использовал с Викторией те же приемы, которые всегда пускал в ход, чтобы добиться расположения пожилых дам. Как и в случае с Сарой Остен, Мэри-Энн и миссис Бриджес-Уильямс, он заверял королеву в своей преданности и просил о ее благосклонности. И королева, которая была абсолютно несклонна к романтическим отношениям в обычном смысле слова, все же отвечала на окольные подходы Дизраэли. Она даровала ему исключительные привилегии и даже позволила сидеть в своем присутствии, чем не мог похвастать ни один премьер-министр.

Такое сближение, естественно, пришлось по вкусу далеко не всем. Не вызывало одобрения, что королева — а ей следовало оставаться выше политических партий — оказывала столь очевидное предпочтение Дизраэли перед Гладстоном, поскольку считала последнего самодовольным и лишенным чувства юмора. Еще резче была реакция на то, что Дизраэли снова вторгся на территорию, куда еврею входить не полагалось. Один родовитый виг жаловался, что «этот еврей, самый ловкий зверь полевой*, подобно искусителю Евы втирается в доверие нашей госпожи!» Со временем отношения между

* Выражение «зверь полевой» неоднократно встречается в Библии, в частности, по отношению к змею в Быт., 3:1 и 14.

Дизраэли и королевой стали политической проблемой. В 1876 году Дизраэли внес на рассмотрение парламента Билль о королевских титулах, где предлагал добавить к титулу Виктории «императрица Индии». Это изменение титулования, имевшее целью поднять престиж английской короны в Индии и, что особенно важно, наделить английского монарха тем же имперским статусом, что и у русского царя, обсуждалось в течение многих лет. Однако противники этого новшества считали предложенный законопроект лишь плодом тщеславия королевы, поощряемого льстивым Дизраэли; в результате он был принят только после упорной борьбы.

Билль о королевских титулах показал, что предложение, которое могли счесть вполне безобидным, исходя от любого другого политика, вызывало подозрение, если его автором выступал Дизраэли. В романах он часто распространялся о своей любви к Востоку, о «великой азиатской тайне» и о том, что горд принадлежностью к восточному народу. Все это позволило его противникам увидеть в новом титуле королевы свидетельство замысла Дизраэли превратить Британскую империю в восточную деспотию. Читатели «Танкреда», в частности, могли вспомнить сцену, в которой Фахредин с жаром советует: «Пусть королева Англии соберет большой флот, погрузит на корабли все свои сокровища, золотые и серебряные слитки, драгоценную посуду и оружие и в сопровождении всего двора, вельмож и министров переедет из Лондона в Дели, новую столицу империи». Эта речь писалась как чисто комедийная, как пример бессмысленных планов не знавшего удержу Фахредина. Но теперь, когда Дизраэли имел реальное влияние на королеву, эти слова приобрели зловещий смысл.

"NEW CROWNS FOR OLD ONES!"

(Аладдин алладин.)

Дизраэли в костюме Аладдина на
карикатуре в журнале «Панч»
по поводу Билля о королевских титулах.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS
AND ARCHITECTURE
MUSEUM OF ART AND ARCHITECTURE
54 EAST EAST
CHICAGO, ILLINOIS 60607
TEL: 773-936-3700
WWW.MUSEUMOFARTANDARCHITECTURE.ORG

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS
AND ARCHITECTURE
MUSEUM OF ART AND ARCHITECTURE
54 EAST EAST
CHICAGO, ILLINOIS 60607
TEL: 773-936-3700
WWW.MUSEUMOFARTANDARCHITECTURE.ORG

Из-за превратности исторического процесса (а отнюдь не во исполнение старого тайного замысла) во второй срок пребывания Дизраэли на посту премьер-министра Восток действительно завладел его вниманием. При этом увлеченность Дизраэли Востоком в его романах всего лишь помогла ему действовать смело, когда того потребовали обстоятельства. Это случилось в 1875 году, когда обанкротившийся хедив Египта заявил о своей готовности продать принадлежавшие ему акции Компании Суэцкого канала. Незначительное большинство акций уже приобрела одна французская фирма, и теперь другой французский участник торгов пожелал приобрести пакет хедива. Канал был открыт всего шесть лет назад, но связь между Британией и Индией во многом осуществлялась через него, и Дизраэли был уверен в жизненной необходимости соблюсти интерес Англии в этой компании.

Однако члены кабинета Дизраэли не хотели рассматривать этот вопрос, да и к тому же парламент, который должен был бы голосовать за выделение средств на покупку акций, ушел на каникулы. Французский претендент имел опцион, срок окончания которого приближался, и, если бы британское правительство не смогло выложить деньги немедленно, хедиву пришлось бы продать акции французам. И вот ощущение драматизма ситуации и любовь к геополитическим интригам подвигли Дизраэли на смелый шаг. В середине ноября он связался с Ротшильдами и попросил срочно предоставить ссуду в четыре миллиона фунтов для покупки акций. Монтегю Корри, доверенный секретарь премьер-министра, оставил впечатляющий, если и не вполне точный отчет о своей встрече с Лайонелом де Ротшильдом. На вопрос Ротшильда: «Кто

выступает поручителем?» — Корри ответил: «Британское правительство». Тем не менее все закончилось благополучно, ссуда была предоставлена, и Британия приобрела акции канала. Дизраэли написал об этом королеве в типичном для него бьющем на эффект стиле: «Все улажено, мадам, теперь это ваше. Французское правительство побеждено».

Интрига с Суэцким каналом стала, возможно, самым знаменитым эпизодом во всей карьере Дизраэли. Однако чем внимательнее рассматриваешь факты, тем прозаичнее представляется все это дело. Вопреки тому, что Дизраэли сообщил королеве, «это», то есть канал, он не приобрел. А приобрел он миноритарную долю в компании, которая собирала плату за прохождение канала, контрольный же пакет акций остался у Франции. При этом компания не имела возможности закрыть канал или воспрепятствовать кораблям любой страны им пользоваться. Если бы Франция, Египет или кто-нибудь еще попытался закрыть Суэцкий канал, Британии, чтобы обеспечить к нему доступ, пришлось бы начать военные действия независимо от того, владела ли она акциями или нет. Точно так же Дизраэли вовсе не переиграл Францию. На самом деле французское правительство, уважая желания Британии, еще раньше приняло решение отказаться от приобретения этих акций.

Короче говоря, успех Дизраэли был в основном символическим. Но благодаря его богатому воображению этот символ стал столь ярким. Любое британское правительство сочло бы Суэцкий канал важным для страны, но поскольку Дизраэли издавна демонстрировал свою «восточную» ориентацию, его заинтересованность в канале выглядела частью грандиозного замысла по усилению британского могущества

на Востоке. Его решительные действия по приобретению этих акций оказались эффективной проделкой прирожденного романиста.

Помимо прочего, обращение Дизраэли к Ротшильдам было вполне в духе его фантазий о еврейском могуществе, которым он предавался в своих романах. Студа Ротшильдов на самом деле оказалась откровенно прибыльным делом: как только парламент собрался на очередную сессию, долг был выплачен с приличными процентами (чересчур приличными, по мнению некоторых). Но поскольку Дизраэли в свое время придумал Сидонию, вся эта сделка в духе Сидонии предстала как впечатляющий пример тайных связей евреев, вершащих свои дела из-за кулис. Действия Дизраэли на посту премьер-министра практически не имели отношения к его фантазиям и сочинениям, чего нельзя сказать о восприятии этих действий обществом. Ценой создания его собственного мифа стала необходимость жить внутри него.

Одиннадцатого августа 1876 года Дизраэли в последний раз выступил с речью в Палате общин. На следующий день стало известно, что королева пожаловала ему титул графа Биконсфилд. Принять титул Дизраэли заставили возраст и состояние здоровья, а отнюдь не тщеславие. Во время предыдущей сессии из-за физической слабости премьер-министра дела в парламенте шли ни шатко ни валко. Став пэром, он мог возглавлять кабинет от Палаты лордов, где работа велась неспешно, а тяжелый труд, связанный с участием в парламентских дебатах и управлением партией, переложить на плечи заместителей. Поначалу Дизраэли даже пустил слух, будто он готов покинуть пост премьер-министра, но это была лишь одна из его излюбленных уловок, к которым он прибегал, чтобы держать в узде своих приверженцев, а потому он вряд ли расстроился, когда кабинет настоятельно попросил его остаться. «В правительстве есть отменные умы и благородные сердца, но только один становой хребет», — услышал он от члена своего кабинета.

В титуле, избранном для себя Дизраэли, присутствовала тонкая ирония. Биконсфилд — название деревни близ Хьюгендена — возможно,

привлекло его потому, что там скончался знаменитый консервативный политик Эдмунд Бёрк*. Но кроме того, Дизраэли конечно же помнил (пусть даже только он один), что в «Вивиане Грее» наделил именем Биконсфилд вскользь упомянутого персонажа. «Есть еще Биконсфилд, но мы с ним едва знакомы», — говорит маркиз Карабас, перечисляя своих возможных союзников. Беря это имя, Дизраэли как бы в очередной раз подчеркивает неразрывную связь своей писательской и политической жизни. Став премьер-министром, он сумел претворить в реальность свою фантазию, эту, казалось бы, несбыточную мечту ранних романов; государственный муж, известный как лорд Биконсфилд, — такое же творение Дизраэли, как и любой персонаж его книг.

Уход Дизраэли из Палаты общин ознаменовал конец целой эпохи в викторианской политике. Он оставался ее членом на протяжении почти сорока лет, и уже не возникало сомнений, что он войдет в историю как один из величайших парламентариев. Сам факт, что большую часть своей политической жизни Дизраэли был в оппозиции, означал, что его слава держалась скорее на искусстве вести дебаты, чем на таланте лидера. Необычная внешность Дизраэли и загадочная манера вести себя, которые в течение многих лет вызывали столько подозрений, со временем превратились в привычные элементы парламентской жизни. Конечно же, ни один член парламента 1837 года не мог предположить, что депутаты 1876 года будут так расстроены уходом Дизраэли. «Кажется, нас покинули

* Эдмунд Бёрк (1729—1797) — англо-ирландский политический деятель, родоначальник идеологии консерватизма.

истинное благородство и отрада консервативной политики, — писал ему один из этих депутатов. — Осталась одна рутина».

Однако если Дизраэли надеялся, что с переходом в Палату лордов в его жизни начнется более спокойный период, то ему пришлось испытать разочарование. В последней речи, произнесенной в Палате общин, он коснулся разногласий, которые уже начали вызывать брожение умов британцев и будут отравлять политическую жизнь страны в последующие два года. Речь шла о последнем обострении так называемого восточного вопроса — то есть, в сущности, о необходимости решить, как вести себя в связи с упадком Оттоманской империи. Турки, добравшиеся в эпоху Возрождения до ворот Вены, начиная с восемнадцатого века вошли в полосу неуклонного ослабления своего государства. Их военное и политическое бессилие привело к вакууму власти в Юго-Восточной Европе и послужило причиной серии войн и дипломатических кризисов на протяжении всего девятнадцатого столетия.

Судьбой Турции в наибольшей степени были озабочены ее соседи — Россия и Австро-Венгрия. Однако и Британия считала восточный вопрос крайне важным, прежде всего из-за Индии. Теоретически, расширив свои владения в Средней Азии или захватив Константинополь, Россия могла отрезать Британию от Индии, создав угрозу «жемчужине короны» Британской империи. Долгое противостояние Британии и России из-за будущего этой территории Редьярд Киплинг в романе «Ким» назвал «большой игрой».

Начиная с Пальмерстона Британия пыталась сохранить Оттоманскую империю как бастион против России. Эта политика привела к

Крымской войне, в которой Британия и Франция объединились с Турцией против России. Но в 1876 году череда событий заставила многих британцев изменить отношение к этой традиционной стратегии. Весь предшествующий год Балканы сотрясали беспорядки: славянские христиане, из числа подданных Турции и жившие в непосредственной близости от нее, проявляли все больше решимости противостоять разваливающейся Османской империи. В июне одна из лондонских газет опубликовала статью об ужасающей резне, которую устроили турецкие солдаты-мусульмане, убив около двенадцати тысяч болгарских христиан. В страшной бойне с грабежами и изнасилованиями погибли мирные жители, включая женщин и детей.

Это известие вызвало возмущение британцев, но поставило Дизраэли и его правительство в щекотливое положение. Во время дипломатических кризисов последнего года Британия выступала как главный союзник Турции. Дизраэли отказался поддержать другие великие державы в их намерениях реформировать правительство султана, боясь, что осуществление этих планов закончится распадом Османской империи. Теперь он понял, что болгарские злодеяния, как их называли, могут вызвать такое ожесточение против турок, что англичане перестанут мириться с протурецкой политикой. А если Британия выступит против Турции, то, как опасался Дизраэли, вся система британской внешней политики может рухнуть, что приведет к опасной экспансии России.

Одним словом, Дизраэли очень хотел бы, чтобы рассказы о зверствах в Болгарии не подтвердились. Когда эту проблему поставили на обсуждение в Палате общин, он высокомерно отказался в нем участвовать. «Когда мы

получим исчерпывающие сведения о случившемся, — предсказывал Дизраэли, — то выяснится, что [эти слухи] не имеют под собой основания. — Затем он продолжил в манере, о которой будет сожалеть: — Я не могу усомниться, что злодеяния в Болгарии действительно имели место, — признавал он, — но не верю, что девушек продавали в рабство или что более десяти тысяч человек брошены в тюрьмы. По правде говоря, я вообще сомневаюсь, что такое количество заключенных тамошние тюрьмы могут вместить и что среди людей Востока настолько широко применяются пытки — к пыткам там прибегают редко, обычно расправляясь с преступниками более быстрым способом».

Дизраэли всегда утверждал, что к обычному для него сарказму в этой речи он не прибегал. Когда во время его выступления в Палате общин засмеялись, он повернулся к своим коллегам и сердито спросил: «Что здесь смешного?» Однако урон был нанесен: создалось впечатление, будто Дизраэли насмехается над христианами, ставшими жертвами преследования. Для любого премьер-министра подобная речь была бы в глазах общества серьезной ошибкой; для Дизраэли дело обернулось катастрофой. В следующие несколько месяцев поступали сведения, уже не оставлявшие сомнений в реальности турецких злодеяний в Болгарии, и негодование британцев достигло пика. И негодование это наряду с турками обрушилось и на их собственного «восточного» премьер-министра. Как писала «Таймс», «самая достойная часть британского общества была глубоко уязвлена и легкомысленной речью премьер-министра, и его очевидным желанием умалить значение случившегося, а то и вообще оправдать его».

Полемика по болгарским событиям была точно рассчитанным ходом, имевшим целью причинить вред Дизраэли, поскольку она касалась самого уязвимого места в его политике. Британцы, которые отнюдь не выказывали возмущения, когда их правительство совершало насилие в отношении покоренных народов самой Британской империи, пришли в ярость, представляя, как турецкие мусульмане убивают славянских христиан. Наличие религиозного элемента превратило эту резню из преступления против человечности в столкновение цивилизаций и позволило английским протестантам чуть ли не отождествить себя с православными болгарам. Возмущение «атроситарянцев»*, как их называли, не утихло, они взяли на вооружение средневековый призыв: «христианский мир» должен объединиться против «этих турок». Один политик требовал «освободить Европу от проклятия, которое ее поразило, и очистить христианский мир от позора, слишком долго его осквернявшего». Некий проповедник в соборе Святого Павла заявил, что «молчать может только тот, кто предал учение Иисуса Христа».

Ни у кого не вызывало сомнения, кто именно предал учение Христа. Разве не очевидно, что еврей на посту премьера теперь не внемлет крикам страждущих христиан? Позицию Дизраэли, противоположную атроситарянской, разделяли многие политики, но никто не одобрял ее так горячо, как королева Виктория, которая решительно отказывалась понять «эту слащавую сентиментальность по отношению к людям, которые вряд ли заслуживают название истинных

* Атроситарянцы — неологизм, образованный от слова *atrosity* (злодеяние, зверство — *англ.*).

христиан». Однако противники Дизраэли не сомневались, что его отношение к этой проблеме определяет исключительно еврейское происхождение, а вовсе не дипломатия или политика. Англия допустила, чтобы во главе страны встал чужак, и сейчас этот чужак пагубно влияет на нравственность народа. Таков был плохо скрываемый смысл проповеди каноника Лиддона в соборе Святого Павла:

Можно предположить, что страна, которая совершила эти деяния, не ведает имени Иисуса Христа и ее действия не следует оценивать по нормам европейской и христианской цивилизации. Пусть так, но вот что язык наш отказывается произнести: по странному недоразумению, правительство, непосредственно ответственное за подобные деяния, обращается за поддержкой и сочувствием не к какому-то ходом истории определенному обиталищу тирании или угнетения и не к какой-то другой европейской державе, а — увы! — к Англии, к свободной, человеколюбивой христианской Англии. Предаваясь этой жестокости, Турция убедила себя — и не без основания, — что может рассчитывать на ее, Англии, благоволение или, по крайней мере, непротивление.

Одно из направлений атроситарянской риторики призывало Англию заставить своего сбившегося с пути премьера следовать христианским заветам. «Панч» опубликовал карикатуру, изображающую британского льва, укоряющего Дизраэли: «Послушай-ка, тебя я не понимаю! Но ты-то обязан понять меня! Я вовсе не рвусь поддерживать то, что там происходит!» Известный либерал Джон Брайт

Британский лев укоряет Дизраэли
(в образе Сфинкса)
за его отношение к болгарской резне.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a title or introductory paragraph.

Faint, illegible text located below the illustration, possibly a caption or a descriptive paragraph.

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly a signature, date, or footer.

возмущался «предательством министра, в жилах которого нет ни капли английской крови». Э. О. Фримен*, один из самых непримиримых врагов Дизраэли, пошел еще дальше. Он написал: «Я не могу утверждать, что мы в большинстве, но уверен: мы представляем достаточно большую часть английского народа, чтобы заставить всерьез задуматься даже еврея, опьяненного собственным чванством». Позже, когда королева посетила Хьюгенден, Фримен осудил ее за то, что она «демонстративно трапезничала с Дизраэли в его гетто».

Однако противником, чья показная праведность больше всего бесила Дизраэли, был его старый соперник Гладстон. После выборов 1874 года он покинул пост лидера либеральной партии. Однако Гладстон оставался самым влиятельным либералом в стране, и те, кто его знал, не верили, что он надолго отошел от политики. Теперь Гладстон, истово набожный христианин, под влиянием болгарских событий вернулся к политической активности. Он сделал это весьма эффектно, выпустив брошюру «Болгарский кошмар и восточный вопрос». Написанная за три дня, она была распродана в количестве более двухсот тысяч экземпляров, сделав Гладстона ярким выразителем идей партии туркофилов. Описав зверства турок в жутких красках, Гладстон далее представил нынешнюю геополитическую проблему как манихейскую борьбу христианского человеколюбия против неискоренимого зла турецких мусульман. Он писал, что в конечном счете турки «с того черного дня, когда они впервые вошли в Европу, были одним колоссальным примером всего бесчеловечного,

* Эдвард Огастес Фримен (1823—1892) — английский историк, архитектор, либеральный политик.

что есть в человеческом роде». И заключил свой труд по существу призывом к этнической чистке: «Пусть турки избавят нас от своей порчи, причем единственно возможным способом, а именно — избавив нас от самих себя <...> все до единого вон, со всеми пожитками».

Брошюра Гладстона — превосходный пример того, как высоконравственный гнев может оказаться нравственно слепым. Он до такой степени наслаждается собственной праведностью, что отказывает своим врагам в праве считаться людьми. Не задумывается он и о реальных последствиях «избавления» от турок или о том, что случится с Балканами, если взамен турецкого господства они получают российское или австрийское. Однако больше всего раздражало Дизраэли то, что Гладстон взял на себя роль нравственного наставника правительства. «Британское правительство неправильно поняло и вследствие этого представило в ложном свете чувства британцев, — писал Гладстон. — Народ должен первым делом объяснить своему правительству, как он объяснил бы малому ребенку, что тому следует говорить».

Гладстон не опустил до открытого антисемитизма, отличавшего некоторых критиков Дизраэли. Но частные письма Гладстона не оставляют сомнений в его убежденности, что премьер-министр «представляет в ложном свете» чувства англичан именно из-за своего происхождения. «[Он] ненавидит христианскую свободу», — пишет он одному из своих политических единомышленников. «Диззи, без сомнения, ищет слабую сторону английского народа, которому обязан своим столь долгим благоденствием, — сетует он в письме другому

и добавляет: — Страной правят, руководствуясь азиатскими принципами». Когда встал вопрос о досрочном роспуске парламента, Гладстон употреблял еще более резкие выражения в адрес Дизраэли: «Если Б[иконсфилду] суждено исчезнуть, он исчезнет в пламени и зловонии», как дьявол.

Однако существовал и более сочувственный взгляд на связь еврейства Дизраэли с его внешней политикой. Гладстон выразил это так: «У меня есть сильное подозрение, что скрытый иудаизм Диззи имеет отношение к его политике. Восточные евреи питают сильную ненависть к христианам, которые далеко не всегда относились к ним по-доброму». Согласно этой точке зрения, Дизраэли выступал против России исходя не из британских интересов, а потому лишь, что был возмущен тем, как русский царь преследует своих еврейских подданных. И в самом деле, именно по этой причине английские евреи, которые традиционно голосовали за либералов, в массе своей противостояли либеральной русофильской позиции. Когда они видели, как ужасно обращаются с евреями в Румынии, государстве, отторгнутом от Оттоманской империи, то вовсе не горели желанием увидеть другие подобные страны на карте Европы.

Но анализировать политику Дизраэли, используя такие аргументы, — значит ничего не смыслить в том, как он понимает свою ответственность — и еврея, и политического деятеля. В романах Дизраэли представлял себя в роли еврейского национального лидера. Но протосионистские идеи «Алроя» и «Танкреда» обозначили путь, по которому, как считает автор, евреи не пошли. При этом, выбрав для себя карьеру английского политика, он сделал все, чтобы никак не связывать себя с еврейскими проблемами.

Насколько Дизраэли был чувствителен в этом отношении, можно судить по тому, как он реагировал, когда ему предложили ходатайствовать о титуле пэра для Мозеса Монтефиоре. Дизраэли ответил, что ему «менее чем любому другому премьер-министру пристало выступать с такой рекомендацией». Вопреки всем его намерениям на подспудно проявляемое еврейское могущество при самомалейшей необходимости использовать в еврейских интересах реальную государственную власть Дизраэли трепетал. (На самом деле первым пэром еврея помог сделать Гладстон.)

Из-за позиции, занятой Дизраэли по отношению к болгарской резне, он фактически не смог использовать свое политическое положение для защиты коллективных еврейских интересов. Дизраэли не пошел навстречу жалобам болгар прежде всего потому, что он интуитивно предпочитал устоявшиеся многонациональные империи национальным освободительным движениям. Будь то Греция, восставшая против Турции, Италия, восставшая против Австрии, или Польша, восставшая против России, Дизраэли неизменно принимал сторону установившейся имперской власти. И это предпочтение, по всей видимости, было тесно связано с его пониманием собственного еврейства.

В конечно счете, если бы эта нация представляла собой весомую политическую единицу, то поработать на ее освобождение было бы политически необходимо и Дизраэли неминуемо связал бы свою судьбу с еврейским народом. Он вступил бы на путь сионизма, который так искушал его, еще когда он писал «Алроя». Но к тому времени, когда Дизраэли создал образ Сидонии, он уже осознал, что этот путь не для него. Вместо этого он посвятит себя Британской

империи, даже понимая, что никогда не сможет принадлежать английскому народу в самом глубинном смысле. Отчасти для того, чтобы убедить самого себя в правильности такого решения, он и разработал свою расовую теорию. Ведь если евреи — это раса, а не нация, то они обладают биологической общностью, которую не могут нарушить ни политическое, ни религиозное «отступничество». Евреи как отдельные личности могут проявлять свои способности на службе имперским правительствам, при этом делая честь своей расе, — так таланты Сидонии, которые проявлялись в диаспоре, служили своего рода рекламой еврейского могущества.

Ко времени злодейской резни в Болгарии Дизраэли уже несколько десятилетий хранил верность избранному пути. В столь критический момент он мог руководствоваться никак не еврейскими, а исключительно британскими интересами. Когда его противники предположили, что эти интересы он понимает превратно, трактуя их с точки зрения власти, но не справедливости, Дизраэли, конечно же, возмутился. Чем с большей горячностью выступали его критики, тем более демонстративно он держался своей первоначальной позиции и более небрежно говорил о болгарских событиях. В парламенте он позволил себе сказать о «пустой болтовне из-за никому не известных болгар». Брошюра Гладстона стала «самым страшным из всех болгарских кошмаров», острил он. Он даже написал леди Бредфорд из Хьюгендена: «Я близок к тому, чтобы учинить и здесь какое-нибудь злодейство — перебить всех павлинов».

Подобное бессердечие было не просто дурным тоном. Оно к тому же давало понять, что привычка отождествлять себя с властью, а не с теми, кто ее лишен, обходится Дизраэли дорого.

Когда его оппоненты обращали внимание на неподдельные и ужасающие страдания болгар, он не сочувствовал им — не мог себе этого позволить. Даже если предположить, что его протурецкая политика была правильной, публичная демонстрация сочувствия болгарским христианам облегчила бы ему проведение этой политики. Вместо этого Дизраэли тут же перевел дискуссию из плана морали в план геополитический, то есть действовал так, как если бы на весах имперских интересов болгар не стоило и учитывать. Действуй Дизраэли иначе, ему пришлось бы спросить себя, правильно ли отрегулированы эти веса и каким целям служат империи, если они жиреют за счет страданий живых людей. Одним словом, Дизраэли пришлось бы задуматься, действительно ли величие — эстетическая категория, которая всегда питала его честолюбие, — важнее справедливости. На этом, уже позднем, этапе его карьеры задаваться подобным вопросом было бы слишком жестоко.

Страсти, вызываемые болгарской резней, не утихали. На протяжении последующих двух лет британская политика разделится на две ветви — протурецкую и пророссийскую, с некоторыми допущениями они будут связаны с консервативной и либеральной партиями, соответственно. Как отметил один обозреватель, политические столкновения в этот период стали самыми ожесточенными на его памяти: «Старые друзья превращаются в заклятых врагов, члены одной семьи перестают общаться друг с другом, а когда начинается дискуссия, что происходит в любое время дня и ночи среди лиц обоего пола в любых слоях общества, ее участники впадают

в такое возбуждение, что опускаются до самой отборной брани, переходя при этом на личности, и расходятся во мнении они не столько о существе вопроса, о котором часто имеют весьма смутное представление, но о чувствах, которые они питают к лорду Биконсфилду или к мистеру Гладстону».

Суть этих дебатов сводилась к тому, как Британии следует реагировать на обострение кризиса на Балканах. В апреле 1877 года Россия объявила войну Турции, утверждая, что защищает православных подданных султана. В ответ Британия заявила, что нападение русских войск на Константинополь будет расценивать как угрозу своим жизненным интересам. Общественное мнение стало склоняться в сторону твердого политического курса Дизраэли, и в популярной песенке прозвучало слово, которому было суждено большое будущее: «Мы не хотим сражаться, но, клянусь Богом, если уж придется, / У нас найдутся и корабли, и солдаты, и деньги»*.

Однако возникла проблема: общество было так резко настроено против турок, что заставить Англию участвовать в войне на стороне Турции представлялось невозможным. Воевать бок о бок с мусульманами, творившими зверства, против христианской страны, которая защищала жертв этих зверств, казалось многим англичанам чудовищным. Гладстон открыто заявил:

* Речь идет о выражении *by Jingo* («клянусь Богом»), которое вошло в употребление в Англии в период Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, когда после отправки в турецкие воды английской эскадры для противодействия русским войскам в стране резко усилились ультрапатриотические настроения. Оно стало рефреном этой модной воинственной песенки, и от него образовалось название английского радикального национализма — «джингоизм».

«В последние полтора года, днем и ночью, неделю за неделей, месяц за месяцем, я преследовал одну цель: приложить все усилия, чтобы противостоять лорду Биконсфилду в достижении его цели, какой я ее понимаю». Воинствующая позиция Дизраэли вызывала тревогу не только у либералов. Когда он потребовал от парламента проголосовать за крупный кредит, чтобы начать мобилизацию, и отдал приказ британскому флоту войти в Дарданеллы, министр иностранных дел его кабинета — новый граф Дерби, бывший Стэнли, сын старого начальника Дизраэли — в знак несогласия ушел в отставку.

К началу 1878 года русские нанесли поражение туркам, так что предотвратить раздел Оттоманской империи Дизраэли уже не смог. Но русские еще не двинулись на Константинополь, и Дизраэли хотел гарантировать выполнение условий своего ультиматума. Он продолжил военные приготовления и в апреле предпринял необычный (а в оценке его противников — противозаконный) шаг, передислоцировав войска из Индии в Средиземноморье. Он сознательно рисковал повторить Крымскую войну, а на этот раз Британии пришлось бы вести ее уже без такого союзника, как Франция. Пойти на этот риск, по мнению Дизраэли, стоило ради того, чтобы обеспечить защиту пути из Британии в Индию и поддержать репутацию Британии как великой державы.

Но даже эту позицию, которая прежде всего свидетельствовала об излишнем усердии в служении британским интересам, кое-кто, конечно же, объяснял «чужеродностью» Дизраэли. Когда-то Дерби был политическим протеем Дизраэли, они были знакомы и работали вместе в течение тридцати лет. Но сейчас даже он обратился против своего наставника и обвинил Дизраэли

(а эти обвинения преследовали его давно) в том, что тот так в сущности и не сумел до конца понять Англию, поскольку не смог стать настоящим англичанином. «Как и все иностранцы, — писал Дерби, — он целиком полагается на “авторитет” и считает (вполне искренно), что истратить двести миллионов фунтов на войну в интересах страны, если в результате мнение иностранных государств о нас как военной державе повысится». Ту же политику, которая сделала Пальмерстона героем, стали считать «иностранной», когда ее проводил еврейский премьер-министр.

Тем не менее Дизраэли, невзирая ни на что, продолжал следовать наступательным курсом. Королева горячо его поддерживала, и их переписка во время этого напряженного периода, длившегося несколько месяцев, говорит о большой близости. «Он уверен, что такой преданности, какую заслуживает Ваше величество, просто не существует, — писал королеве Дизраэли в феврале 1878 года, — и лишь сожалеет, что уже не молод и не столь полон сил, чтобы достойно защищать такую воодушевляющую на неустанный труд госпожу, как Ваше величество». Они оба считали, что Британия может вести переговоры с Россией только с позиции силы. «Когда вся Европа вооружена, — вопрошал Дизраэли в Палате лордов, — должна ли Англия разоружиться?»

В конце концов балансирование на грани войны принесло Дизраэли успех: русские не стали пересекать Дарданеллы, и войну удалось предотвратить. Однако, хотя турки и потеряли значительную часть своей территории, вопрос о том, как перекраивать карту Балкан, никуда не исчез. Условия Сан-Стефанского мирного договора, который Россия навязала Турции, были

очень тяжелыми, и некоторые его пункты особенно тревожили Британию. К России отходил большой кусок территории в Малой Азии, а на Балканах возникало крупное новое государство Болгария, которое грозилось стать марионеткой России.

Но события, последовавшие за Сан-Стефанским договором, и принесли Дизраэли самый крупный его дипломатический успех. Его решительная политика в сочетании с давлением со стороны других великих держав вынудила Россию согласиться, что послевоенные границы определит специальная конференция. В июне 1878 года открылся Берлинский конгресс, собравший всех ведущих государственных деятелей Европы. Дизраэли был очень слаб. «Королевством еще никогда не управляли кашель и чих такой мощи», — писал он леди Бредфорд, но все же решил лично присутствовать на конгрессе. Основную работу проделал Солсбери, некогда беспощадный критик Дизраэли, а теперь новый министр иностранных дел в его кабинете. «Иза-за глухоты, незнания французского и престранной манеры Бисмарка говорить, — жаловался он, — Биконсфилд имел самое туманное представление о происходящем».

Но звездой Берлинского конгресса стал именно Дизраэли. Ни один дипломат не сделал больше для того, чтобы остановить наступление России и принудить ее сесть за стол переговоров. Даже один либеральный политик признал, что «сейчас Англия держит голову как никогда высоко, и обязаны мы этим прозорливости, силе воли и руководству того подвергаемого презрению человека, которого некогда звали Бенджамин Дизраэли». В Берлине необычное происхождение и карьера романиста сделали Дизраэли знаменитостью. «Меня забавляет, — писал он

не без хвастовства, — что почти все, и уж во всяком случае все дамы, от императрицы и далее вниз по статусу, читают мои романы. Дамы обычно читают “Генриетту Темпл” — “историю любви”, написанную сорок лет назад, что вряд ли приличествует Чрезвычайному посланнику». Бисмарк, которым Дизраэли восхищался, выразил общее мнение: *Der alte Jude, das ist der Mann* — «Этот старый еврей — настоящий мужчина».

Дизраэли достиг стоящих перед ним дипломатических целей, что позволило ему считать Берлинский конгресс серьезным успехом. «Большая Болгария», замысленная Россией, была поделена на две части, и ее границы изменены в пользу Турции. Сверх того Британия обрела остров Кипр, переданный ей Турцией, чтобы она могла использовать его в качестве военной базы с целью отразить возможную агрессию России, а это было еще более впечатляющим достижением. Противники Дизраэли обвинили его в захвате чужой территории, а Гладстон назвал этот шаг «безумием». Но именно такого рода дерзкие акции были особенно по душе Дизраэли. Еще подростком он мечтал управлять судьбами народов. Теперь он единолично расширял границы Британской империи.

В июле после подписания Берлинского договора Дизраэли вернулся домой, где его встречали как героя. От вокзала до Даунинг-стрит его сопровождали ликующие толпы, и он, подойдя к окну своего кабинета, поблагодарил их: «Лорд Солсбери и я привезли вам мир, но мир, как я надеюсь, почетный, который удовлетворит нашего монарха и будет содействовать процветанию страны». Именно к этой речи отсылал Невил Чемберлен, когда по возвращении из Мюнхена в 1938 году, сказал: «Дорогие друзья,

во второй раз в нашей истории британский премьер-министр привез из Германии почетный мир. Я уверен, что он означает мир до конца наших дней», — и тем самым навлек позор на высказывание Дизраэли.

На самом деле постыдная уступка Чемберлена нацистам — полная противоположность тому, чего добился Дизраэли, ибо почетный мир Дизраэли заключил благодаря тому, что был готов начать войну для защиты важнейшего, по его мнению, принципа. Он показал, как много значит «та сила, которой часто необходимо обладать, чтобы совершать великие дела, хотя, к счастью, необходимости прибегнуть к этой силе может и не возникнуть». Совершенно очевидно, что в тридцатые годы двадцатого века близкие Дизраэли принципы защищал Уинстон Черчилль, сторонник перевооружения и противник попустительства.

Можно сказать, что и в более широком смысле своим представлением о величии и благородной миссии Британской империи, поддерживавшим Черчилля в самые трудные минуты Второй мировой войны, он в значительной степени обязан дизраэлевскому романтическому империализму. Люди абсолютно разного происхождения (Черчилль был потомком одного из величайших деятелей в английской истории герцога Мальборо), эти два премьер-министра имели нечто общее, что было куда важнее родословной. Они оба были писателями (причем единственными крупными писателями во главе кабинета министров) и видели свою страну не только политически, но и поэтически. О Черчилле, как и о Дизраэли, можно сказать, что Англия была Израилем его воображения.

В некоторых речах военного времени Черчилль, казалось, осознанно обращался к мощному

дизраэлевскому видению судьбы Британии. Выступая в Палате общин 3 сентября 1939 года, в день, когда Англия объявила войну Германии, Черчилль противопоставил сожалению, высказанному Чемберленом, «чувство благодарности за то, что, если нашему Острову суждены эти великие испытания, у нас есть поколение британцев, готовое сейчас же доказать, что оно достойно славы былых времен и памяти великих людей, отцов нашей страны, которые заложили основы наших законов и создали ее величие». Здесь, конечно же, слышны отголоски знаменитой речи Дизраэли, произнесенной в ноябре 1878 года по поводу берлинского триумфа, в которой он укорял тех, «кто думает, будто могущество Англии на ущербе». «Я уверен, — продолжал Дизраэли, — если Англия останется верна себе, если английский народ докажет, что достоин своих предков, если англичане все еще не утратили мужества и решимости своих отцов и дедов, то они навсегда сохранят и силу свою, и незапятнанную честь».

В самые опасные периоды современной британской истории Черчилль, осознанно или нет, обращался к Дизраэли, как и он, взывая к гордости и стойкости. «Отцы и деды» Дизраэли не были «отцами и дедами» его слушателей, он восхвалял предков за те достоинства, которыми, по мнению многих англичан, сам не мог обладать, и уже по одному этому заимствование Черчиллем образов из речей Дизраэли трогает больше всего. В один памятный момент Черчилль и сам отдал дань Дизраэли, рассказав, какое впечатление тот произвел на него. В ноябре 1947 года он записал, что ему снилось, будто он разговаривает со своим отцом Рэндольфом Черчиллем, который проявил себя видным консервативным политиком в последние годы жизни Дизраэли. «Я всегда верил в Диззи,

этого старого еврея, — сказал Рэндольф сыну во сне. — Он провидел будущее».

В исторической перспективе нет ясного понимания, действительно ли Берлинский конгресс стал для Англии таким крупным успехом, каким казался в то время. Историки продолжают размышлять, на самом ли деле твердая позиция Дизраэли не позволила России пересечь Дарданеллы или, как позднее стало известно из дипломатических архивов, в этой войне царь с самого начала не хотел переступать определенные границы. Кроме того, приобретение Кипра со всей очевидностью оказалось тяжким бременем. Он так и не стал для Британии военной базой, а в пятидесятые годы двадцатого века англичанам пришлось участвовать в жестоком подавлении освободительного движения киприотов. В более широком смысле остается неясным, соответствовало ли сохранение Османской империи жизненным интересам Британии, в чем не сомневался Дизраэли. Застарелый страх перед тем, что Россия сможет отрезать Англию от Индии, некоторые аналитики и в то время считали плодом воображения.

Если бы Британия участвовала в разрушении Османской империи заодно с другими европейскими державами вместо того, чтобы поддерживать ее, не исключено, что последующая история Европы сложилась бы иначе. Ведь Берлинский конгресс не смог обеспечить длительный мир на Балканах. В 1914 году Босния станет горячей точкой, открывшей Первую мировую войну. Даже в наши дни этнические столкновения в бывшей Югославии являются следствием того, что Европа не смогла удачно решить Восточный вопрос. И все же, когда Дизраэли в 1878 году

вернулся из Берлина домой, его ликование было оправданным. Вопреки сильному противодействию он довел свою рискованную политику до успешного завершения; он защитил то, что считал британскими интересами, и на срок жизни целого поколения помог сохранить политическое равновесие в Европе. И все это он сделал исключительно благодаря силе воли — той силе воли, которая позволила ему подняться из неизвестности к мировой славе. На целую жизнь раньше в романе «Контарини Флеминг» он признавался: «[Я] глубоко убежден: если я не стану величайшим из людей, моя жизнь будет невыносимой». Теперь, по крайней мере на время, он им стал.

В последней речи перед Палатой общин, Дизраэли заявил: «В этот критический момент наш долг состоит в том, чтобы защитить Английскую империю». На Берлинском конгрессе стало ясно, что он этот долг исполнил. О своих имперских взглядах он снова напомнил в выступлении 1879 года, где провозгласил еще один лозунг: «Когда одного из величайших римлян спросили, каковы его политические принципы, он ответил: *Imperium et Libertas**. Совсем недурная программа для любого британского правительства». Впрочем, как показали последние два года работы правительства Дизраэли, совместить такие ценности, как Империя и Свобода, в конечном счете оказалось невозможно.

Едва избежав войны с Россией, Дизраэли совершенно не желал ввязываться в новые каверзы «большой игры». Однако не прошло и месяца после Берлинского конгресса, как напряженная обстановка возникла в Афганистане — стране, расположенной между Россией и Британской Индией. Эмир Афганистана принял в Кабуле официальную делегацию русского царя, чем

* Империя и Свобода (лат.).

вызвал негодование англичан. Лондон предостерег лорда Литтона — вице-короля Индии, назначенного на этот пост по предложению Дизраэли, — от слишком решительных ответных действий, надеясь избежать вооруженного вмешательства, поскольку позиции британских войск и без того были слишком растянуты. Но лорд Литтон пренебрег указаниями Лондона и направил в Афганистан собственное вооруженное посольство. Когда же его остановили на границе, Литтон ответил уже полномасштабным вторжением. В результате Второй афганской войны (так ее назвали) место эмира занял его сын.

Вследствие этих событий отношения с Россией вновь обострились, причем в самый неблагоприятный момент, что привело Дизраэли в состояние крайнего раздражения, и он обвинил Литтона в превышении власти. Однако в действительности сама имперская система с неизбежностью предполагает передачу местным губернаторам полномочий открывать военные действия, когда для установления связи с Лондоном требуются дни, а то и недели. И логика управления империей, заветной «Английской империей» Дизраэли, приводила к постоянному возобновлению конфликтов. Как показала афганская война, границы империи не могут оставаться неизменными — они должны постоянно расширяться, чтобы обеспечить защиту ранее завоеванных территорий.

Тот же принцип подвижности границ действовал в Южной Африке, где через несколько месяцев разразилась еще одна приграничная война. И снова губернатор сэра Бартл Фрер*

* Генри Бартл Эдвард Фрер (1815—1884)) — английский политический деятель, с 1877 по 1880 год губернатор Ка-

превысил свои полномочия и предпринял нападение на соседнюю страну, полагая наступление лучшей обороной. На этот раз ему пришлось воевать с зулусами, оказавшимися более грозными противниками, чем афганцы. В январе 1879 года зулусская армия уничтожила отряд англичан численностью 1200 человек при Изандлване, что привело к военному кризису и политической катастрофе для Дизраэли. Он вообще не желал войны с зулусами и публично клеймил Фрера.

Воображение всегда играло важную роль в политической жизни Дизраэли. Именно оно позволило ему разглядеть в партии тори общенациональную партию в тот период, когда она казалась всего-навсего реакционной устаревшей политической организацией, а в себе — поборника английских традиций, когда все принимали его за чужака. Но сейчас его живое представление о славе империи оказалось чуть ли не слишком убедительным: оно создавало впечатление, будто война в Южной Африке, война в Афганистане и балансирование на грани войны из-за Константинополя — все это звенья целенаправленной политики, а не цепь непредвиденных кризисов, с которыми Дизраэли пытался совладать.

Гладстон, например, был уверен, что Дизраэли следует определенной идеологии, которую он не признавал, — «биконсфилдизму». В конце 1879 года в Шотландии во время легендарной мидлотианской* избирательной кампании Гладстон вернулся к активной политической деятельности, выступив с серией страстных

планда и верховный комиссар южноафриканских колоний Британии.

* Мидлотиан — графство в Шотландии.

речей перед огромными толпами избирателей. Главной темой его выступлений, как и в предшествующие три года, стали злодеяния Дизраэли, которого он обвинял в попытках сбить англичан с пути истинного. Долг премьер-министра, наставляя он слушателей, состоит «не в том, чтобы манить людей ложными призраками славы, дабы ввести в пагубное заблуждение, и не в том, чтобы потакать их слабостям, заставляя уверовать, будто они лучше, чем весь остальной мир <...> но в том, чтобы утверждать принцип, который признает равенство и братство народов». Он побуждал своих слушателей «вспомнить о святости имени христианина», которое несет каждый из них, и «принять твердое решение <...> перед Богом и людьми» отринуть «вредоносные и разрушительные ошибки» правительства Дизраэли. Он призвал Британию отомстить своему искусителю. «Народ — это сила, которую трудно раскачать, — гремел Гладстон, — но когда его раскачали, сопротивляться ему — дело еще более трудное и безнадежное».

Эти нападки были так упорны и использовали столь мощные религиозные образы, что перед ними не устояла даже броня дизраэлевского безразличия. В ответ он назвал Гладстона «краснобаем, который нафарширован софизмами, опьянен собственным бьющим через край словоизвержением и наделен таким воображением себялюбца, которое в любой момент готово предоставить в его распоряжение бесконечное число несообразных аргументов, дабы опрочить противника и возвысить себя самого». Среди своих он называл его «С.З.», то есть Сверхзлодей. Огонь взаимной вражды еще больше разжигала Виктория, которая возненавидела Гладстона так же люто, как его ненавидел Дизраэли. «Она скорее отречется от трона, чем

встретится или согласится иметь дело с этим *полумным смутьяном*», — бушевала королева.

Однако ход событий не оставил Виктории выбора. Если бы Дизраэли назначил общие выборы на 1878 год, непосредственно после своего берлинского триумфа, то консерваторы могли с легкостью одержать победу. Но он протянул до весны 1880 года, а к тому времени произошли существенные перемены. Успех Гладстона в Мидлотиане увенчал победу либералов, и в результате тори потеряли более сотни мест в парламенте. Свой вклад в эту неудачу внесли как войны в Афганистане и Южной Африке, так и морализаторские речи Гладстона. Но окончательно судьбу консерваторов решил резкий экономический спад, а в придачу к нему несколько лет застоя в сельском хозяйстве. «Насколько я понимаю, — объяснял Дизраэли, — нас обвиняют в том, что наступили “тяжелые времена”. Те, кто бедствуют, хотят перемен, причем неважно каких — они просто устали ждать».

В апреле 1880 года, после шести лет на посту премьер-министра, Дизраэли покинул его в последний раз. Их прощание с королевой напоминало расставание влюбленных. «Отношения с Вашим величеством были его главным, если не сказать почти единственным источником радости и интереса в этом мире», — говорил он Виктории. Дизраэли, конечно, преувеличивал, но не кривил душой. Королева оставалась единственной женщиной, которой он мог льстить и на которую хотел производить впечатление, и роль ее защитника давала ему одно из самых приятных и острых ощущений в жизни. Столь же неподдельна была и ее печаль, что она доказала, решившись на необычный шаг — написать ему от первого лица: «Когда мы будем обмениваться письмами — а я надеюсь на

продолжение переписки по множеству предметов личного свойства, переписки, которая никогда не поразит и никому не нанесет обиды <...> то, думаю, мы сможем писать на этот более естественный лад».

Дизраэли остался лидером консервативной партии. Однако ему минуло семьдесят пять, его здоровье оставляло желать лучшего, и он, по-видимому, почувствовал, что до следующих общих выборов уже не доживет. И тогда, вместо того чтобы отдать те силы, что у него еще сохранились, политике, он в последний раз обратился к своему первому призванию — литературе. Дизраэли возобновил работу над романом, который начал набрасывать сразу после «Лотарио», и в сентябре закончил «Эндимиона». Гонорар за книгу составил десять тысяч фунтов — неслыханная сумма, свидетельствующая об особой привлекательности автора для публики: ни прежде, ни в дальнейшем политик ранга Дизраэли серьезное художественное произведение не издавал. При этом его совершенно не тревожило, что он может уронить свой высокий авторитет, заработанный на политическом поприще, занимаясь литературой. Он не собирался отказываться от любой грани своей личности — был слишком горд и сознавал, что воображение романиста в немалой мере способствовало его политическому успеху.

Возможно, Дизраэли даже испытывал определенное удовлетворение, напоминая миру, что, хотя Гладстон и написал множество книг по истории и теологии, он никогда не смог бы сочинить роман. «Нет такой литературной формы, в которой этот господин не пробует свои силы, — насмешничал Дизраэли, — за исключением формы художественного вымысла, истинного мерилла всех талантов. <...> Трудно

представить себе что-либо менее музыкальное, более запутанное или неуклюжее, чем вся его писанина; он не создал ни страницы, достойной занять место в вашей библиотеке».

В первом своем романе Дизраэли предавался мечтам о политической карьере, которая, как он верил, ждет его в будущем. Теперь, в последней книге, он с грустью писал о карьере, остающейся в прошлом. Как и его создатель, Эндимион Феррарс — молодой человек, совершающий свой путь в политике в тридцатые и сороковые годы девятнадцатого века. Этот замысел позволяет Дизраэли погрузиться в воспоминания о политическом мире своей молодости и высмеивать его, хотя и без злости. Зенобия, светская дама, воплощает высокомерие своего теряющего величие класса. Когда кто-то объясняет ей смысл понятия «общественное мнение», она только смеется в ответ: «Что за нелепость! Да это просто другое название одного и того же. Как будто может существовать какое-то мнение, кроме мнения монарха и двух палат парламента». Мы слышим самодовольный голос дореформенных тори, и Дизраэли был одним из последних политиков, который его еще помнил.

В «Эндимионе» Дизраэли заново проживает свои годы ученичества — политические сплетни, дружбу-соперничество, даже страх публичных речей. «Эндимион впервые услышал, как сам говорит на публике, — пишет Дизраэли. — Пройдя через множество испытаний, он понял, что никогда в жизни не переживал так сильно». Но прежде всего Эндимион наделен таким же честолюбием, которое отличает всех героев Дизраэли. Когда некий уже поживший человек наставляет его: «Успеха в жизни можно достигнуть и не выделяясь из толпы», — он отвечает: «Но я имею в виду истинный успех в жизни. Я

хочу стать публичным политиком». Тем не менее Эндимиону, примкнувшему к вигам в период, когда эта партия была у власти, удовлетворить свое честолюбие оказалось куда проще, чем Дизраэли. К концу романа Эндимион, еще молодой, занимает пост премьер-министра.

Это возвышение становится возможным благодаря Майре, его сестре-близнецу, персонажу значительно более волевому. Если Эндимиону Дизраэли приписывает свое честолюбие, то Майру он наделяет собственной неумолимой решимостью. Ради брата она готова на любые жертвы. «После долгих размышлений я пришла к убеждению, что человек, поставивший перед собой определенную цель, обязан ее достигнуть, и ничто не может противостоять ему, если ради исполнения своего желания он готов поставить на карту жизнь», — заявляет Майра. Она способствует успешной карьере брата, заключив брак с лордом Роумптоном, политиком преклонных лет, прототипом которого послужил лорд Пальмерстон; затем, после его смерти, Майра поднимается еще выше — выходит замуж за принца Флорестана (литературный дублер Наполеона III). Эта фантастическая карьера, по всей видимости, для Дизраэли — способ выразить признательность тем женщинам, которые содействовали его собственному успеху: сестре, жене и даже королеве. Женщины, напоминает он читателям, обладают политической властью, даже когда они сами лишены политических прав. «Все в этом мире зависит от воли», — говорит Эндимиону другая светская дама, на что он возражает: «А я думаю, что в этом мире все зависит от женщин». «Это одно и то же», — отвечает она.

Однако самое важное в образе Майры — это причина ее почти устрашающей решимости.

Отец Майры и Эндимиона сам был членом кабинета министров, и их детство прошло в Лондоне в привилегированной семье. Но после Билля о реформе отец утратил свой пост, обанкротился и покончил жизнь самоубийством. Беззаботный Эндимион смог устоять под ударами судьбы, но для гордой Майры ее положение было невыносимым: «Я чувствую себя так, будто мы упали с какой-то звезды», — говорит она. Ее единственной целью в жизни становится возвращение утраченного родового имения. «Мы никогда не должны забывать о великой цели, ради которой оба живем, — говорит она брату, — ради которой мы рождены близнецами: восстановить наш дом, освободиться от нищеты, бесчестья, страданий и отвратительного позора и подняться до положения, которое соответствует нашим требованиям и которого, я уверена, мы достойны».

В словах Майры, несомненно, отражается пережитое самим Дизраэли из-за своего еврейства. Он тоже рос, сознавая, что каким-то непостижимым образом опозорен — что происхождение опустило его почти на самое дно английского общества, хотя таланты побуждали стремиться к вершине. Великим триумфом воображения Дизраэли стало переосмысление своей национальности как славного наследия, и оно послужило основой всех его реальных побед. И если Майра ставит целью лишь восстановление, как она говорит, «нашего дома», то Дизраэли разрывался между двумя путями — освобождением общим и личным. Еще в «Алрое» он видел, что судьба Давида Алроя, спасителя еврейского народа, человека, возрождающего еврейское государство, несовместима с судьбой Хонайна, который сам себе мессия. В конце концов его собственные силы и возможности, предоставленные ему миром, в котором он обитал,

привели Дизраэли к решению избрать второй путь. Он прошел по нему до завершающей стадии, самой славной из всех возможных, но этот блеск, эта слава осталась его личной славой, и о нем до сих пор вспоминают как о великом исключении в европейской истории. Более чем через век с четвертью после своей смерти Дизраэли — единственный еврей, ставший премьер-министром Англии.

Еврейство Дизраэли представлял крайне искаженно, оттого что с жизнью евреев того времени никак не был связан. Мало-помалу эти ложные представления даже стали играть на руку врагам евреев, когда они принимали речи Сидонии, образа вымышленного, воплощавшего мечту о еврейском могуществе, за реальное описание жизни евреев. Однако рожденная воображением Дизраэли картина еврейства сыграла свою роль, роль, необходимую ее создателю. Она дала ему уверенность в том, что он может соперничать с представителями английской знати, и чувство собственного достоинства, благодаря которому он выдерживал самые болезненные нападки врагов; она позволила ему взглянуть на свой жизненный путь как на благородное приключение. Наконец он, как и Майра на заключительных страницах «Эндимиона», мог сказать: «Все, чего я желал, все, о чем мечтал, свершилось и прошло».

Закончив «Эндимион», Дизраэли сразу же приступил к работе над новым романом — «Фальконет», но успел завершить лишь несколько глав. Когда парламентская сессия 1881 года открылась, Дизраэли, несмотря на пошатнувшееся здоровье, занял свое место в Палате лордов; в марте он ужинал с королевой в Виндзорском замке. Но в конце того же месяца в Лондоне разразилась вьюга, Дизраэли

простудился, и его состояние стало быстро ухудшаться. Бронхит, который мучил его много лет, вернулся — ему становилось все труднее дышать. «Я чувствую, что умираю, — сказал он одному из друзей. — Что бы ни говорили вам доктора, я не верю, что поправлюсь». Ранним утром 19 апреля Дизраэли ненадолго пришел в себя. Сидя на кровати, он протянул руку и пошевелил губами — так, словно поднимался во время дебатов, чтобы произнести речь. Через десять минут его не стало. «Как раз в тот миг, когда он испустил дух, — сказал один их тех, кто был рядом, — я подумал, что никогда не видел его таким торжествующим, таким победоносным».

**ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ТАБЛИЦА**

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ

ТАБЛИЦА

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- Середина II тыс. до н. э. Фараон поставил Иосифа «над всею землею Египетскою».
- Ок. 1000 г. до н. э. Царь Соломон строит храм в Иерусалиме.
- Ок. 1027 г. Шмуэль а-Нагид становится визирем мусульманской Гранады.
- 1066 г. Нормандское завоевание; нормандские бароны отвоевывают Англию у саксов.
- 1144 г. Первый кровавый навет в Норидже (Англия).
- Ок. 1160 г. Курдский еврей Давид Алрой возглавляет восстание против турок-сельджуков в Азербайджане.

- 1190 г. Король Ричард I приносит в Англию дух крестовых походов; в стране начинается избиение евреев.
- 1290 г. Король Эдуард I изгоняет евреев из Англии.
- 1492 г. Изгнание евреев из Испании. Исаак Абоаб Младший, глава еврейской общины Кастилии, ведет переговоры с королем Португалии, чтобы тот разрешил некоторым испанским евреям переселиться в Португалию.
- 1497 г. Король Португалии Мануэл I издает декрет об обращении всех евреев в христианство.
- 1616 г. Уриэль Акоста, португальский еврей, живущий в Амстердаме, формулирует свои Одиннадцать тезисов, в которых отвергает раввинистический иудаизм. Неоднократно изгоняется из еврейской общины.
- 1656 г. Оливер Кромвель, желая распространить евреев

- по всему миру, чтобы ускорить «Второе пришествие», неофициально поощряет Менаше бен Исраэля, раввина сефардов Амстердама, заново основать в Англии еврейскую общину.
- 1688 г. Славная революция провозглашает, что верховной властью в Британии отныне обладает не монарх, а парламент.
- 1748 г. Бенджамин Д'Израэли приезжает из Италии в Англию, ему восемнадцать лет.
- 1766 г. У Бенджамина Д'Израэли и его жены Сары рождается сын Исаак.
- 1780 г. Мозес Мендельсон, еврейский философ, издает свой труд «Иерусалим», в котором утверждает, что евреи должны иметь право участвовать в общественной жизни*.
- 1791 г. Исаак Д'Израэли публикует «Литературные курьезы», книга сразу становится бестселлером.

* По другим сведениям, этот труд вышел в 1783 г.

- 1802 г. Исаак Д'Израэли женится на Марии Басеви, которая ведет свой род от испанских евреев, потомков Исаака Абоаба, последнего гаона Кастилии.
- 21 декабря 1804 г. У Исаака и Марии Д'Израэли рождается сын Бенджамин.
- 1813 г. Исааку Д'Израэли предлагают стать *парнасом* синагоги Бевис-Маркс в Лондоне; Исаак отклоняет это предложение.
- 1815 г. Англия наносит Наполеону окончательное поражение.
- 1817 г. Дети Д'Израэли — Сара, Бенджамин, Ральф и Джеймс — крещены в англиканской церкви.
- Бенджамин посылает в Хайэм-Холл, небольшую школу, которую возглавляет священник унитарийской церкви.
- 1821 г. Бенджамин начинает готовиться к адвокатской карьере.

Бенджамин Дизраэли

- 1823 г. Бенджамин изменяет свою фамилию с Д'Израэли на Дизраэли.
- Июль 1824 г. Бенджамин уходит из юридической конторы, совершает с отцом поездку по Германии и начинает вкладывать деньги в акции южноамериканских горнорудных компаний.
- 1824 г. Умирает лорд Байрон, английский поэт-романтик.
- Лето 1825 г. Дизраэли и издатель Джон Мюррей планируют учредить новую либеральную газету «Репрезентатив»; газета просуществовала недолго, а Дизраэли еще до ее закрытия прекращает в ней участвовать.
- 1825 г. Роберт Пламер Уорд издает роман «Тремейн, или Светский человек», первое художественное произведение, достоверно описывающее жизнь аристократии.
- Немецкий поэт и писатель еврейского происхождения Генрих Гейне

переходит в лютеранство, чтобы облегчить свою литературную судьбу; вскоре он начинает сожалеть о крещении и пытается вернуться в еврейскую общину.

1826 г.

Дизраэли анонимно издает «Вивиана Грея», роман о честолюбивом молодом человеке; читатели разочарованы, узнав, что автор на самом деле не возвращается в свет, и Дизраэли переживает тяжелую депрессию.

1828 г.

Дизраэли публикует короткое сатирическое произведение «Попанилла».

Май 1830 г.

Дизраэли и жених его сестры Уильям Мередит — позже к ним присоединяется их общий друг Джеймс Клей — отправляются в путешествие по Средиземноморью.

1830 г.

В результате революции во Франции династию Бурбонов сменяет конституционная монархия.

Бенджамин Дизраэли

- Ноябрь 1830 г. В Англии к власти приходит партия вигов, намеревающаяся провести через парламент Билль о реформе.
- Февраль 1831 г. Дизраэли посещает Иерусалим.
- Июль 1831 г. Уильям Мередит умирает от оспы в Каире; Дизраэли возвращается в Англию.
- 1831 г. Дизраэли публикует роман «Молодой герцог».
- Май 1832 г. Дизраэли публикует роман «Контарини Флеминг».
- Июнь 1832 г. Король Вильгельм IV содействует прохождению Билля о реформе; начинается процесс расширения избирательного права для британских земельных арендаторов.
- Дизраэли пытается избраться в парламент от округа Хай-Уиком как «крайний радикал», но терпит поражение от Чарлза Грея, сына премьер-министра; вторую попытку, также неудач-

- ную, он предпринимает в декабре.
- 1832 г. Гладстон избирается в парламент, ему двадцать два года.
- 1833 г. Дизраэли публикует роман «Удивительная история Алроя».
- Исаак Д'Израэли публикует свой труд «Гений иудаизма».
- 1835 г. Дизраэли участвует в парламентских выборах в Тонтоне как кандидат от тори и снова проигрывает. Он вызывает на дуэль лидера ирландских католиков Дэниела О'Коннелла.
- 1836 г. Дизраэли публикует роман «Генриетта Темпл». Героине его он дал имя своей любовницы Генриетты Сайкс, которую встретил в 1833 году.
- 1837 г. Дизраэли публикует роман «Венеция».
- Мозес Монтефиоре избран шерифом Лондона.
- Июнь 1837 г. Умирает король Вильгельм IV, на престол вос-

- ходит королева Викто-
рия, объявлены новые
выборы в парламент.
- Июль 1837 г. Дизраэли избирается
в парламент от округа
Мейдстон.
- 1838—1842 гг. Чартисты требуют все-
общего избирательного
права для мужчин.
- 1839 г. Дизраэли женится на
Мэри-Энн Льюис, вдове
Уиндема Льюиса, вме-
сте с которым он изби-
рался в парламент от
округа Мейдстон.
- 1840 г. Дамасское дело: вид-
ных сирийских евреев
обвиняют в ритуаль-
ном убийстве итальян-
ского монаха в Да-
маске; вмешательство
евреев Западной Евро-
пы, в том числе Мозеса
Монтефиоре, спасает
жизнь нескольким об-
виняемым.
- 1841 г. Консервативная пар-
тия побеждает на пар-
ламентских выборах;
Дизраэли избирается
в парламент от округа
Шрусбери.

- 1844 г. Дизраэли публикует роман «Конингсби».
- 1845 г. Дизраэли публикует роман «Сибилла». Фридрих Энгельс публикует работу «Положение рабочего класса в Англии».
- 1846 г. В результате борьбы за отмену Хлебных законов премьер-министр сэра Роберт Пиль уходит в отставку, а Дизраэли играет ведущую роль в ослабленной консервативной партии.
- 1847 г. Дизраэли публикует роман «Танкред».
- Апрель 1847 г. Умирает Мария, мать Дизраэли.
- 1847 г. Лайонел де Ротшильд избран в Палату общин, но не становится ее членом, так как не может принести присягу, где есть слова «верою истинного христианина»; Дизраэли переизбирается, теперь от графства Букингемшир.
- Декабрь 1847 г. Премьер-министр от либеральной партии лорд

Бенджамин Дизраэли

Джон Рассел вносит в парламент билль об освобождении евреев от необходимости давать присягу со словами «верую истинного христианина», чтобы стать членом парламента. Дизраэли выступает в поддержку этого билля, рискуя навлечь на себя недовольство тори.

Январь 1848 г. Умирает Исаак, отец Дизраэли.

Конец 1848 г. Дизраэли покупает Хьюгенден, поместье близ Хай-Уикома.

1851 г. Дизраэли публикует биографию лорда Джорджа Бентинка, своего покойного коллеги по партии тори. Дизраэли вступает в дружеские отношения с миссис Бриджес-Уильямс, урожденной Сарой Мендес да Коста, пожилой дамой, крещеной еврейкой, которая становится его наперсницей.

- 1852 г. Разлад между вигами и пилитами позволяет тори сформировать кабинет, и Дизраэли на короткое время занимает пост канцлера казначейства в первом правительстве Дерби.
- 1854 — 1856 гг. Крымская война, в которой Британия, Франция и Турция противостоят России.
- 1857 г. Восстание в Индии угрожает прочности позиции Британии в ее самой важной колонии.
- 1858 г. От членов Палаты общин больше не требуется произносить присягу со словами «верою истинного христианина».
- Февраль 1858 г. Когда консерваторы вновь ненадолго приходят к власти, Дизраэли во второй раз становится канцлером казначейства в правительстве лорда Дерби.
- 1859 г. Дарвин публикует свой труд «Происхождение видов». Умирает Сара, сестра Дизраэли.

Бенджамин Дизраэли

- 1861 г. Умирает принц-консорт Альберт, муж королевы Виктории. Письма соболезнования, которые Дизраэли писал королеве, открывают новый, отмеченный особой близостью, период в их отношениях.
- 1862 г. Немецкий социалист Мозес Гесс публикует эссе «Рим и Иерусалим», в котором закладывает основы сионизма и провозглашает еврейство расовой идентичностью.
- 1863 г. Миссис Бриджес-Уильямс умирает, оставив Дизраэли свое состояние.
- Октябрь 1865 г. Премьер-министр лорд Пальмерстон умирает; лорд Джон Рассел занимает его место и становится главой либерального кабинета.
- Июнь 1866 г. Консервативной партии удается отклонить предложенный либералами Билль о реформе, согласно которому количество избирателей должно было увеличить-

- ся на четыреста тысяч; либеральное правительство уходит в отставку, и консерваторы, возглавляемые лордом Дерби, возвращаются к власти.
- Август 1867 г. Дизраэли в качестве лидера консервативной партии в Палате общин проводит Второй билль о реформе, наделяющий правом голоса большинство глав хозяйств мужского пола.
- 27 февраля 1868 г. Дизраэли становится премьер-министром в правительстве парламентского меньшинства.
- Ноябрь 1868 г. Гладстон и либеральная партия одерживают решительную победу на выборах в парламент.
- 1870 г. Дизраэли публикует роман «Лотарио».
- Декабрь 1872 г. Умирает Мэри-Энн, жена Дизраэли.
- Февраль 1874 г. Дизраэли становится премьер-министром в результате оглушительной победы консерваторов на выборах. Его правительство выполняет

- данное на выборах обещание принять новые социально ориентированные законы.
- Ноябрь 1875 г. Дизраэли, используя средства, предоставленные семейством Ротшильд, устраивает приобретение Англией акций Компании Суэцкого канала.
- 1876 г. Джордж Элиот публикует протосионистский роман «Даниэль Деронда», где сочувственно изображен еврей в роли главного героя.
Энтони Троллоп публикует роман «Премьер-министр», где еврей изображен в роли злодея.
Дизраэли вносит в парламент Билль о королевских титулах, с тем чтобы к титулу королевы Виктории прибавить «императрица Индии».
- Май 1876 г. Резня болгарских христиан турецкими солдатами-мусульманами приводит к неустойчивости положения в Османской империи и создает угрозу внешней политике Британии.

- 12 августа 1876 г. Дизраэли получает титул графа Биконсфилд; он возглавляет правительство, перейдя в Палату лордов.
- Апрель 1877 г. Россия объявляет войну Турции.
- Март 1878 г. Сан-Стефанский договор кладет конец войне между Россией и Турцией, приводит к созданию Болгарии, передает России значительные территории в Малой Азии.
- Апрель 1878 г. По приказу Дизраэли британские войска передислоцируются из Индии в Средиземноморье на случай войны с Россией.
- Июнь 1878 г. Берлинский конгресс собирает политиков со всей Европы для переговоров о будущем Балкан; границы Болгарии изменяют, и Британия получает контроль над Кипром. Дизраэли общепризнан звездой конгресса.
- Ноябрь 1878 г. Лорд Литтон, британский вице-король Ин-

Бенджамин Дизраэли

- диди, начинает Вторую афганскую войну.
- Январь 1879 г. Британские войска терпят поражение в войне с зулусами.
- Апрель 1880 г. Консервативная партия проигрывает выборы; Дизраэли покидает пост премьер-министра.
- Сентябрь 1880 г. Дизраэли заканчивает свой последний роман «Эндимион».
- 19 апреля 1881 г. Дизраэли умирает.
- 1882 г. Принятые в России репрессивные Майские законы и одобряемые государством погромы приводят к иммиграции в Англию и Америку десятков тысяч евреев.
- 1885 г. Натаниэль де Ротшильд, сын Лайонела, становится первым евреем — членом Палаты лордов.
- 1896 г. Теодор Герцль публикует «Еврейское государство».
- 1897 г. В Базеле собирается Первый сионистский конгресс.

- 1917 г. Британия отвоевывает землю Израиля у Османской империи.
- 2 ноября 1917 г. Британское правительство выпускает Декларацию Бальфура, обещая «создание в Палестине национального очага для еврейского народа».
- 14 мая 1948 г. Образовано Государство Израиль.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Адам Кирш (р. 1976) — американский поэт и критик. Его отец — юрист и знаток Библии Джонатан Кирш.

Стихи Адам Кирш начал писать в четырнадцать лет под влиянием поэзии Т. С. Элиота. В 1997 г. окончил Гарвардский университет.

После окончания университета некоторое время работал помощником редактора в журнале либерального направления «Нью рипаблик». Уйдя из журнала, зарабатывал журналистикой, печатался (и продолжает печататься) в «Нью-Йоркере», «Таймс литерари саплемент», «Нью-Йорк таймс бук ревью» и других изданиях.

Пишет преимущественно о литературе, в том числе опубликовал статьи о творчестве Сола Беллоу, Дилана Томаса, Герберта Уэллса, Чарльза Буковски, Эмили Дикинсон и др.

Работает редактором в еврейском онлайн-журнале «Таблет», одновременно публикует в нем статьи на самые разные темы. К примеру, такие: где печататься еврейским писателям, служить ли в израильской армии ортодоксальным евреям, брать ли деньги за религиозное образование, как оценивать женскую красоту согласно Талмуду и т. д.

Активно сотрудничает с YIVO — Научно-исследовательским институтом изучения идиша, в 1940 г. переехавшим в Нью-Йорк из Вильно.

Адам Кирш издал две книги стихов: «Тысяча родников» (2002) и «Вторжения» (2008).

И несколько книг литературной критики: «Раненый хирург: признания и трансформация шести американских поэтов» (2005), «Современный элемент: эссе о современной поэзии» (2008), «Почему для нас так много значит Лайонел Триллинг» (2011) (критик Лайонел Триллинг, фигура в американской литературе, можно сказать, культовая), «Ракета и плавучий маяк: эссе о литературе и взглядах» (2014).

«Бенджамин Дизраэли» — биография знаменитого писателя Викторианской эпохи и выдающегося английского политика вышла в 2008 г.

О СЕРИИ

Издательство «Книжники» выпускает новую серию «Портрет», посвященную биографиям евреев, оставивших памятный след в истории: в искусстве и политике, религии и науке, — о тех, кто известен всем, и о тех, кто незаслуженно забыт. Это были разные люди, но сопричастность жизненного пути каждого из них судьбе еврейского народа объединяет их всех, независимо от того, в какой части света и в какое время они жили, какую религию исповедовали, чем прославились в еврейском или нееврейском мире. С позиций нашего времени мы попытаемся посмотреть на устоявшиеся легенды и представления и напомнить читателям о тех незримых и иногда не принимаемых во внимание, сознательно или бессознательно отрицаемых связях, которые тем не менее существуют и так или иначе объединяют всех евреев.

Мы не хотели бы ограничивать круг читателей серии «Портрет» узкими национальными рамками и надеемся, что она будет интересна всем читателям, еврейским и нееврейским, ведь каждая ее книга — это прежде всего повествование о чьей-то человеческой судьбе. Все мы — участники этой единой, удивительной, прекрасной и трагичной мистерии, именуемой жизнью, и если она откроется читателю с новых сторон, заставив его задуматься о многообразии явлений, о необходимости толерантности и понимания друг друга, мы сочтем, что серия выполняет свою задачу.

Кириш, А.

К43 Бенджамин Дизраэли / Адам Кириш ; пер. с англ. В. Генкина. — Москва : Книжники, 2016. — 314 [6] с. — (Чейсовская коллекция. Портрет).

ISBN 978-5-9953-0428-9

Биография Бенджамина Дизраэли, популярного романиста и выдающегося государственного деятеля, — одна из самых ошеломительных биографий XIX века.

Сегодня кажется чудом, как Дизраэли, рожденному евреем и оставшемуся в глазах англичан представителем презираемого меньшинства, удалось стать премьер-министром Великобритании и одним из самых могущественных людей в мире.

О Дизраэли как о мастере политической интриги и как о романисте написано немало книг, но Адам Кириш поставил перед собой особую задачу — «понять жизненный путь Дизраэли именно как историю еврейскую», ведь иначе, считает он, невозможно «по достоинству оценить значительность достижений Дизраэли».

УДК 821.111.(73)

ББК 83.3 + 91

ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ПОРТРЕТ

Адам КИРШ

БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ

Редактор Л. Беспалова

Корректор Т. Осинская

Подписано в печать 15.01.2016. Формат 84x100/32

Усл.печ.л. 12.96. Тираж 1000 экз

Заказ № 813.

Издательство «Книжники»

127055, Москва, ул. Образцова, 19, стр. 9

Тел. (495) 663-21-06; 710-88-03

E-mail: info@knizhniki.ru

Интернет-магазин: www.knizhniki.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

СКАЧАЙ НОВОЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ
JKniga
DOWNLOAD
OUR NEW APP

Ж
(юнкники)

Биография Бенджамина Дизраэли, популярного романиста и выдающегося государственного деятеля, — одна из самых ошеломительных биографий XIX века. Сегодня кажется чудом, как Дизраэли, рожденному евреем и остававшемуся в глазах англичан представителем презираемого меньшинства, удалось стать премьер-министром Великобритании и одним из самых могущественных людей в мире. О Дизраэли как о мастере политической интриги и как о романисте написано немало книг, но Адам Кириш поставил перед собой особую задачу — “понять жизненный путь Дизраэли именно как историю еврейскую”, ведь иначе, считает он, невозможно “по достоинству оценить значительность достижений Дизраэли”.

ПОРТРЕТ

THE CHAIS FAMILY LIBRARY
OF JEWISH THOUGHT